

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ НЕМЦЫ ПРИКАМЬЯ

Краткий биографический сборник
о некоторых представителях российских
немцев Прикамья

Издание 2-е, исправленное и дополненное

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4Пер)
326

Авторы-составители: В.Ф. Гладышев, Т.А. Дорош

326 Замечательные немцы Прикамья. Краткий биографический сборник о некоторых представителях российских немцев Прикамья. Издание 2-е, исправленное и дополненное. В.Ф. Гладышев, Т.А. Дорош. – Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2014. – 212 с., илл.

Рецензенты: заведующая кафедрой лингвистики и перевода ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» (Киров), доктор филологических наук, профессор О.В. Байкова, кандидат исторических наук, преподаватель общегуманитарных дисциплин ГБОУ СПО СО «Качканарский горно-промышленный колледж» Н.В. Матвеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и права НТГСПА (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия) С.Л. Разинков.

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4Пер)

© В.Ф. Гладышев, Т.А. Дорош, авторы-составители, 2013
© Оформление. ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	8
------------------	---

Часть 1. ОБРЕТЕНИЕ ВТОРОЙ РОДИНЫ

Доктор исторических наук Олег Лейбович . Цена «входного билета»	16
1. Модерах К.Ф. , пермский губернатор.....	22
2. Граль Ф.Х. , врач.....	25
3. Бурмейстер А.Х. , герой Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенант	27
4. Галлер В.И. , герой Отечественной войны 1812 г., председатель Пермской гражданской палаты.....	28
5. Гейнрих-Роттони Мориц , выходец из австро-венгерских графов; один из первых пермских фотографов.....	32
6. Геннин В.И. (де Гённин) , российский военный инженер немецко-голландского происхождения, генерал-лейтенант, специалист в области горного дела и металлургического производства, строитель ряда уральских заводов	33
7. Генкель А.Г. , ученый	35
8. Грасгоф Г.Л. , горный инженер, действительный статский советник.....	37
9. Грибель В.К. , купец; его сын Валентин Валентинович Г-юрист, видный общественный деятель.....	39
10. Кромер Н.И. , организатор фармацевтического образования на Урале.....	40
11. Крюгер В.А. , профессор Пермского ун-та, ученый-ботаник ...	42
12. Кюнцель А.А. , врач, организатор одного из первых в Перми скаутских отрядов; один из организаторов физико-терапевтической службы в Пермской психоневрологической больнице.....	43
13. Медем А.А. , барон, почётный мировой судья, гласный Пермской городской думы.....	45
14. Мейер Ф.А. , журналист, путешественник; председатель Пермского общества дворянской опеки.....	48

15. Мейер Я. А. , врач, Почетный гражданин г. Кунгура.....	50
16. Меллер В.И. , палеонтолог, горный инженер, член-корреспондент Императорской Академии наук; автор геологической карты Урала, исследователь Луньевских каменноугольных копей	51
17. Рандорф А.Я. , участник Отечественной войны 1812 года, городничий Кунгура, исправник Красноуфимского и Кунгурского уездов ...	53
18. Рейхардт Ф.К. , инженер путей сообщения, личный почетный гражданин	56
19. Рихтер А.А. , ученый, ректор Пермского университета	57
20. Строльман С.А. , действительный статский советник, горный начальник Пермских пушечных заводов	59
21. Струве Б.В. , пермский губернатор, Почетный гражданин Перми	62
22. Циммерман Оттилия, Эвелина и Маргарита , просветительницы	65
23. Шмидт В.К. , профессор, ректор Пермского университета	69
24. Шрамм А.С. , надворный советник, врач Чермозского госпиталя	70

Часть 2.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Советский и постсоветский период

1. Абт-Нейферт Н.Ф. , певица, заслуженная артистка РСФСР	74
2. Ангальт З.Ф. , один из организаторов Верещагинской трикотажной фабрики	75
3. Бадер О.Н. , доктор исторических наук, создатель пермской школы археологов, организатор Камской археологической экспедиции ПГУ....	77
4. Бартоломей А.А. , строитель, заслуженный деятель науки и техники, ректор ПГТУ (ППИ).....	79
5. Брунс В. А. , доктор мед. наук, профессор, онколог	80
6. Вагнер Е.А. , академик, доктор медицинских наук, ректор мединститута (ПГМА).....	82
7. Вагнер Н.Н. , писатель.....	85
8. Гейденрейх Е.Н. , балерина, основательница хореографической студии, затем училища при Пермском театре оперы и балета.....	86
9. Гергерт В.Э. , гидростроитель	91

10. Гиллер О.К. , инженер, Герой труда РСФСР.....	93
11. Грунер В.И. , член Союза композиторов России, лауреат все-союзных конкурсов, организатор международного Грунер-фестиваля.....	95
12. Дорош Т.А. , ответственный секретарь Фонда имени доктора Федора Граля.....	96
13. Кёниг Г. Р. , кандидат сельскохозяйственных наук.....	98
14. Кислинг В.А. , кандидат экономических наук, один из организаторов Пермского общества российских немцев «Возрождение»	100
15. Лаут И.И. , заслуженный строитель РФ.....	102
16. Лишке А.А. , д.м.н., основатель кафедры детской хирургии ПГМА.....	108
17. Мауэр Г.Т. , краевед, палеонтолог.....	109
18. Паульс П.Ф. , председатель Евангелическо-лютеранской общины	110
19. Петерс П.П. , руководитель Краснокамского общества российских немцев «Возрождение».....	113
20. Райник А.С. , режиссер, хореограф, поэт.....	115
21. Тиссен Г.П. , педагог	116
22. Тольцинер Ф.М. , архитектор.....	120
23. Штефан В. , артист, радиоведущий.....	122
24. Генрих Эпп. «Я сердцу стынуть не даю...»	124

Часть 3.

РАЗДВИГАЯ ГОРИЗОНТЫ

1. Редекон И.Э. «Диаспора в свободном полете». О деятельности Общества российских немцев Прикамья.....	126
2. Гриб Э.А.: «Нахлебниками мы никогда не были».....	132
3. Вместо послесловия. «Граница между культурой и дикостью».....	138

ПРИЛОЖЕНИЯ

1) Александр Гумбольдт в Перми.....	145
2) Воспоминания А.А. Кюнцеля о Перми рубежа XIX–XX веков.....	151

3) Фридохф-немецкое (Лютеранское) кладбище Пермского парка Памяти (Егошихинского).....	165
4) Негласное табу. Как использовался трудовой ресурс военнопленных в Прикамье.....	174
5) Суксун не забыл Дору.....	183
6) Когда империя кипела. (Подарок судьбы)	194

*Издание посвящено
250-летию Указа Екатерины II
о переселении немцев
в Российскую империю*

Книга выпущена при поддержке Федерального министерства внутренних дел Германии (ВМІ), Ассоциации общественных объединений «Международный Союз немецкой культуры», Департамента внутренней политики администрации губернатора Пермского края.

Вступление

«СДЕЛАЙ МЕНЯ НЕМЦЕМ, МИН ХЕРЦ!»

Когда речь заходит о наших немцах, многим вспоминается крылатая фраза из классики: «Сделай меня немцем, мин херц». С такой просьбой, полусуто-полусерьезно, обращается к императору Петру Великому его верный выдвиженец Александр Меншиков. В ту пору немцы были призваны помогать поднимать Россию, с их помощью прорубалось «окно в Европу». А затем был еще один призыв, более массовый и организованный, – при Екатерине II. Именно по повелению Екатерины Великой начался столь интересный миграционный процесс, имевший далеко идущие последствия для обеих стран. Причем мы должны вести речь в данном случае не только о каких-то тактических приобретениях и плюсах временного, экономического характера, но и о стратегической, геополитической пользе. После появления так называемого вызывного «Манифеста о даруемых иностранным переселенцам аванжах и привилегиях» (июль 1763 г.), по которому с помощью немецких, прежде всего, добровольцев, привлеченных немалыми льготами, начался процесс освоения малонаселенных российских территорий. Попутно шло сближение двух великих культур, от чего оказались в выигрыше не только два народа, русские и немцы, но и вся европейская цивилизация.

Появление немцев в Прикамье как раз и относится к XVIII веку. Немцы селились в городах и заводских поселках, это были служащие, чиновники, врачи, учителя, служители культа. И хотя численность их была сравнительно невелика, но роль приезжие европейцы играли довольно заметную. Создавались административные, руководящие органы, учреждения в сфере образования, культуры, медицины, и здесь присутствие специалистов немецкой национальности оказалось очень кстати. Начиная со второго колена, они, как правило, приживались к новому месту, шел естественный процесс ассимиляции, обрусения. Но корни свои, культуру и религию пермские немцы никогда не забывали. В 1856 г. в Прикамье проживало 213 немцев, большая часть немецкого населения была представлена жителями губернского города. (См.: Памятная книжка на 1863 год).

Во второй половине XIX – начале XX в. численность немецкого населения региона возрастает. Значительный приток немецких переселенцев из западных губерний России в Прикамье наблюдался во время Первой

мировой войны. Немецкое население в этот период в основном было представлено городскими жителями. К 1920 г. численность немцев только в городах составила 1 264 человека, среди которых большинство (905 чел.) проживало в г. Перми, 305 – в г. Кунгуре, 45 – в г. Осе.

Приняв российское подданство, немцы, в большинстве своем, служили верой и правдой новой родине, каждый на своем месте, начиная с первого поколения, еще не обрусевшего. Немецкие фамилии встречаются среди пермских чиновников, тех, кто основывал, развивал и укреплял казенные учреждения молодой губернии. Назовем таких, как Иван Иванович Шульц (ск. 1869), главный лесничий Уральских заводов в 1838–1844 гг.; провел первое обследование всех горнозаводских лесных дач. Или Андрей Егорович Грубер, капитан, который с 1792 года – первый губернский землемер. С 1837 г. горным начальником Пермских заводов служил Фелькнер Федор Иванович (1802–1877), генерал-лейтенант корпуса горных инженеров; в 1845 г. открыл Кушайское месторождение серного и медного колчедана, послужившее основанием уральской химической промышленности.

Разумеется, среди российских администраторов, чиновников немецкого происхождения (как и других занятий) встречались разные люди – разные и по нравственным качествам, и по талантам. Это нашло отражение и в русской классической литературе. Пермь вот повезло с одним из первых начальников губернии Карлом Модерахом, не зря же его и по сию пору относят к разряду эталонных губернаторов (о нем подробнее см. в Персоналиях). Но не всем и не везде так «везло». Довольно забавное происшествие произошло с выдающимся ученым, бароном Александром фон Гумбольдтом, побывавшим в 1829 году на Урале (о пребывании его в Перми см. в Приложениях). Проезжая Оренбург, Гумбольдт написал оренбургскому губернатору, генералу Эссену, письмо, в котором просил его позаботиться о собирании местных животных. Почерк Гумбольдта был не очень разборчив, Эссен не мог прочесть письмо, оно долго ходило по рукам; наконец, какому-то чиновнику удалось разобрать послание. Узнав о его содержании, Эссен не на шутку обиделся. «Не понимаю, как прусский король мог дать такой важный чин человеку, который занимается подобными пустяками», – заметил он и уехал из Оренбурга, может быть, приняв просьбу Гумбольдта за насмешку.

Несмотря на то, что по-русски представители первых поколений российских немцев говорили еще плоховато, их всех называли уже на

русский манер – Иван Иванович или Федор Христофорович – так обращались к доктору Фридриху Гралою (о нем подробно ниже, в соответствующей персоналии). Естественный процесс ассимиляции, укоренения шел параллельно с профессиональным ростом. Врач, Александр Генрихович Фолькман (1829–1889), работал сначала ординатором Пермской Александровской больницы, статский советник; основал городскую больницу в г. Екатеринбурге (1874). Статским советником стал и сын его, Адольф Александрович, но он проявил свои способности уже в другой сфере, управляющим Пермской казенной палатой.

Видное место стали занимать немцы в банковской сфере. Доппельмайер Анатолий Гаврилович, статский советник, в начале XX века служил управляющим Пермским отделением Госбанка. Причем он занял эту должность после того, как его предшественник на данном посту застрелился из-за денежных растрат в банке (небывалый для Перми случай!). Г-н Доппельмайер показал себя на этой ответственной, «застрельной» должности с неплохой стороны. Как и Штейнберг Иван Яковлевич, который был «иностранным корреспондентом» Пермского отделения коммерческого Волжско-Камского банка.

Немало выходцев из немцев «пригодились» по железнодорожному ведомству, где их врожденные привычки к дисциплине и точности были очень востребованы и способствовали успешному продвижению по службе. Например, Дикхоф Август Васильевич (1844–1906) получил должность начальника конторы службы движения Пермской железной дороги. Роленгоф Федор Карлович – надворный советник, служащий контроля Пермской железной дороги.

Как правило, пермские немцы в кругу семьи придерживались своих национальных традиций и вероисповедания. В 1864 году в губернской столице появилась и каменная кирха. Не о всех ревностных пермских лютеранах нам известно, но вот сведения об одном из подвижников. Отставной полковник Виктор Теодор Ротхаст был избран пермскими единоверцами старостой евангельско-лютеранской общины. Потрудились на этом посту немало, в благодарность от общины на его могиле был поставлен каменный крест, причем средства на надгробие собирали всем миром.

Всего 35 лет прожил талантливый инженер-путеец Владимир Рейнах. Однако в историю Перми он вошел не только благодаря самоотверженной работе на железной дороге. Весной 1890 года г-н Рейнах поехал в командировку в Оханск, там он заболел и вскоре скончался. Перед кончиной

Владимир Рудольфович успел рассказать врачу, что он останавливался на квартире десятника, у которого дочь болела оспой. Так выяснилось, что прививками против оспы (которые были введены, кстати, в массовом порядке по указу Екатерины II) не были охвачены многие пермяки. «В городе черная оспа!» Тревожная весть, что инженер заразился страшной хворью, быстро облетела город, поднялась паника. Этому способствовали и необычайные меры, предпринятые при похоронах. В специальном заявлении врачей, которое публиковалось в нескольких номерах «Пермских губернских ведомостей», было написано:

«Труп бережно был положен факельщиками (!), облит хлорной известью с соляной кислотой (гроб), заколочен и, поставленный прямо на колесницу, отправлен на кладбище. После этого в квартире г-на Рейнаха была проведена тщательнейшая дезинфекция». («ПГВ» 28 марта 1890 г.).

Вопрос «о болезни г-на Рейнаха» специально рассматривался на заседании городской думы. Понадобилось также сообщение авторитетного доктора П.Н. Серебренникова, благодаря которому санитарно-просветительская работа в городе была поставлена на научную основу. Врач Кватц, ссылаясь на авторитетное мнение, написал по итогам консилиума, что черной оспы в городе нет, что «несчастный случай г-на Рейнаха индивидуальный и не угрожает жителям г. Перми». («ПГВ» 31 марта 1890 г.).

В итоге панику, поднявшуюся было «ввиду неправильно возбужденных суждений относительно якобы необычной заразности данного случая», удалось прекратить. И выходит, что инженер Рейнах своей кончиной поспособствовал тому, что качество земской медицины, санпросветработа были подняты на новый уровень, более цивилизованный. А на лютеранском кладбище появилось красивое надгробие с крестом, из черного мрамора и с такой эпитафией: «Здесь покоится тело надворного советника инженера путей сообщения Владимира Рудольфовича Рейнаха. Род. 1885 – скончался в 1890 г. 18 марта в 1 час дня от тяжелой болезни». (О немецком кладбище Егошихинского Парка памяти см. подробнее в Приложениях).

Как правило, пермские немцы тянулись к культуре, проявляли себя не только в основной сфере своей деятельности. Николай Германович Тиме, служащий Пермского губернского акцизного управления, руководил певческим обществом. Путеец Август Дикхоф был активным членом музыкального кружка. В том же кружке занимался Эдуард Деннемарк, преподаватель пения и музыкальной грамоты, один из учителей гимназиста Сережи Дягилева, будущего знаменитого театрального антрепренера.

Отношение местного населения к российским немцам, ставшим полноправными гражданами общества, заметно изменилось, и не в лучшую сторону, в канун и во время Первой мировой войны. Всплеск патриотических чувств по всей Российской империи, возмущение, вызванное нападением Германии, сопровождалось не только заменой немецких названий, а также антинемецкими выпадами и демаршами, порой не контролируруемыми властями. В Перми существовала частная женская гимназия Дрекслер, начальницей ее была Александра Иустиновна Дрекслер-Голынец, с 1914 года учреждение стало носить имя писателя И.С. Тургенева. Хотя мужская гимназия сестер Циммерман сохранила свое название. Это говорит о том, что пермское население, в массе своей, было более взвешенным, сдержанным в проявлениях своих эмоций.

Во время визита в Пермскую губернию великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой, старшей сестры императрицы, конфликтная ситуация возникла в Кунгуре во время встречи ее сестры, немецкой принцессы Виктории Баттенбергской. Один из уездных земских начальников произнес приветственную речь на родном для гостьи языке, и это вызвало негативный резонанс в обществе.

В начале 1914 года многие газеты опубликовали сообщение о небывалом событии, ставшем своеобразным и очень тревожным провозвестником грядущих мировых катаклизмов. 26 января в Красноуфимском уезде Пермской губернии, близ села Кирчишан, опустился воздушный шар с тремя германцами из Берлина. Авиаторы были арестованы и преданы суду Казанской судебной палаты за перелет через запретную зону. Палата приговорила горе-путешественников Берлинера, Грана и Николаи к 4 месяцам 2 дням заключения. Как позднее выяснилось, господа воздухоплаватели оказались германскими шпионами-наблюдателями. Отбыв свой срок наказания (по нынешним меркам – просто детский и профилактический срок!), немецкие авантюристы успели выйти на свободу до начала мировой войны.

А 8 июля 1914 года в Перми побывал кругосветный путешественник г-н Ролей. Он вышел из Ганновера в 1911 году. Только представьте, какой путь прошел немецкий смельчак за это время: он повидал Австро-Венгрию, Сербию, Болгарию, Турцию, Малую Азию, Палестину, Сирию, Египет, Аравию, Персию, Индию, Бирму, Индо-Китай, Китай, Монголию, Корею, Японию, Америку, Сибирь... Ежедневно он делал

65–70 верст. За три с половиной года преодолел расстояние в 5 800 верст! (См.: В.Н. Трапезников. Летопись г. Перми. П., 1998).

Таким образом, г-ну Ролею оставалось пройти Россию. Поневоле думаешь: как успел уложиться, «вписаться» аккуратно до начала мировой войны, когда многие границы будут закрыты, а часть государств перекроет свои владения, поменяют строй...

Немецкое население Прикамья формировалось на протяжении длительного периода и представлено разными группами, среди которых – немцы Поволжья, Сибири, а также Крыма, Волыни, других территорий Украины, переселенцы из Молдавии и Белоруссии. Одной из наиболее интересных групп немцев Прикамья является сельское население южных районов края. Оно сформировалось в результате переселения немцев из западных губерний России в начале XX в., расселившихся компактно и основавших несколько хуторских поселений, а также сохранивших основные элементы традиционной культуры. Данной теме посвящено обстоятельное исследование Д. Ваймана и А. Черных «Немецкие хутора Прикамья» (П., 2008).

Увеличение численности немецкого населения в Прикамье продолжалось и в годы первых пятилеток, чему в большей степени способствовала политика Советского государства. Главными причинами добровольного или насильственного переселения немцев на эту территорию стали раскулачивание и репрессии 1930-х годов, а также индустриализация. На промышленные стройки Прикамья ехали со всего Советского Союза, сюда прибыло и немало немцев-специалистов. Значительное переселение немцев в Прикамье приходится на годы Великой Отечественной войны. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в разные районы СССР были насильственно депортированы немцы с Поволжья, Украины, Кавказа. Они пополнили ряды трудармейцев. До начала депортации в сентябре 1941 г. в Прикамье, в Молотовской области проживало 2 672 немца, а к 1 января 1953 г. в области числилось 52 313 немцев, среди которых местных немцев насчитывалось 1 648 человек, трудармейцев и членов их семей, немцев, – 32 834, немцев-репатриантов – 17 831. В дальнейшем численность немецкого населения в регионе сокращалась, и перепись 1959 г. зафиксировала в области 38 928 немцев. В последующие годы их число также уменьшалось.

Уезжали не только жители Перми, но и других городов Прикамья. Однако связей с пермяками не рвут. Вот и А.К. Эрлих, как говорится, отбыл «нах фатерланд». Ежегодно он приезжает в отпуск в родную Лысьву. Встречается со своими друзьями, сослуживцами. Вспоминая молодость, отправляются сплавиться по реке Чусовой. А.К. Эрлих в 1966 году окончив 11 классов, год учительствовал. Преподавал немецкий язык, черчение и рисование. Закончил Свердловский филиал Московского архитектурного института. В период с 1974 по 1996 год работал старшим инженером предприятия «Лысьвапроммонтаж», главным архитектором в г. Лысьва. Сейчас живет и работает архитектором в Германии, в управлении строительства района Ной-Кельн-Берлин. И таких, как архитектор Эрлих, уехавших... чтобы возвращаться, у нас немало.

По переписи 1989 г. в Пермской области проживало 15,3 тыс. немцев, по переписи 2002 г. численность немцев в Прикамье составила 10 152 человека. К местам компактного проживания немцев в Прикамье можно отнести города Соликамск, Березники, Пермь, а также Октябрьский, Чернушинский, Чердынский районы. И в каждом из этих мест мы находим людей, которые с полным правом могут стать героями данного биографического справочника...

Принцип отбора героев нашей книги прост: персоналии отбирались не по месту рождения, а по общественному признанию тех российских немцев, кто считал и считает наш край своей второй родиной, по их вкладу в развитие экономики, науки, культуры, образования Пермского края.

Первое издание сборника «Замечательные немцы Прикамья» вышло в 2010 году. Посвящалось оно 20-летию Пермского регионального общества «Видергебурт» («Возрождение»), и включало ровно 20 персоналий. В новом издании их более 50. Справочник обязательно должен пополняться, уточняться с помощью читателей. Все предложения и замечания можно присылать на адрес Пермского общества российских немцев «Видергебурт»: 614000, Пермь, ул. Сибирская, 19, тел.: 8 (342) 212-13-84, 8-912-789-89-47, laut.perm@mail.ru.

Часть 1.

**ОБРЕТЕНИЕ
ВТОРОЙ РОДИНЫ**

Олег Лейбович,
доктор исторических наук:

ЦЕНА «ВХОДНОГО БИЛЕТА»

Немецкое присутствие в Прикамье трудно «подверстать» под единую формулу, оно не укладывается в некую общую, стройную схему. Начну с того, что речь идет о разных немцах – российских и германских. На территории Пермской губернии не было немецких поселений, изначально называемых колониями. До 1914 г. немец в Перми – это чиновник, очень редко – инженер, доктор, торговец или ремесленник. В любом случае, счет идет на единицы. Генерал Брусилов, один из полководцев Первой мировой войны, оставил в своих мемуарах любопытное замечание:

«Чем был виноват наш простолюдин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор – из этих умных и хитрых людей». (М.: Воениздат, 1963. С. 83).

Здесь старый генерал, размышляющий на склоне лет о крахе империи, несколько преувеличивает. Однако, что касается ситуации в Пермской губернии, преувеличивает не слишком.

Только в годы мировой войны, называемой современниками Великой, в Прикамье появляются германские военнопленные, а с ними и гражданские подданные рейха, принудительно эвакуированные в глубокий тыл из прифронтовых областей. Многие из них задерживаются на Западном Урале вплоть до окончания гражданской войны. Некоторые принимают в ней участие на стороне Красной Армии в составе интернациональных батальонов и более мелких подразделений, организуют ячейки Коммунистической партии Германии или прямо записываются в большевики. Другие выжидают, когда все это кончится, зарабатывать себе на жизнь ремеслами или сельскохозяйственным трудом. После подписания мира с Польшей в 1921 г. почти все они возвращаются на родину. Пауза продолжается вплоть до 1928 г. Для реализации индустриальных проектов из Веймарской Германии приглашают инженеров и рабочих. В течение шести лет они трудятся на стройках большой химии, преимущественно на севере – на Вишере, в Березниках, в Соликамске,

трудятся вместе с советскими инженерами и рабочими, участвуют в соревнованиях, входят в состав ударных бригад, посещают собрания, подписываются на заем; в общем, живут советской жизнью, но по-особенному. От русских товарищей по работе их отделяет не только язык, но и возможность в любой момент уйти со строительства, более того, уволиться от социализма, вернуться в упорядоченный бюргерский быт. Германские инженеры и рабочие на социалистических предприятиях – это привилегированная группа, стоявшая в имущественном и бытовом отношении наравне с начальством, если не выше его, и уже по этой причине не способная к действительному объединению с русскими работниками. После 1934 г. иностранные специалисты, за малым исключением, возвращаются в Германию. Их замещают советские инженеры, прибывшие из Москвы, Ленинграда, Харькова и Казани. Некоторые из них носят немецкие фамилии. В годы большого террора немцы (советские и германские) становятся жертвой массовых операций. Охотятся на политэмигрантов из Третьего рейха, арестовывают германских подданных, берут под подозрение учителей немецкого языка, подвергают чистке выпускников советских инженерных вузов. Так впервые немцы становятся органической частью местного лагерного населения. Правда, и в 1937–1938 гг. для некоторых из них делается исключение, о котором не смеют мечтать другие иностранные жертвы массовых операций: поляки, латыши или финны. Германские подданные (не все, конечно), уличенные и избалованные в шпионаже, подвергаются высылке из СССР. Аресты продолжаются и после завершения массовых операций – берут по фамилиям: немолодую учительницу немецкого языка Елизавету Генриховну Геринг, старого русского инженера Владимира Ипполитовича Мартина. (См.: ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 2. Д. 25. С. 55–86).

Массовый приток советских немцев на территорию вновь образованной Молотовской области приходится на 1941–1942 гг. Местные хозяйственные руководители, испытывающие огромный дефицит рабочей силы, просят Москву прислать трудармейцев для использования в лесном, нефтяном, строительном и угольном хозяйствах. После того, как другие контингенты трудовых колонн и батальонов (латыши, эстонцы, поляки) получают право взять в руки оружие и в составе национальных формирований отправиться на фронт, трудовая армия становится немецкой. 26 июня 1941 г. капитан Николай Францевич Гастелло – выходец из обрусевших немцев – мог летать на штурмовку наступающих

колонн вермахта. В августе того же года это стало бы невозможным. (См.: Легенды Великой Отечественной. Николай Гастелло, <http://www.peoples.ru/military/hero/gastello>). Для того, чтобы сохранить за ним статус героя Отечественной войны, Н. Гастелло посмертно сменили национальность, сделали его белорусом.

В составе трудармии – мужчины и женщины. Первых, как правило, переводят на лагерное содержание. Вторых размещают в обособленных бараках. И тех, и других используют на самых тяжелых, неквалифицированных работах. Дипломы, квалификации, профессиональный опыт не учитываются. (Есть, конечно, исключения. По ходатайству больших учреждений и влиятельных лиц тот или иной специалист мог быть отозван с общих работ, привлечен к выполнению особо важных заданий, даже исключен из состава трудармейцев).

...Позволю личное воспоминание. Моя мать – Мария Васильевна Вожакова – во время войны какое-то время работала на заводе имени Сталина (ныне «Моторостроитель» – ред.). Человеком она была по-советски правильным. Знала, о чем говорить можно, о чем – нельзя. Но вот однажды – мне было тогда лет восемь – не помню уже, по какому случаю, она вдруг рассказала, как зимой сорок второго года навстречу ей, возвращавшейся с работы, шла немка – большая, опухшая от голода, – шла медленно, покачиваясь, едва переступая обутыми в галоши ногами, и несла на плечах коромысло с наполненными ведрами. А за ней шел конвоир с ружьем. Рассказала и замолчала. На мои вопросы: почему немка? зачем ее охраняли? шпионка что ли, и еще какие-то глупости – ответила крайне скупой и неохотной немкой из Поволжья. И знать тебе про это ничего больше не нужно. Потом уже без конвоя водили. Прошло много лет, а вот образ не стерся. И впечатление сохранилось в памяти: было жалко и непонятно, видимо, так же, как и матери.

Немцы были вновь отделены от местных жителей. На этот раз ключей проволокой, конвоирами, особенным несчастьем и ненавистью. Массовое сознание не знает оттенков и полутонов. Немец во время войны и в первые послевоенные годы означал врага. Поволжский он был или германский, солдат чужой армии или изгнанный с фронта красноармеец – это было неважно, или почти неважно. Да и вступать в контакт с ними было небезопасно.

Барьеры постепенно стали рушиться после войны. Советские немцы, ставшие спецпоселенцами, вышли из лагерей. Их дети получи-

ли право на образование, в том числе и высшее. Остались запреты на профессию и ограничения по месту жительства. Археолог, доцент Отто Николаевич Бадер (см. о нем во 2-й главе) мог преподавать в университете, но был лишен возможности прописаться в областном центре. Каждый раз, приходя на лекцию, он нарушал паспортный режим. Выпускника исторического факультета распределяли в сельскую школу только в порядке исключения. Время от времени партийные органы обнаруживали нарушения в кадровой политике и требовали их немедленно исправить. Так, в 1952 г. обком партии потребовал от Щучье-Озерского райкома исправить кадровые ошибки: уволить с должности директора семилетней школы «немца Газенфуса», а с должности завуча Чадской средней школы – «спецпереселенку немку Мовсесян». (См.: Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 73).

Именно в первое послевоенное десятилетие наблюдаются два, на первый взгляд, несовместимых процесса – национальная ассимиляция и формирование немецких культурно-территориальных общин. В лесных и рабочих поселках, в которых «навечно» были заперты немцы, вместе с ними проживали другие спецпереселенцы: украинцы, крымские татары, но также и русские – из числа бывших военнопленных или жителей оккупированных территорий, подозрительных по части сотрудничества с германскими властями. На предприятиях угольной, нефтяной или металлургической промышленности, на строительстве новых производственных сооружений советские немцы работали да и проживали вместе с другими советскими рабочими. Общий быт, одни и те же условия труда, схожие проблемы, единые праздничные ритуалы (официальные и дружеские) – все это сближало людей. И немцы, и русские, и украинцы, и белорусы не только вместе работали, но и вместе пили. Пили по-русски. В записках кинематографиста Виталия Мельникова о военных годах упоминается горемычная судьба его школьного приятеля Лео. «После войны его из ссылки не выпустили, и он спился в маленьком таежном поселке Кедровое, где преподавал ссыльным ребяташкам никому там не нужный немецкий язык». (Искусство кино. 2005. № 5. С. 148).

В шахтерских поселках Молотовской области, напротив, были люди, желающие сохранить свою немецкую идентичность. Они использовали для этого фактически единственную остававшуюся возможность: создание религиозных общин – меннонитских братств, открытых фактически

для всех людей протестантского вероисповедания. Речь шла о возобновлении старых практик ухода от внешнего мира: чуждого, враждебного, греховного. Под религиозной оболочкой меннонитских общин культивировались традиции доиндустриального образа жизни, свойственного обитателям малых германских городков и деревень. Немецкая культура получила свое новое воплощение в архаичных формах, отторгающих, в конечном счете, современную цивилизацию. За время жизни одного поколения с ней (имеется в виду культура) произошла полная метаморфоза. В тридцатые годы немецкая культура в Прикамье – это средоточие индустриализма, науки, городских форм социальной жизни. В сороковые–пятидесятые годы немецкая культура – это очаг традиционализма, возвращение к практикам и верованиям раннего протестантизма. Естественно, что в этом своем качестве она отталкивала от себя многих молодых людей, получивших советское, да и просто светское образование, тем самым усиливая ассимиляционные процессы.

Парадокс состоит в том, что немецкое меньшинство в Пермской области институализировалось в виде современных культурных ассоциаций уже в иную эпоху – после массового исхода российских немцев на историческую родину на рубеже восьмидесятых–девяностых годов ушедшего века.

Иначе говоря, немцы в Прикамье на протяжении советской истории пребывали в самых различных ипостасях. Германских подданных, силой обстоятельств вынужденных принять участие в Гражданской войне. Иностранцев рабочих и специалистов, на особых, повторюсь, привилегированных условиях помогающих осуществлять социалистическую реконструкцию промышленности. Советских граждан (врачей, инженеров и учителей), распределенных плановыми органами на предприятия и учреждения в тридцатые годы. Трудармейцев и спецпоселенцев военных и послевоенных лет. И, наконец, обрусевших рабочих, инженеров, ученых и администраторов шестидесятых–восьмидесятых годов XX века, дорогой ценой оплативших «входной билет» в позднюю советскую культуру.

Таким образом, можно говорить о дискретном, циклическом, волнообразном немецком присутствии в жизни пермского территориального сообщества. Каждая из этих волн отличается и культурным своеобразием, и силой влияния на региональные общественные, экономические процессы, и характером обратной связи. То есть, уровнем восприим-

чивости немецких участников пермских событий к условиям местной среды, степенью открытости к российской культуре. Вернее было бы сказать – к культурам. Между волнами наблюдается словно пунктирная связь, поддерживаемая немногими людьми, взявшими на себя тяжкий труд быть соединительным звеном между двумя национальными культурами.

МОДЕРАХ К.Ф.

Карл Модерах (1747–1819) правил обширной Пермской губернией почти пятнадцать лет, это абсолютный рекорд для начальников края. Из глухого забвения вырисовывается колоритная крупная фигура не просто администратора, но инженера и строителя, который помог «подняться с колен» Архангельску (после пожара, еще до пермского назначения) и Москве (освобожденной от Наполеона, после Перми).

Благодарные москвичи подарили бывшему пермскому губернатору 200 тысяч рублей и стихи, в которых были такие строки:

«Москве, измученной от зол и страха, монарх прислал в утеху Модераха».

Слегка изменив текст, можно смело писать, что и Перми он прислан был также «в утеху».

Как же оказался Модерах на Урале? Когда он пришел домой с известием о том, куда его направляют губернаторствовать, его жена Ани не сдержала эмоций:

– За что, Карлуша?

– На то монаршья воля, – задумчиво развел руками Карл Федорович.

В их тогдашнем представлении Пермь – это Сибирь, это глухая окраина империи, куда ссылают за провинности. Право же, инженер-полковник Модерах был вправе рассчитывать на более «теплое» местечко, в прямом и переносном смысле. Например, губернатором в Выборг. До пермского назначения он храбро воевал с турками, брал крепость Хотин в 1769 году. (Наследником воинской доблести отца стал младший Модерах, Александр Карлович, русский офицер, герой Отечественной войны, чья фамилия выбита на стене московского храма Христа Спасителя). Затем успешно строил петербургские мосты и набережные. И уже пошла молва: быстрее и дешевле, а главное – надежнее Модераха никто не строит.

Тайный советник, сенатор, кавалер и прочее... Все это – не просто монаршья милости, но награды за труды в Перми. Все чаще Карл Федорович приходил в комнату своей супруги довольный и сияющий. И его

любящая и любознательная Ани при виде очередного ордена задавала обычный вопрос, со своим милым акцентом: «За что?»

За что... Первым делом новый хозяин навел контакт с городской думой. Сообща они многое сдвинули с места. В первую очередь это касалось развития ремесленничества, оживилась торговля. Представьте себе: в молодой губернской столице не было мастеровых, не хватало умельцев. О том свидетельствует писатель Александр Радищев, проезжавший в ссылку. И Модерах нашел выход: он добился разрешения оставлять в Перми мастеровых, которые наказаны «за маловажные вины».

Его отличали нестандартное мышление и умение защитить, если надо, толкового специалиста. Судьба врача Федора Граля, которого пермяки будут звать «святым доктором», – тому пример. При Модерахе было достроено народное училище, появилась хорошая больница. Он привел в образцовый порядок дороги. Пригодились и его инженерные таланты. С помощью системы рвов, валов и канав он сумел осушить центральную часть. План губернской столицы Модерахом был продуман и приспособлен к сложно-пересеченной холмистой местности так, что Павел Мельников-Печерский позднее отметит: «Пермь построена правильнее Нью-Йорка».

На взгляд многих историков и краеведов в финальной группе выдающихся деятелей не хватало Василия Никитича Татищева, основателя Перми. Анализируя плоды многолетней деятельности Карла Модераха, можно сделать вывод, что он является последователем Татищева и продолжателем его начинаний. Самый яркий пример – это то, как он провел Северо-Екатерининский канал, «долгострой» 18-го века. Канал соединял Каму и Вычегду, место его прокладки определил еще Татищев. Это был кратчайший путь до Архангельска для доставки продукции горного Урала.

Модерах не обладал татищевской энциклопедичностью знаний, его не притягивала к себе наука, история, но он брал свое распорядительностью, чисто немецкой любовью к системности, тягой к порядку и вниманием к людям.

Император Александр, давая очередное поручение своему верному наместнику, писал: «Новый подвиг на вас возлагаю» (!) Не слуга царев, а палочка-выручалочка! Александр I настолько уверует в Модераха, что в 1804 году назначит его Пермским и Вятским генерал-губернатором, специально объединив под «модераховским крылом» обширнейшие

земли. И упразднит этот причудливый субъект империи тотчас после ухода в отставку Карла Федоровича.

За какую бы сферу ни брался Модерах, везде появлялись «полезные последствия». Ну, прямо царь Мидас, да и только! При Модерахе, по словам его современника, и «обыватель оставался в выгоде, и правительство довольно, потому прекратились недоимки». Губернатор начала 18-го века решал проблемы в комплексе, умея выделить главное.

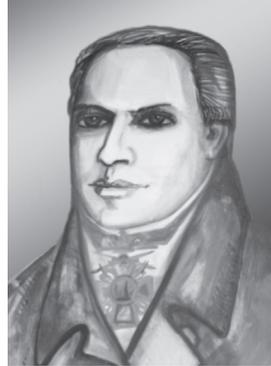
И самый привлекательный момент, самый актуальный. Карлу Модераху – наверное, единственному в пермской истории – удалось одолеть мздоимцев, взяточников, корыстолюбцев любого пошиба. Борьба губернатора с коррупцией достойна подражания, право слово! Честность его подкупала и обезоруживала. Один из заводовладельцев Демидовых как-то раз решил одарить Модераха кругленькой суммой, причем не взятку давал, а «просто» решил поощрить его за умелое ведение дел, от чего в выигрыше остались все, и казенные заводы, и уральские магнаты. Отказался от щедрого подношения пермский медведь, нелюдим, и, сурово нахмутив брови, пояснил Николаю Демидову:

– Награды за труды могу принять только от императора.

Деньги за восстановление Москвы Модерах также не взял, приказал раздать их беднякам. Скончался Карл Федорович в 1819 году, 12 июня – для пермяков теперь это День города. И здесь – символ, как завещание всем нам: живите честно, достойно и счастливо!

ГРАЛЬ Ф.Х.

В Перми был свой «Гааз или святой доктор» – Федор Христофорович Граль (1770–1835). Будучи сыном лютеранского пастора, он родился в России, учился в Петербургском медико-хирургическом институте, а затем служил в госпитале во время шведской войны. Возвратясь с театра войны, Граль в 1789 г. получил звание лекаря. Не довольствуясь полученными знаниями, решил пополнить их за границей, где был удостоен степени доктора медицины и хирургии, в этом звании утвержден государственной медицинской коллегией 12 мая 1791 г. В июле того же года Ф.Х. Граль приехал в Пермь. Приказом общественного призрения назначен доктором в Ирбите и Алапаевске, а в 1797 г. переведен в Пермь губернским врачом. В 1801 году назначен инспектором врачебной управы. В этой должности и прослужил до самой смерти.

В Перми и Пермской губернии Ф.Х. Граль оставил по себе неизгладимую память своим идеальным бескорытием и высокой гуманностью. Насколько он был бескорыстен, видно из того, что он служил первое время без жалованья и даже содержал больных за свой счет. С 1798 по 1818 г. Ф.Х. Граль заведовал Пермской городской больницей. Вся медицинская часть находилась в умелых и добрых руках Граля. Он был и терапевт, и оператор (т.е. хирург), и окулист. Кроме того, он состоял бесплатным врачом учебных и благотворительных учреждений города. Он один лечил весь город и с утра до вечера находился в разъездах. Не довольствуясь этим, он еженедельно по субботам объезжал ближайшие к Перми деревни, чтобы и там помочь больным. За свое бескорыстие он уважаем был всеми.

Приведем фрагмент из речи городского головы П. Шавкунова на торжествах 1881 года, посвященных 100-летию преобразования Егосихинского завода в губернский город Пермь:

«...Есть и еще одно почтенное имя, которое не должно быть забыто пермяками. Доктор медицины Федор Христофорович Граль в течение сорока лет своей беспримерной филантропической деятельности был врачом, другом и домашним человеком всех жителей Перми, без

различия званий и состояний. Эта высоконравственная, эта беспредельно преданная ближнему личность является окруженною светлым ореолом врачей-бессребренников... Память о таких людях никогда не должна умирать...»

Из воспоминаний о Ф.Х. Грале уроженца г. Перми, профессора Казанского университета М.Я. Киттары (1859 г.):

«...Чем длиннее становится период, отделяющий меня от бывшего, тем больший смысл приобретает в моих глазах этот редкий факт морального значения одного человека в массе общества, без разбора слов его. 6 июня 1835 года не стало для Перми Федора Христофоровича; я говорю – для Перми, потому что только этому месту была посвящена его жизнь, вся деятельность, вся душа и сила человека, который в наше время был бы феноменом».

Из письма писателя Н.Ф. Павлова (1804–1864 г.) о докторе Грале (7 октября 1853 г.):

«...Представь, что я открыл здесь преданья об одном докторе, который умер 16 лет назад. Скажу тебе одно: иные до сих пор, проходя мимо его дома, снимают шляпы, или лучшие шапки, и говорят: «Дай, Бог, царство небесное».

Ф.Х. Граль скончался 6 июня 1835 г. от болезни «антонов огонь», вероятно, заразившись при операции. Благодарный народ, собравшийся в количестве нескольких тысяч из города и из окрестных деревень, не дал похоронить его на лютеранском кладбище, а колесницу с его телом повез на себе в ограду кафедрального собора, где в продолжение обедни вырыл ему могилу.

Массивная чугунная колонна служила памятником этому незабвенному для Перми врачу-филантропу до 1931 года, когда все кладбищенские надгробия были уничтожены.

БУРМЕЙСТЕР А.Х.

Бурмейстер Адольф Христофорович (1780–1860), из дворян Лифляндской губернии. В 1802 г. окончил кадетский корпус. В 1806 г. принимал участие в военной кампании против французов, был ранен. Участвовал в военных заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг., в сражениях при Дрездене, Кульме и Лейпциге. В 1814 г. участвовал во взятии Парижа. Награжден несколькими отечественными орденами, медалью «В память о взятии Парижа» и орденом «За достоинство» Прусского королевства. В 1817 г. получил чин полковника, в 1826 г. – генерал-майора, в 1840-м – генерал-лейтенанта.

С 1827 г. около 25 лет служил комендантом Кронштадта.

После выхода в отставку переехал с женой Каролиной (урожд. Криденер) в Пермь, к младшему сыну Ивану Бурмейстеру (1829–1895), который в то время служил в Пермской казенной палате (с 1866 по 1878 гг.), был членом-сотрудником Пермского попечительства о бедных и основателем Пермского общества взаимного кредита.

Похоронен А.Х. Бурмейстер на лютеранском Егошихинском кладбище.

ГАЛЛЕР В.И.

Галлер фон Владимир Иванович (1793–2.07.1846) – майор Новороссийского драгунского полка, участник Отечественной войны 1812 года, Бородинского сражения и кампании 1815 г., статский советник, председатель Пермской губернской судебной палаты по уголовным и гражданским делам, кавалер орденов св. Владимира 4 степени с бантом и св. Анны 4 степени на шпагу за храбрость, имел серебряную медаль 1812 г. и знак отличия беспорочной службы за XXV лет.

Владимир Иванович фон Галлер родился в Витебской губернии. Он принадлежал к старейшему германскому рыцарскому роду фон Галлер (von Haller). Его старшая сестра Мелания Ивановна передала своих осиротевших братьев на попечение Благородного мужского отделения Императорского военно-сиротского дома (впоследствии был переименован в Павловский кадетский корпус). Воспитанники Благородного мужского отделения назывались кадетами и изучали Закон божий, русский и немецкий языки, арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию, тактику, рисование, историю, географию и военные дисциплины. Воспитателями состояли армейские офицеры, хорошо владеющие как русским, так и немецким языком. После окончания курса обучения лишь отличникам присваивались офицерские звания, все остальные выпускались в армейские полки юнкерами или портупей-прапорщиками.

В разгар русско-австрийской войны 1809 года из кадет были выпущены офицерами и произведены в прапорщики Новороссийского драгунского полка два брата: Михаил (в списках полка *Галлер 1-й*) и Владимир (в списках полка *Галлер 3-й*). Вскоре Владимир был назначен адъютантом шефа полка, им был генерал-майор граф Карл Сиверс. В свои не полные 16 лет прапорщик Галлер 3-й был самым молодым офицером за всю историю полка.

Воевать с французами новороссийцы начали уже в составе 2-й западной армии генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Баграциона. (...) Брат Владимира, прапорщик фон Галлер 1-й, был тяжело ранен в ходе сражения за Шевардинский редут. 30 августа 1812 года он умер от полученных ран. Он упомянут на 12 стене храма Христа Спасителя в числе убитых при Колоцком монастыре, Шевардине и Бородине.

За отличие в Бородинском сражении прапорщику Новороссийского драгунского полка Галлеру 3-му, перед этим уже награждённому орденом св. Анны 4 степени на шпагу за храбрость, была пожалована очередная офицерская награда – орден св. Владимира 4 степени с бантом. Кроме того, всем штаб- и обер-офицерам войск, участвовавшим в Бородинском сражении, пожалована была денежная награда (в размере третьей части жалованья), а нижним чинам – по 5 рублей на человека. По представлению графа Сиверса 19-летний прапорщик фон Галлер, смело руководивший полуэскадрой в Шевардинском и Бородинском сражениях, был произведён вне очереди в чин поручика. (После смерти брата он оказался единственным фон Галлером во всей русской армии, поэтому с сентября 1812 года в списках Новороссийского драгунского полка порядковый номер рядом с его фамилией более не употреблялся). 6 октября 1812 года поручик стал участником Тарутинского сражения, в котором русские войска одержали верх и заставили Мюрата отступить к Воронову.

В начале 1815 года штабс-капитан фон Галлер прибыл к месту расположения Новороссийского полка на постоянных квартирах в м. Меречи в Виленской губернии. Полк должен был посылать разъезды и небольшие конные отряды для розыска разбойников. Затем было получено известие о бегстве Наполеона с острова Эльба. Полк вместе с прочими войсками, квартировавшими в то время в Литве, был назначен в состав резервной армии графа Витгенштейна и 7 апреля 1815 года выступил в Варшавское герцогство. Затем – в Саксонию на усиление действующих войск. Но участие полка в кампании 1815 года ограничилось занятием Дрездена 26 июля 1815 года.

Здесь было получено известие о победе над Наполеоном при Ватерлоо. 2-й резервной армии было приказано возвращаться в Россию. За кампанию 1815 года 23-летний В. Галлер был произведён в капитаны. 15 марта 1820 года капитан Галлер Высочайшим приказом был уволен от службы в отставку с мундиром и пенсионом полного содержания и с производством в майоры. В этом же году он был определён на должность надзирателя в Валуйское уездное правление питейного сбора.

Будучи к этому времени помещиком, он имел 20 душ крестьян и 100 десятин земли. Он был внесён в список дворян Валуйского уезда Воронежской губернии и находился в хороших отношениях с графом Дмитрием фон Девиером, владельцем родового имения и винокуренного

завода, предводителем Валуйского уездного дворянства и почетным попечителем уездных училищ.

В 1824 году Владимир Иванович фон Галлер, не без участия графа Девиера, был произведён в классный чин титулярного советника и определён на вакантную должность директора училищ Воронежской губернии и директора Воронежской губернской гимназии. В подчинении у Владимира Ивановича находились: четырехклассная гимназия, двухклассные уездные училища во главе со смотрителями и одногодичные приходские училища.

Владимир Иванович успевал вести общественную деятельность, состоял членом Воронежского попечительного о тюрьмах комитета. В сентябре 1832 года он был в числе встречающих государя императора Николая Павловича, который изволил посетить Воронеж в связи с открытием нетленных мощей святителя Митрофана, первого епископа Воронежского*.

Среди учащихся Воронежской гимназии в период директорства Галлера следует отметить будущего поэта А.В. Кольцова, Н.И. Костомарова, ставшего известным историком, писателем.

После Воронежа Владимир Иванович служил в Томске. По спискам чинов Томской губернии (1835–1839 гг.) значится председатель Томского губернского суда коллежский советник Владимир Иванович фон Галлер. И снова перемещения по службе. В апреле 1838 года председатель Томского губернского правления статский советник Михаил Владимирович Владимиров (1788–1855) был переведён в Пермскую губернию на должность вице-губернатора. Очень скоро, по ходатайству М.В. Владимирова, из Томска в Пермь был переведён и Галлер – на должность председателя Пермской губернской судебной палаты по гражданским делам.

В этой должности Галлером проведена серьезная реорганизация: в 1840 году Уголовная и Гражданская судебные палаты были объединены в одну палату.

Две страшные беды в жизни статского советника фон Галлера грянули в один год. 2 августа 1842 года умер его 29-летний сын Александр (похоронен на Архиерейском кладбище Перми). А 14 сентября 1842 года случился страшный пожар, уничтоживший практически всю центральную часть Перми. Спустя два года Галлер женился на вдове надворного советника Ивана Алексеевича Мерзлякова и переехал в его

* Крестовая церковь Пермского архиерейского дома была названа во имя этого святого.

дом, отстроенный сразу же после пожара на месте сгоревшей усадьбы на углу улиц Сибирской и Екатерининской. В этом двухэтажном каменном доме ветеран Отечественной и провёл остатки своей жизни. Весь первый этаж этого дома с 1845 года снимал вице-губернатор Владимир, старый приятель Владимира Ивановича*.

Владимир Иванович фон Галлер умер 2 июля 1846 года и был похоронен в Перми на лютеранском участке Старого (Егошихинского) кладбища.

Сын Галлера, Николай Владимирович (1826–1863), в том же 1846-м вступил в брак с Анастасией Киприяновной Брезгун (1829–1913), дочерью асессора экспедиции о ссыльных в Пермском губернском правлении подполковника Киприяна Алексеевича Брезгуна, – еще одного ветерана Отечественной войны, товарища Владимира Ивановича по застольным беседам. В 1856 году у них родилась дочь Надежда, в 1859 году – сын Владимир, в 1862 году – сын Павел.

А к столетию Бородинской битвы был установлен памятник 4-му кавалерийскому корпусу Карла Сиверса. Автором монумента на Бородинском поле стал архитектор А.П. Верещагин. Памятник представляет собой массивную глыбу красного гранита, увенчанную двуглавым орлом. В том же 1912 году майор В.И. фон Галлер, директор Воронежской губернской гимназии и народных училищ, был включён в «Список дворян Воронежской губернии, принимавших участие в военных действиях 1812, 1813 и 1814 годов». Список был составлен по архивным данным Воронежским дворянским депутатским собранием «*ввиду наступающего 100-летия Отечественной войны*». Всего в этот список было внесено 256 лиц... В Перми учет ветеранов той войны не проводился.

* В 1873 году этот дом купили для своих кузнецов Григорий и Фёдор Каменские, пермяки стали его называть «дом кузнецов братьев Каменских». В июле 1899 года Е.И. Любимова выкупила у наследников братьев Каменских этот дом за 75 тысяч рублей и разместила здесь контору акционерного общества «Ив. Любимов и К^о». Сейчас в этом здании, расположенном в Перми по адресу: ул. Сибирская, 25 / Екатерининская, 68а, находятся мужской клуб «Яма» и бутик мужской одежды Hugo Boss.

ГЕЙНРИХ-РОТТОНИ МОРИЦ

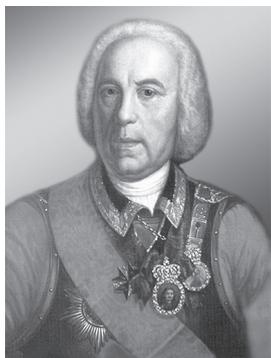
Гейнрих-Роттони Мориц. Зарождение пермской фотографии тесно связано с именем необычной личности – Морица Григорьевича Гейнриха-Роттони, выходца из австро-венгерских графов, участника национально-освободительного восстания 1848 года. Приехав в Пермь, этот вольнодумец задумал создать «стеклянную фотографическую галерею» под названием «Идеал» еще в 1860-х, но разрешение получил в 1877 году. Его фотокарточки украшал герб рода Роттони с надписью HUNGARIA. Мориц шутил по поводу своего происхождения: «Стал фотографом, чтобы быть хоть каким-то графом». Фотограф из него получился, однако, не какой-то, а лучший на Урале. Дом Любимова (на углу Сибирской-Пермской), в которой находилась фотография графа, был снесен.

Интересно, что две дочери Гейнриха-Роттони стали женами известных русских писателей: старшая, Мария Морицовна, была спутницей жизни Д.Н. Мамина-Сибиряка, а Елизавета Морицовна была женой А.И. Куприна.

Фотокарточки украшал герб рода Роттони с надписью HUNGARIA

ГЕННИН В.И.

Геннин Георг Вильгельм (Вилим Ива́нович де Гённин) (11 (21) октября 1676 – 12 апреля 1750) – российский военный и инженер немецко-голландского происхождения, генерал-лейтенант (с 1728 года), соратник Петра Великого, один из «птенцов гнезда Петрова» (А.С. Пушкин), специалист в области горного дела и металлургического производства.

В России сам он себя называл Вилим Иванович Геннин. На русскую службу поступил в 1697 году, сообщив о себе: «С юности своей научен и ныне основательно разумею архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких потешных огнестрельных вещей, японской олифой крашенные соломой изображения преизрядно на бумаге вырезать и прочие хитрости». В прошение о приеме на службу от 1697 года сам В. де Геннин пишет: «Его превосходительствам высокошляхетным Господам послам чрезвычайным великого Московского посольства в здешней земле. Объявляет во всей покорности Юрья Вилим де Геннин, родом из Ганова...»

В феврале 1723 года на Урале де Геннин на основании разработанной им же административной инструкции получает законное разрешение на строительство нового металлургического завода по производству меди и стали, названного именем императрицы Екатерины Первой, также святой Екатерины покровительницы горного дела. Завод стал градообразующим для города Екатеринбурга. Здесь генерал проработал 12 лет.

Под руководством де Геннина закладывался также завод на реке Егошихе (Ягошихе), строил который другой замечательный деятель, «птенец гнезда Петрова», капитан артиллерии Василий Никитич Татищев. Егошихинский завод, открытый в 1723 году, стал градообразующим для города Перми.

В 1734 году Геннин вернулся в Санкт-Петербург. Пожизненный член военной коллегии и начальник оружейных заводов, единственный, имевший право докладывать Императрице Анне Иоанновне. Под его руководством проведена реконструкция оружейных заводов в Туле и Сестрорецке.

Умер 12 апреля 1750 года. Имел двух сыновей.

Г. В. де Геннин – автор книги «Описание Уральских и Сибирских заводов», где впервые приведено географическое и историческое описание Пермского края, описания Ягошихинского, Пыскорского, Суксунского заводов с планами и чертежами. 1735. (М.: Гос. изд-во «История заводов», 1937).

ГЕНКЕЛЬ А.Г.

Один из основателей Пермского университета Генкель Александр Германович (20 июля 1872 – 9 апреля 1927) родился в г. Вильно (Вильнюс). В 1896 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета. С 1897 по 1901 г. – ассистент кафедры ботаники Новороссийского университета. С 1916 по 1927 г. – заведующий кафедрой морфологии и систематики растений Пермского университета.

Основные научные исследования связаны с изучением мелких свободно плавающих водорослей, биологии низших организмов (так, только о грибах им опубликовано 15 работ) и морфологии покрытосеменных растений. Автор статей о планктонных водорослях Карского моря, Байкала, Каспийского моря, некоторых уральских рек, монографии «Материалы к фитопланктону Каспийского моря по данным Каспийской экспедиции» (1909), которая в 1911 г. была защищена в Новороссийском университете как диссертация на ученую степень доктора ботаники. В 1923 г. опубликовал статью по классификации симбиоза (взаимовыгодных отношений между разными видами организмов).

В начале 20-х гг. – председатель Комиссии по районированию Пермской губернии. Опубликовал серию работ по районированию в местных изданиях, их результатом явилось определение отдельных районов Пермской губернии. Разрабатывая методику районирования, отмечал интенсивную культурную жизнь Перми и предлагал выделить особый Пермский округ с большим числом населения. Предложения начали реализовываться в конце 1923 г. (Пермский округ стал Пермской областью).

В Перми прожил последние 11 лет своей жизни, все эти годы активно интересовался своим краем. Автор статей «Изучайте свой край», «Урал на краеведческой конференции» о роли агрономического факультета для Предуралья и Урала.

Владея 9 языками, сделал много переводов, в том числе перевод монографии о распределении растений Е. Варминга, вышедшей на

русском языке в 1902 г. В 1899–1900 гг. издан совместный с В. Траншедем перевод классической монографии Кернера фон Марилауна «Жизнь растений» в двух томах, вскоре вышедшей и вторым изданием. Только эти две работы составляют более 2 000 страниц. Кроме них переводил книги А. Брема, Э. Геккеля, М. Корнфельда и многих других. Общее количество опубликованных работ очень трудно учесть. В словаре «Русские ботаники» приведен список из 123 названий, однако в него не вошли очень многие научно-популярные работы, переводы и публицистические статьи.

Похоронен А.Г. Генкель на бывшем Архиерейском кладбище (надгробие уничтожено в 1931 году, когда ликвидировали кладбище). В Перми в честь А.Г. Генкеля как одного из основателей университета и ботанического сада его именем названа улица. В числе потомков А.Г. Генкеля появилось немало ученых, внесших значительный вклад в развитие науки, культуры и образования. Старший брат А.Г. Генкеля, Герман Германович Генкель (1865–после 1932 гг.), – ориенталист и филолог, писатель; основные труды Г.Г. Генкеля посвящены истории еврейской литературы, истории Древнего Востока; преподавал в Тифлисе, Батуми, Перми, Иркутске.

ГРАСГОФ Г.Л.

Грасгоф Григорий Людвигович (25 декабря 1831, Кушвинский завод – 5 мая 1888, Нижнесергинский завод, Пермская губерния) – горный инженер, действительный статский советник, директор Горного департамента. Родился в семье горного инженера на русской службе, смотрителя Кушвинского завода Грасгофа Людвига Богдановича, уроженца Гарца в Саксонии. В 1852 году окончил Горный институт. В службу определен на Урал, в Гороблагодатские заводы. В 1854 году – смотритель Серебрянского завода, затем смотритель Кушвинского (1856), Верхнетурунского (1857) заводов. В 1857 году командирован в Англию для изучения опыта изготовления стали по методу Г. Бессемера. Управляющий Верхнетурунского завода (1859). В 1862–1863 гг. – капитан, управляющий Верхнетурунского завода: проводил опыты по бессемерованию, командирован (1862) в Швецию для изучения производства артиллерийских орудий.

В 1864 году возглавил строительство Пермского чугунопушечного завода, его управляющий (1866), наладил массовый выпуск чугунных пушек разного калибра. Один из цехов завода получил название «Грасгофская фабрика».

Ранее считалось, что Грасгоф руководил отливкой первого 20-дюймового гладкоствольного чугунного орудия, одного из крупнейших в мире, успешно выдержавшего испытания. По сведениям пермского историка М.Л. Грифа, проектировал это орудие, названное «царь-пушкой», начальник артиллерии Кронштадта, инженер-изобретатель, Филимон Васильевич Пестич (1821–1894). В 1869 году Пестич находился в Мотовилихе на чугунопушечном заводе, под его наблюдением шли изготовление и испытания 20-дюймовой пушки. Он спроектировал и специальный станок для этого орудия. Модель «царь-пушки» демонстрировалась на Всемирной промышленной выставке в Вене (1873), в настоящее время пушка, признанная памятником науки и техники федерального значения, установлена в Музее оружия у АО «Мотовилихинские заводы».

В 1870–1873 гг. Грасгоф – горный начальник Гороблагодатского горного округа. В 1876 году переведен в Петербург и назначен вице-директором Горного департамента. Действительный статский советник (1878). С 1881 года – директор Горного департамента. В 1882 году

Здание фабрики Грасгофа передают под политехнический музей

уволен от службы согласно прошению по домашним обстоятельствам. В 1883 году служил главноуправляющим на частном Сергинско-Уфалейском заводе, в частности, входил в состав правления этих заводов.

Автор ряда статей в «Горном журнале» с описанием зарубежного опыта металлургии, а также своей работы на Пермском пушечном заводе. Награжден денежной премией за «особые труды» на Всероссийской мануфактурной выставке в Петербурге.

Семья: жена, Мария Васильевна, урожденная Воронцова (?-не ранее 1910) – дочь полковника артиллерии. Дети: Николай (1863–1892), Вера (1866), Зинаида (1871), Сергей (1876–не ранее 1912), Любовь (1878), Борис (1879), Ксения (1881 – не ранее 1907).

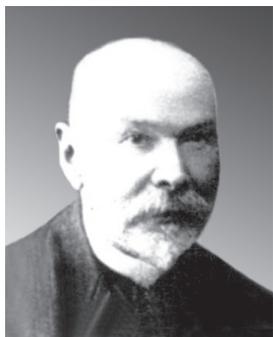
Награды: Орден Св. Станислава 3-й степени (1860), Орден Св. Анны 3-й степени (1863), Орден Св. Станислава 2-й степени (1868), Орден Св. Владимира 4-й степени (1869), Орден Св. Анны 2-й степени (1873), Орден Св. Владимира 3-й степени (1876), Орден Св. Станислава 1-й степени (1880).

ГРИБЕЛЬ В.В.

Валентин Валентинович Грибель (1862–1901) – сын пермского подвижника-библиофила Валентина Карловича Грибеля, который был первым заведующим публичной библиотеки, первым составителем книжного каталога. Сын – Валентин Валентинович – присяжный поверенный, видный общественный деятель. Учась в Пермской мужской гимназии, включился в движение народовольцев. С августа 1882 г. до февраля 1884 г. – студент Петербургского университета. Исключен за революционную деятельность. До июля 1885 г. находился в заключении в Пермском тюремном замке. Затем некоторое время работал делопроизводителем в Пермской уездной земской управе. С июля 1889 г. – поверенный при окружном суде. В 1891–1892 гг., выдержав выпускные экзамены при Демидовском юридическом лицее, был допущен к работе помощником присяжного поверенного, позднее – присяжный поверенный.

Несмотря на сложность своего положения (с 1885 г. находился под гласным, а с 1888 г. – под негласным надзором полиции), Грибель активно участвовал в общественной жизни г. Перми: был действительным членом Пермской ученой архивной комиссии, являлся одним из наиболее деятельных членов созданного в январе 1894 г. Пермского экономического общества. Выпустил в том же году работу «Задачи экономического общества». По существу, «Задачи» были либерально-буржуазной программой преобразования аграрного сектора России. Еще в 1880-е гг. В.В. Грибель, исследуя состояние сельского хозяйства Пермской губернии, отметил низкий уровень его развития и пришел к выводу о необходимости коренного реформирования деревни. Деятельность Грибеля послужила причиной его преследований со стороны властей.

КРОМЕР Н.И.

Кромер Николай Иванович (31.10 (12.11).1866, г. Митава Курляндской губернии – 1941) – основатель фармацевтического образования на Урале, профессор Пермского университета (1917–1930).

Николай Иванович Кромер родился 31 октября 1866 г. в г. Митава Курляндской губернии в семье подмастерья переплетного цеха. В 1882 г. он окончил реальное училище и начал работать в лаборатории аптечных предприятий. Сдав за курс гимназии экзамены по греческому и латинскому языкам, в 1888 г. Николай Иванович поступает в Дерптский университет на фармацевтическое отделение медицинского факультета, которое с отличием окончил в 1891 г. со степенью приват-доцента, и был оставлен сверхштатным лаборантом. В том же году за конкурсную работу «Химическое исследование составных частей скаммонии и турнета» Н.И. Кромер был награжден золотой медалью князя Суворова, а в 1892 г. после защиты диссертации на тему «*Veber die Convolbulacnuglynobide*» получил в Юрьевском университете степень магистра фармации. В 1893 г. Н.И. Кромер был допущен в Юрьевский университет к чтению лекций в качестве приват-доцента. Его научно-педагогическая деятельность продолжалась в этом университете до 1897 г., затем он был утвержден в должности доцента в Казанском университете. В 1895–1897 гг. совершенствовался в университетах и лабораториях Англии, Германии, Франции. С 1902 по 1917 г. Н.И. Кромер работал в Петербурге, в лаборатории по изучению методов борьбы с фальсификацией пищевых продуктов и комиссии по вопросам реорганизации врачебно-санитарного дела и лекарственной помощи. Наряду с этим не прекращается его научно-педагогическая деятельность. С 1905 по 1917 г. он работает приват-доцентом по фармации и фармакологии в Военно-медицинской академии. Приказом от 3 октября 1917 г. по Министерству народного просвещения Н.И. Кромер переводится ординарным профессором по кафедре фармации и фармакогнозии в Пермский университет. В 1918 г. Николай Иванович организовал на физико-математическом факультете Пермского университета фарма-

цветическое отделение, преобразованное в 1923 г. в химико-фармацевтическое отделение медицинского факультета, в 1929 г. – в химический факультет, а в 1930 г. – в самостоятельный химико-технологический институт. В течение всего этого времени проф. Н.И. Кромер руководил подготовкой фармацевтов высшей квалификации, являясь с 1918 по 1931 г. председателем бюро химико-фармацевтического образования, деканом химического факультета и помощником директора по учебной части химико-технологического института. В 1937–1940 гг. заведовал кафедрой фармацевтической и судебной химии Пермского фарминститута. Исключительная трудоспособность отличала профессора Н.И. Кромера и во вневузовской и общественной работе. В 1920 г. он организовал 9-месячные курсы аптечных работников, принимал активное участие в открытии фармацевтического техникума, в 1921 г. – лаборатории судебно-химической экспертизы, обслуживавшей шесть губерний. Руководил курсами повышения квалификации аптечных работников, был постоянным химиком-экспертом для здравотдела, управления милиции и ряда других учреждений и предприятий города. Избирался членом городского Совета.

Профессор Н.И. Кромер опубликовал более 120 науч. работ в области аналитической и токсикологической химии, фармакогнозии, в том числе 20 в соавторстве со студентами.

КРЮГЕР В.А.

Профессор Крюгер Валерий Августович (1890–1958) родился в Усть-Каменогорске Семипалатинской области. По окончании естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию, работал преподавателем. После переезда в Пермь выбрал для себя главной темой изучение лугов долины Камы, посвятил этому 20 лет жизни. В.А. Крюгер организовал исследования на Усть-Туйском и Лодейном стационарах. В данной работе принимали активное участие сотрудники и ученики В.А. Крюгера. Его учениками и аспирантами были будущие профессора – Д.Ф. Федюнькин, Г.А. Глумов, В.В. Благовещенский, И.А. Селиванов, А.М. Овеснов.

В течение 23 лет, с 1934 по 1957 г., В.А. Крюгер – заведующий кафедрой морфологии и систематики растений Пермского университета. С 1934 г. – профессор. Автор 30 печатных работ.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Похоронен В.А. Крюгер на Егошихинском кладбище Перми.

КЮНЦЕЛЬ А.А.*

Кюнцель Александр Александрович родился 9 апреля 1898 года в семье служащего, отец его был землемером-таксатором. Закончил с серебряной медалью частную гимназию сестер Циммерман. В 1916 году поступил на 1-й курс медицинского института в С.-Петербурге. Началась революция. Вернулся в Пермь, устроился работать помощником воспитателя в гимназии своих родственниц сестер Циммерман. Создал один из первых скаутских отрядов в Перми (в 2009 году на здании бывшей гимназии Циммерман была установлена мемориальная доска в честь 100-летия скаутского движения в России). Стал студентом медицинского факультета только что открытого тогда Пермского университета.

С 1918 по 1921 гг. – служба в Красной Армии: младший фармацевт при санчасти 3-й армии, Алапаевский военный госпиталь, Пермский лазарет, госпиталь № 8 Красного Креста при 3-й армии в должности лекарского помощника.

В 1921 году откомандирован из 128-го Эвакогоспиталя для продолжения учебы. По окончании медицинского факультета ПГУ (Свидетельство об окончании ПГУ от 24 июня 1924 года за подписью профессоров Симоновича В.Ф., Шмидта В.К., ректора ПГУ, Флейшера, декана факультета) несколько месяцев работает врачом охраны здоровья рабочих подростков при Горздравотделе. Затем – штатный ординатор психиатрической клиники (еще студентом в 1922 году поступил в клинику ПГУ лаборантом), организовал там биохимическую лабораторию клиники и больницы и вел научную работу под руководством известного в Перми профессора Протопопова В.П. В 1927–1929 гг. заведовал неврологическим отделением курорта Курьи Уральские в Свердловской области.

В 1932–1934 гг. командирован Горздравотделом для обслуживания рабочих лесозаготовок, заведует медицинским участком на Бумкомбинате; награжден почетной грамотой за санитарную работу. С 1934 года

* В семье немецких потомков принято писать фамилию с "Т": Кюнтцель.

заведует физиотерапевтическим отделением психиатрической больницы. В 1937 году решением Совета Казанского государственного медицинского института Кюнцелю А.А. присуждена степень кандидата медицинских наук.

В 1939 году призван в РККА, в течение семи месяцев трудится на Дальнем Востоке, в Монголии (МНР). По возвращении снова работает в психиатрической больнице. С 1944 года читает курс лекций по физиотерапии в Молотовском медицинском институте, как педагог пользуется уважением всего коллектива кафедры. С 1945 по 1953 гг. – главный физиотерапевт города и области. В 1946 году присвоено звание доцента. С 1955 года читает курс школьной гигиены в медицинском и педагогическом институтах Перми. С 1945 года более двадцати лет – бессменный председатель физиотерапевтического общества Перми, сделал более тридцати докладов. Александр Александрович проработал в области здравоохранения свыше 50 лет. (Воспоминания Кюнцеля А.А. см. в Приложениях).

МЕДЕМ А.А.

Медем Александр Альфонсович, барон, почётный мировой судья губернского съезда мировых судей, гласный Пермской городской думы. С 1873 года – товарищ председателя Пермского окружного суда, с 1895 года – председатель Екатеринбургского окружного суда.

Александр Альфонсович был включен в состав депутации от г. Перми для представления новому российскому государю императору. 17 января 1895 года по случаю восшествия Николая II на престол пермские депутаты преподнесли молодому царю топазовую икону святого Стефана Пермского и Симеона Верхотурского и хлеб-соль. Пермь на историческом приеме была представлена в лице городского головы А.В. Синакевича, И.Н. Суслина, барона А.А. Медема, председателя пермской губернской земской управы А.А. Попова.

Медем вел большую благотворительную деятельность, состоял членом попечительских советов Пермской Мариинской женской гимназии (от городского общества); Пермской Александровской четырёхклассной женской прогимназии. Медем – соучредитель и действительный член Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК) с самого её основания; дружил со школьных времен с известным ученым, археологом Ф.А. Теплоуховым. В Перми дом Медемов находился по адресу: Покровская, 40 (барон купил здание в 1881 г. за 7 800 рублей у Д.Д. Телешова, а в 1899 году продал его своему коллеге Н.П. Падалка). Этой датой, видимо, заканчивается пермский период жизни Медема. Скончался он в Уфе в августе 1910 года, будучи к тому времени уже председателем департамента Тифлисской судебной палаты.

В Перми на старинном Егошихинском кладбище (ныне это Парк памяти) возле алтаря Всехсвятского храма сохранился участок фамильных захоронений баронов Медемов. На надгробии сына барона Леонида Александровича, ушедшего в мир иной в 1899 г., когда ему был всего 21 год, высечена литературная эпитафия – строка из стихотворения Н.А. Некрасова: «Не рыдай так безумно над ним, хорошо умереть молодым...»

Барон Медем-старший стал одним из персонажей этюда «Известные по качеству» известного писателя русского зарубежья М. Осоргина (Ильина), уроженца Перми. В этом произведении, ставшем своеобразным литературным памятником судейскому человеку, есть такая характеристика: «...Барон имел рыжие бакенбарды, каких в наших краях ни

у кого не было. Был высок и худ, многодетен, тих и порядочен. И опять-таки – больше ничего. Но он был барон, и это делало его человеком исключительным, хотя и уступавшим по значению главному барону – Зальца...» Интересно, что второй пермский барон, Зальца, приходился родственником Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, этих родственников упоминает в своих письмах Антон Павлович Чехов во время своего путешествия через Пермь.

Барон Медем относился к людям «с положением в обществе», как говорили о таких пермяки. Среди местных немцев были и другие «известные по качеству сограждане». Например, немало учителей, воспитавших не одно поколение тех, кому предстояло продолжать историю родного города и страны. Чтобы сравнить отношение жителей к ним, приведем здесь печатное свидетельство гимназиста Михаила Ильина. Это первая публикация Михаила Осоргина (Ильина), видного писателя русского зарубежья, нашего земляка. Заметка, появившаяся в мае 1895 г. на страницах главной местной газеты «Пермские губернские ведомости», называлась «НА МОГИЛЕ ВОСПИТАТЕЛЯ» и была посвящена гимназическому учителю. Известно о нем, в сущности, немного. Юлий Христианович Линке был выходцем из рижских немцев, почти всю сознательную жизнь работал в Пермской мужской гимназии, был классным надзирателем, преподавал естествознание. Из эмоционального отклика его ученика, написанного в жанре необычного некролога, перед нами встает живой образ наставника, христианина. (Публикуется с сохранением стиля и орфографии, без сокращений).

«Юлий Христианович умер»!

Эта печальная весть облетела учеников гимназии, собравшихся на экзамены 15 мая, и опечалила их лица.

Что же? Разве он был так близок к ним? Разве мог он, уже старик, сгорбившийся под тяжестью жизненного креста, разве мог он быть другом их, еще только начинающих жить?

Да, мог быть и был! Время и пятидесятилетний опыт научили его тому, чего дай Бог достигнуть всякому из его сотоварищей.

Он привык к гимназии и ее питомцам, а они привыкли к нему и полюбили его. Маленькие любили его как человека уже преклонных лет, который вместе с ними смеется, вместе с ними играет, насколько позволяют ему его возраст и слабое здоровье. Любили его, как доброго старика, который настолько молод душою, что держит себя с ними,

как с товарищами, наказывает их только за дурные поступки и прощает маленькие шалости, никому не причиняющие вреда.

Старшие уважали в нем своего почтенного воспитателя, который направлял первые шаги их юной жизни, и благодарность, и безграничное уважение к которому они считают долгом до конца жизни хранить в своем сердце.

Сколько гимназических поколений видело Юлия Христиановича в стенах своей альма матер! То он ходит по длинному коридору своею старческой походкой, окруженный толпой маленьких философов, то читает своеобразный суд и расправу в каком-нибудь классе, то ведет с кем-нибудь деловой разговор на свою любимую тему – о садоводстве.

Добрый старик! Как мы любили смотреть, как ты бережно ухаживал за каким-нибудь цветочком, который ты приносил в гимназию, как редкий экземпляр. С каким серьезным, деловитым лицом собирал ты стекла от разбитого кем-нибудь из шалунов окошка, для своей цветочной галереи, как ты пояснял нам. Всякая гимназическая новость занимала тебя не меньше, чем нас самих. Ты с таким молодым жаром толковал с нами об этих новостях, обсуждал их и высказывал свое мнение, пересыпая свою речь остроумными замечаниями, которые так смешили нас.

Ты прожил всю жизнь тихо, без бурь, не старался выдвинуться вперед, не мечтал о минутной славе, но жил честно, как должен жить христианин, жил исключительно своим трудом и старался принести этим трудом посильную пользу.

Честный труженик! Ты недаром жил на свете, ты исполнил свой долг как человек, как семьянин, как воспитатель своих и чужих детей. И уже этого одного достаточно, чтобы твоя могила вызвала слезу у человека, знающего тебя и умеющего ценить твои заслуги.

Спи же безмятежно, сном покойным, сном праведным! Не слезы сожаления должны мы проливать у твоей могилы, но слезы благодарственные. Ты теперь счастлив, как счастлив всякий, кто умер в мире с Богом, людьми и своею совестью. Спи спокойно! Мы помолились за тебя над твоею могилою; помолись и ты за нас пред престолом Того, Которому ты служил, Который всемогущ и Всемилоостив и не откажет молитве праведника. И знай, что немногие, неискусные, но вырвавшиеся из сердца слова – отголосок чувства не одного только твоего воспитанника, но всех, кто хорошо знал и понимал тебя. М.Ильин».

МЕЙЕР Ф.А.

Федор Андреевич Мейер родился 24 апреля 1851 года в г. Шадринске Пермской губернии в семье потомственного дворянина. В 1870-е гг. учился в Казанском университете (был и вольнослушателем Санкт-Петербургского университета), но не окончил курса. В 1882 г. поступил на государственную службу, секретарем Чердынского и Соликамского уездных по крестьянским делам присутствий, состоял в штате мировых судей Осинского уезда. С сентября 1893 г. работал в Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездных земствах, в 1895–1897 гг. являлся членом Чердынской земской управы. В течение многих лет возглавлял Пермское общество дворянской опеки. Был награжден двумя медалями.

Переезд Мейера в Пермь внёс в его творческие планы существенные коррективы. В 1898–1899 гг. Федор Андреевич публиковался в «Пермских губернских ведомостях», в основном, с очерками, написанными во время его многочисленных поездок по губернии. Краевед Шумилов Е.Н. проследил творческий путь Мейера по его публикациям. (См.: Скромный представитель провинциальной печати: (некоторые биограф. сведения о Ф.А. Мейере) // Журналистика и краеведение: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского и А.П. Гайдара. Сост. Т.И. Быстрых. – Пермь, 2004. – С. 71–72).

Первое время это были заметки, которые Фёдор Андреевич делал во время служебных командировок по Чердынскому и Верхотурскому уездам. Так на страницах газеты появились путевые и дорожные наброски «По Вишере» (№ 5–7), «В Пудью» (№ 98), «Из Тулпана» (№ 168), «До Верхотурья» (№ 232), представляющие ныне краеведческий интерес. Поездка на курорт в Пятигорск также была описана начинающим литератором (№ 134), а трагический случай, происшедший на Каме с девушкой, свидетелем которого являлся автор, послужил материалом для статьи «Нет одной» (№ 33). К концу 1898 г. Ф.А. Мейер перешёл от дорожных заметок к чисто литературному жанру. На основе собранных им ранее исторических материалов о Пугачёве родилось художественное произведение «Пригород Оса» (Из времён Пугачёва), печатавшееся в № 266–268. К Рождеству Христову Мейер приготовил святочный рассказ «Маска» (№ 280). В 1899 г. в этой же газете появились его произведения «Канун Пасхи» (№ 85), дачная история «Необычайное происшествие» (№ 100), «Кама» (№ 119), рассказ «Иванушко» (№ 282).

Журналистская деятельность его была недолгой, и об этом приходится сожалеть, поскольку он, несомненно, обладал литературным талантом.

Сохранилось «Дело Пермского окружного суда канцелярии председателя о службе бывшего мирового судьи 2-го участка Осинского округа Федора Андреевича Мейера» (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 278). По его формулярным спискам можно составить некоторое представление о человеке. Как пишет краевед Т.И. Быстрых, Мейер, судя по всему, «был на редкость добросовестным, инициативным и трудолюбивым работником, но не слишком честолюбивым, весьма небогатым, и недалеко продвинулся по служебной лестнице». (Смышляевский сборник, 3-й вып., 2011). В очерке воспоминаний о Д.Д. Смышляеве Ф.А. Мейер с благодарностью пишет о том, как Дмитрий Дмитриевич помог ему съездить на лечение в Пятигорск, на минеральные воды. (Из воспоминаний о Д.Д. Смышляеве // ПГВ. – 1908. – 11 нояб. (№ 246) – Подпись: Ф.М. // Смышляевский сборник. – Вып. 1. – Пермь, 2009. – С. 251–254).

Бесконечные болезни мучили его и все последующие годы, что видно из архивных документов. По-видимому, это помешало и в литературных трудах. Ф.А. Мейер умер 8 декабря 1918 г. и был похоронен в Перми на Новом кладбище. (Известия Пермского губисполкома. – 1918 г. 11 дек.). В 2011 году в Перми вышел в свет сборник «По Каме и Уралу» (сост. Д.А. Красноперов), куда были включены и путевые записки («наброски») Федора Мейера. Наследие журналиста востребовано и сегодня.

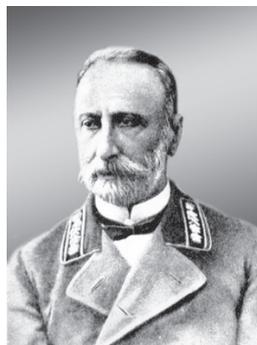
МЕЙЕР Я.А.

Яков Андреевич Мейер (1819–23 марта 1896). Выпускник медицинского факультета Императорского Казанского университета. (Кунгурский городской архив. Ф. 496. Оп. 1. Д. 26., выписка любезно предоставлена сотрудниками Кунгурского музея). В 50-е годы XIX века служил штаб-лекарем Юго-Кнауфского завода (сейчас село Калинино). Уже тогда он начал заниматься благотворительной деятельностью. При его участии в 1855 г. был устроен иконостас в левом приделе святого Николая Свято-Троицкого храма Юго-Кнауфского завода и приобретены три храмовые иконы в серебряной ризе, за что прихожане выразили ему благодарность. На службе Кунгурского общества в должности городского врача находился в 1860-80-е годы. В этот период он был единственным врачом города. Содержание городского врача обходилось в год в 1 500 рублей. Я.А. Мейер имел чин коллежского, затем статского советника. Одновременно в должности врача он так же служил с 1874 г. в Кунгурском уездном училище, а затем и в Елизаветинской рукодельной школе. В 1882 г. за особые заслуги в должности городского врача Я.А. Мейеру было присвоено звание Почетного гражданина г. Кунгура.

Яков Андреевич стал основателем династии. Его сын, Андрей Яковлевич Мейер (1851-?), также стал врачом. Имел обер-офицерское звание. Окончил Пермскую классическую гимназию, затем учеба на медицинском факультете Императорского Казанского университета, который закончил в 1876 г. Награжден золотой медалью. Городовой общественный врач с 1877 г. В 1877, 1881 г. служил врачом в Кунгурском техническом, Губкина, училище. В 1879 г. по распоряжению министерства МВД был командирован в Карантинную службу во время эпидемии в Астраханской губернии, в Красноуфимский уезд для приема рекрутов. Согласно послужным спискам Кунгурского технического училища, имел сына Андрея. (КГА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 35).

МЕЛЛЕР В.И.

Валериан Иванович Меллер (26 ноября 1840 г. Олонецкая губерния – 4 июня 1910) – действительный статский советник, горный инженер, палеонтолог, директор Горного института. В специальных изданиях поместил ряд работ по геологии Урала и Нижегородской губернии, палеонтологии России, о полезных ископаемых и минеральных водах Кавказского края и др. Отдельно изданы: Геологическая карта западного отклонения хребта Уральского, Карта месторождений полезных ископаемых Европейской России.

Образование получил в институте корпуса горных инженеров, в котором окончил курс в 1860 году, с чином поручика. Первоначально был назначен на службу в распоряжение главного начальника Уральских горных заводов, но уже в конце 1860 года зачислен по главному управлению корпуса горных инженеров, с прикомандированием к музею горного института. В 1861 году командирован для исследования каменноугольной системы Урала, а в 1862 году для исследования геологического строения так называемой Самарской Луки. В 1863–1867 гг. был занят геологическими исследованиями на Урале, в Нижегородской губернии. В 1870 году командирован на Урал, для изучения находящегося в средней части этого хребта Луньевского месторождений каменного угля, с целью определить значение его для проектировавшейся в то время Уральской горнозаводской железной дороги, и вместе с тем был назначен членом комиссии для решения вопроса о выгоднейшем направлении этой дороги.

В 1873 году избран и утвержден профессором Горного института. На первом географическом конгрессе в Париже в 1875 году удостоен за научные труды медали первого класса. В 1878 году командирован в Париж, для участия в первом геологическом конгрессе, на котором избран одним из вице-президентов конгресса и членом международной комиссии по объединению геологических карт и составлению общей геологической карты Европы. В 1880 году вновь послан на Урал для заведывания производившимися там геологическими изысканиями.

В 1881 году Императорская Академия наук присудила ему за научные труды премию академика Брандта. В 1883 году он назначен членом от горного ведомства в комиссию для разработки программы и определения состава того учреждения, на которое предполагалось возложить объединение всех съемочных и нивелированных работ в России. В том же году избран членом-корреспондентом Императорской академии наук по разряду наук физических.

РАНДОРФ А.Я.

Андрей Яковлевич Рандорф служил в 1840-1850-е годы городничим Кунгура, исправником Красноуфимского и Кунгурского уездов. Участник Отечественной войны 1812 года. Как удалось установить кунгурскому краеведу С.Т. Лапшиной, Рандорф на военную службу «вступил из Императорского Военного сиротского дома в гренадерский Императора Австрийского полк прапорщиком 1811 г. 23 числа февраля». (Австрия была в те годы союзником России). Принимал участие в сражениях, походах 1812 года. 6 октября в сражении против французов под Полоцком «при прикрытии артиллерийской роты орудий полковника Музария был ранен ядром в левую ногу, за что Всемилостивейше награждён орденом Св. Анны».

Как значится в формулярном списке Рандорфа, сохранившемся в Кунгурском городском архиве, Андрей Яковлевич – из дворян, родовое имение – сельцо Даниловское Рязанской губернии и уезда, 22 души. Вероисповедания лютеранского, холост. После отставки в 1816 г. служил городничим г. Ливны, надзирателем питейного сбора в г. Егорьеве, г. Данкове, исправлял должность Михайловского земского исправника. В Кунгур прибыл на должность городничего 21 июня 1841 г.

В 1846 году городничий подпоручик Рандорф А.Я., 52 лет, согласно формулярному списку, «аттестован способным и достойным». Судя по всему, обязанности, возложенные на него, всегда старался выполнять с немецкой пунктуальностью, строго следуя букве закона, и при этом, как следует из сохранившихся документов, не особо дипломатничал с людьми. За что, случалось, и страдал, и попадал в судебные тяжбы. Так, в 1847 году начато «дело об освобождении от суда и следствия Кунгурского городничего Рандорфа за причинение обиды купцу Губкину». (ГАПК Ф. 36. Оп. 2. Д. 224. Л. 1 -34).

...Семен Губкин, сколотивший первый капитал на занятиях извозом (ямщицкий промысел), решил строить новый каменный дом, вместо деревянного. Дело хорошее, никаких препятствий купец поначалу не встретил... Одна небольшая неувязочка вышла: городничий потребовал, чтобы свою стройку хозяин взял за забор, и строительные материалы, которые подвозил, держал за ним, за забором. Губкин на такой пустяк не обратил поначалу никакого внимания. Упрямый городничий, однако, настаивал на порядке, ссылаясь на жалобы соседей Губкина.

Рандорф не только присылал предупреждения через квартального надзирателя, но и сам лично выговаривал купцу, усовещал его. Губкина это задело, нор у купчины был еще тот. Как явствует из жалобы, он «проявил послушание, а служителя Осетрова намеревался прибить палкой». При этом ссылался на свои связи, говорил, что «знает Пермь».

Конфликт достиг наивысшего накала в апрельский день 1847 года. Получив рапорт своего подчиненного о таком дерзком поведении, Рандорф даже побагровел от гнева. Старый служака не смог стерпеть такого послушания. Он тотчас прислал полицейских на место губкинского строения с требованием остановить работы до тех пор, пока не будет поставлен забор. Жил купец 2-й гильдии Семен Иванов Губкин на Мининской улице (теперь Гагаринской), в приходе Успенской церкви. По сведениям кунгурского краеведа С.М. Мушкалова семья Губкиных поместилась в простом деревянном доме, построенном самим Семеном Ивановичем. Семья придерживалась строгих русских устоев, жили скромно, соблюдая все православные обычаи. Три сына Губкиных, Степан, Яков и Алексей, смогли получить только домашнее воспитание и образование в объеме церковно-приходской школы.

И тут, как говорится, нашла коса на камень. Губкина «заело», он – руки в боки. Тогда по приказу городничего его силой доставили в правление. Ладно, что в кутузку не посадили. Купец после этого изменил тактику. Не признав своей неправоты, но и, не желая вгонять себя в лишние траты на забор, Губкин вызвал врача, чтобы тот засвидетельствовал «...болезнь, кою он получил в должности бургомистра, быв в местном городском магистрате».

Выясняется, что Семен Иванович еще и сам побыл когда-то «при власти», поэтому и понуканий со стороны городничего не стерпел. Дело, которое яйца выеденного не стоило, приобрело неожиданный размах. Семен Губкин и сын его Яков пожаловались на самоуправство городничего Рандорфа пермскому губернатору. Они припомнили ему и насильственный привод в правление, и угрожающие слова: «намеревался причинить побои». Когда же в Перми кунгурского купца не поддержали, Губкины пошли дальше, подали жалобу в Сенат, уже «на решение Пермской палаты уголовного и гражданского суда».

Так А.Я. Рандорф попал под следствие, правда, недолгое. Решением соответствующего департамента Правительствующего Сената кунгурскому городничему было сделано «строгое замечание», а с Семена

Губкина и сына его Якова должно было «взыскать... на употребленную простую бумагу, а оные деньги отослать в казну».

Нужно заметить, судебная тяжба купца и городничего кончилась плохо для обоих. Городничий лишился должности (видимо, за неспособность находить общий язык с видным гражданином), а сам купец и того больше – жизни. Да, Семен Губкин отошел в мир иной, спустя всего несколько месяцев после тяжбы, между прочим, так и не уплатив пени. Городничему же велено было «наблюдать за выздоровлением Губкина». Дом построить тот также не успел. Отцовское дело успешно продолжил и многократно приумножил его сын, Алексей Семенович Губкин, крупный чаеоторговец, ставший Почетным гражданином Кунгура за невиданную доселе благотворительность. Такой вот разворот: отец отказался когда-то простое ограждение возводить у дома, а сыновья, внуки его строили каменные домины, храмы и дарили их городу.

Лишившись должности, А.Я. Рандорф продолжил службу исправником, обязанности исполнял столь же ревностно, неуступчиво и жестко. О чем может свидетельствовать... очередное следствие по его делу. Следствие, выражаясь современным языком, за превышение им полномочий. Остановил он воз с железом (12 листов весом 4 пуда), который везли крестьянин Калинин с женой из деревни Шамары, вез на продажу в Кунгур «без нужных свидетельств». Исправник Рандорф приказал приставу 2 стана Токареву в Суксуне: железо изъять, Калинина с женой допросить. Калинин подал на исправника жалобу за то, что его собственное железо арестовали, да еще 500 рублей с него требовали, да еще жену Соломею задержали на шесть недель...

В августе 1855 г. Калинин пишет новую жалобу: «...Рандорф находится в настоящее время при той же должности». Любопытная деталь: во время этого расследования Рандорф (по данным краеведа С.Т. Лапиной) уже состоял «под следствием по делу о несовместных его действиях при производстве следствия о крестьянине Рагозине». Как говорится, характер – не изменить...

РЕЙХАРДТ Ф.К.

Федор Карлович Рейхардт служил на Пермской железной дороге много лет. В 1902 году «Государь Император по ходатайству г. Министра Путей сообщения и согласно с заключением Комитета о службе чинов гражданского ведомства Всемиловейше соизволил пожаловать награду» – звание личного почетного гражданина машинисту 1 класса Федору Рейхардту. (Приказом по Пермской железной дороге МПС).

По справочнику «Вся Пермь» на 1912 год Ф.К. Рейхардт (так в оригинале) служил уже начальником депо Пермь-2 станции Пермь-2.

РИХТЕР А.А.

Андрей Александрович Рихтер (1871–1947) – выдающийся ученый, один из первых ректоров Пермского университета. Родился в с. Куровское Калужской области, вероисповедания евангелическо-лютеранского. В 1893 году окончил Петербургский университет по естественному отделению физико-математического факультета, после чего преподавал в альма матер, а также на высших женских курсах. В числе других научных работников прибыл из Петрограда в г. Пермь и приступил к органи-

зации в университете кафедры и лаборатории по анатомии и физиологии растений и разработке курсов ботанических дисциплин по физиологии растений. В 1917–1918 гг. – декан физико-математического, в 1920 г. – сельскохозяйственного факультета. Советом университета 13 сентября 1921 года профессор Рихтер избран ректором и занимал эту должность до 1923 года. Несмотря на большой объем организаторской и административной работы, в трудных условиях провел интересные исследования по физиологии и биохимии ряда микроорганизмов и осмотическим свойствам и проницаемости корневых волосков растений. В 1924 г. перешел в Саратовский университет, в 1929 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1931 г. возглавил кафедру анатомии и физиологии растений МГУ, в 1932 г. избран академиком. Организатор и первый директор Института физиологии растений АН СССР. К 10-летию Пермского университета Андрей Александрович прислал из загранкомандировки (из Гамбурга) поздравление, в котором писал:

«...Возникший на основе просвещенной частной инициативы, организованный идейной группой преподавателей, выросший на почве дружной товарищеской работы всех членов Университетской семьи, Пермский университет всегда останется дорогим и близким для всех, принимавших участие в его жизни.

С гордостью и любовью вспоминаю те, полные подчас тяжелых испытаний, годы, которые отданы мною Пермскому университету, и теперь, среди роскоши и совершенства обстановок заграничных Высших учебных заведений, невольно отмечаю, как много достигнуто Пермским

университетом в его далекой северной глуши, как высоко держал и держит он свое Университетское знамя, знамя науки, общественной культуры и экономического подъема страны.

Новая жизнь открывает русской науке, русской культуре, русскому самосознанию безграничные горизонты; верю, что Пермский университет будет одним из первых в достижении их».

СТРОЛЬМАН С.А.

Сергей Алексеевич Стрельман, основатель уральской ветви семьи, имеет шведско-немецко-русские корни. Он родился в 1854 году в Екатеринбурге, закончил Горный институт в Петербурге. Работал на заводах Златоуста, Миасса, Благодати, но большую часть своей жизни отдал Мотовилихе, пушечным заводам. Был правой рукой тогдашнего горного начальника Николая Гавриловича Славянова, изобретателя электросварки. Так что ничего удивительного не было в том, что после кончины Славянова Сергей Алексеевич стал его преемником на посту горного начальника, в генеральской должности.

Окончил Санкт-Петербургский горный институт (1877), горный инженер. Награжден орденами Святого Станислава III степени (1888), Святого Станислава II степени (1893), Святой Анны II степени (1897), Святого Владимира III степени (1904), Святого Станислава I степени (1906). Действительный статский советник (1901).

С 1877 г. – в Луганском горном округе. С 1878 г. – на каменноугольных и соляных копях. Смотритель (с 1884 г.), механик (с 1885 г.)

Стрельман С.А. (в центре с палкой) у Царь-пушки

Златоустовского завода и оружейной фабрики; с 1888 г. – управитель Верхнетуруинского завода, помощник горного начальника Гороблагодатских заводов и управитель Кушвинского завода. Помощник горного начальника (с 1891), горный начальник (с 1897) Пермских пушечных заводов.

Провел крупномасштабную модернизацию: построены три мартеновские печи, новая электростанция, введено фасонное литье для лафетов и производство различных сортов никелевой и хромистой стали, расширена фабрика для изготовления тиглей, построены новые здания чугунолитейной и меднолитейной фабрик, значительно перестроены орудийные и снарядные фабрики, построена новая лафетно-сборочная, начато производство орудий новых систем. Благодаря внедрению нового оборудования, объем производства заводов вырос с 2,3–2,4 млн руб. в 1896–1897 гг. до 4 млн руб. в 1906–1907 гг. С 1908 г. – в отставке. Автор ряда статей, опубликованных в «Горном журнале».

Большой опыт работы на уральских заводах, доскональное знание производства, аккуратность и дотошность в делах – все эти качества способствовали тому, что горный начальник пользовался заслуженным авторитетом и у начальства, и у рабочих. В воспоминаниях о С.А. Стрельмане, написанных его внучкой Татьяной Владимировной (после ее смерти в 2000 году этот ценный источник, а также некоторые вещи Стрельманов поступили в заводской музей), упоминается и такой факт. Именно в годы правления Стрельмана в Мотовилихе был возведен величественный Никольский храм в память о двух горных начальниках, двух Николаях, Воронцове и Славянове. Храм был построен по проекту талантливого архитектора Александра Турчевича, освящен в 1903 году, перед первой революцией (храм будет взорван в 1930-е годы). Все члены семьи Стрельманов были постоянными прихожанами храма во имя Николая Чудотворца.

Историк Елена Харитоновна подробно рассказывает о том, почему вынужден был уйти с должности Стрельман. Случилось это во время вооруженного восстания в Мотовилихе. Рабочие выдвинули администрации завода 21 требование. Большинство из них были вполне обоснованными, поэтому горный начальник не только пошел на удовлетворение половины из них, но и предложил создать смешанную комиссию по «разрулированию» конфликтных ситуаций с участием рабочих. Он добился того, что рабочие стали участвовать «в вопросах браковки и внутреннего распорядка». Министерское начальство не было удовлетворено

действиями Строльмана, посчитало его курс чересчур «либеральным». Однако, крупный специалист был нужен горному делу. В 1913 году семья Строльманов переехала в Петербург, где глава семейства продолжает служить по родному ведомству.

Трудные времена после революции и разруху гражданской войны семья горного начальника пережила уже в Перми с помощью добрых людей. На Строльмана работала его репутация! Ведь был он руководителем строгим, но справедливым. В первые советские годы Сергей Алексеевич работал на рабфаке университета, получая паек в 30 кг овса. Когда он лишился этого приработка, бывшие сослуживцы пригласили его снова работать на родной завод. Он и жил тогда на квартире инженера К. Шафаловича. Старые рабочие, помнившие своего начальника, приносили кто что мог, подкармливали «гостинчиком» с огорода. Однако в 1924 году Строльмана вновь сократили, он ушел преподавать в индустриальный (ныне авиационный) техникум, куда его пригласили опять же уважавшие его бывшие сослуживцы. Преподавать ему, увы, долго не пришлось. Времена изменились, нравы испортились, в советском обществе усилились поиски «врагов народа».

После «разоблачения» очередного троцкистско-зиновьевского блока «вычистили» и Строльмана. В резолюции общегородского собрания профактива по его адресу записали крутое решение, обосновав так: «Враги рабочего класса получали из страхкассы пенсию. Строльман, бывший управитель Мотовилихинского завода, в годы революционного подъема 1905–1907 гг. вместе с жандармерией расстреливал Мотовилихинских революционных рабочих...».

Это было неправдой, и многие понимали, что это неправда. Видимо, поэтому Сергей Алексеевич доживал свой век на свободе. Хотя здоровье после таких ударов было сильно подорвано. Этот колоритный старец с раздвоенной седой бородой исчез навсегда из пермского пейзажа в 1937 году. Нет, он не был осуждён, просто умер своей смертью. Могила горного начальника со временем оказалась утрачена, обнаружить ее удалось только недавно, благодаря воспоминаниям его внучки. В 2010 г. на могиле установлен памятник.

СТРУВЕ Б.В.

Бернгард Васильевич Струве (1827 г. Дерпт, ныне г. Тарту, – 1889, С-Петербург) родился в семье потомственного немецкого дворянина, известного астронома В.Я. Струве. Первые 12 лет своей жизни Струве провел в Дерпте. Отец его, Василий Яковлевич Струве, был создателем первой в России обсерватории в Пулковое под Петербургом. В 1839 г. он назначается первым ее директором, и семья переезжает в Санкт-Петербург.

Окончив Царскосельский лицей, в 1847 г. Бернгард Струве поступил на государственную службу в канцелярию статс-секретаря, где прослужил около 7 месяцев. В декабре 1847 года Б.В. Струве по своему желанию был зачислен в штат Главного управления Восточной Сибири и направлен в распоряжение генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского. Струве состоял при Муравьеве с 1847 по 1855 г. в должностях: чиновника по особым поручениям, старшего советника областного Иркутского правления, а затем его председателя. В будущем освоению восточных земель Струве посвятил ряд статей: «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Эпизод из его жизни», «Воспоминания о Сибири» и др.

В июне 1856 г. Б.В. Струве был назначен астраханским вице-губернатором, а в августе 1857 г. – губернатором. Струве возглавлял Астраханскую губернию до апреля 1861 г., а затем по прошению вышел в отставку. 22 апреля 1865 г. действительный статский советник Б.В. Струве получил назначение в Пермскую губернию на должность ее начальника.

Годы управления Пермской губернией Струве совпали с эпохой либеральных реформ Александра II, которые он настойчиво и активно проводил в жизнь.

Созданное еще в XVIII в. городское самоуправление в 60-е гг. XIX в. получило новый импульс, стало самостоятельным институтом власти. При содействии Бернгарда Васильевича в Пермской губернии было введено «Городовое положение», по которому в городах были созданы бессловные органы городского самоуправления – городские думы, а

при губернаторе – правление по городским делам. Реформы в области финансового дела изменили структуру губернских финансовых органов, усилили централизацию. В 1866 г. в губернии учреждено отделение государственного контроля – Контрольная палата, а в 1870 г. – Государственный банк.

Огромное значение для России имела земская реформа. Пермское губернское земство, признававшееся на рубеже веков одним из наиболее сильных и демократических, во многом обязано своим становлением губернатору. При его поддержке в 1869 г. в Перми открылась временная комиссия для обсуждения вопроса о введении «Положения о земских учреждениях» в Пермской губернии, а в 1870 г. были созданы губернская и уездная земские управы. Приветствуя создание новых органов на первом губернском земском собрании, Струве отметил, что пермяки отнеслись «с замечательным усердием к новому для губернии делу» и выразил надежду, «что ход дела по земским учреждениям и впредь пойдет, с Божьей помощью, вполне успешно». Вновь созданным органам Б.В. Струве предоставил большую самостоятельность.

В ознаменование крестьянской реформы 1 октября 1869 г. в Перми был торжественно открыт храм Воскресенья Христова, построенный по проекту губернского архитектора Г.П. Летучего. По случаю этого события в тот же день губернатором был дан «парадный» обед в здании Благородного собрания, на котором он выступил с пламенной речью о значении великих реформ Александра II и в особенности крестьянской. По свидетельству современников его речь была встречена восторженными криками «Ура!».

В правление Струве в 1865 г. начал свое действие Пермский сталепушечный завод, который кроме казенных работ принимал также частные заказы, например, строительство пароходов. Впоследствии Камские пароходные товарищества Каменских, Любимовых, возникшие в 1860–1870-е гг., стали крупнейшими речными транспортными компаниями в России.

В течение пяти лет велись изыскания относительно направления железной дороги. Только в 1874 г. было разрешено ее строительство, и главная заслуга в этом, безусловно, принадлежит Б.В. Струве.

Будучи пермским губернатором, 16 апреля 1867 г. Б.В. Струве был удостоен ордена Св. Владимира III степени.

Супруга губернатора А.Ф. Струве была известна жителям Перми своей благотворительной деятельностью, ее стараниями в Перми было

открыто «Убежище детей бедных», которое существовало исключительно на пожертвования. Сама А.Ф. Струве содержала двух пансионеров. Анна Федоровна, посещая приют обычно со своими детьми, по свидетельству пермяков, оживляла его работу.

В семье губернатора было шесть детей: Василий, Федор, Николай, Александр, Михаил, Петр. Трое последних родились в Перми, в том числе будущий выдающийся политический деятель России начала XX в., экономист, философ П.Б. Струве.

В 1870 г. в губернию прибыл сенатор П.Н. Клушин с целью ревизии. Нервозная, напряженная атмосфера и связанные с ревизией многочисленные увольнения чиновников привели к тому, что Б.В. Струве подал прошение об отставке в связи с болезнью. Впрочем, наиболее вероятной причиной подобного шага было опасение, что собранный сенатором компромат мог вызвать самые неприятные последствия для него. В скором будущем опасения Струве оправдались. 8 октября 1870 г. прошение было принято, и Струве был уволен в отставку с годовым содержанием 2 000 рублей.

В течение долгих 12 лет шло изучение материалов ревизии. В итоге бывшему пермскому губернатору были предъявлены обвинения в превышении власти, вмешательстве в работу судебных и следственных органов; а также в «отдельных неправильностях», свидетельствовавших о небрежном отношении к служебным обязанностям. Струве остался верен себе, выдвигая на первый план сохранение спокойствия и порядка в крае в интересах успешного проведения реформ Александра II. По итогам разбирательства Б.В. Струве был вынесен строгий выговор. Отношение же пермяков к правлению губернатора Б.В. Струве иллюстрирует решение, принятое Пермской городской думой, об избрании его Почетным гражданином города. 2 апреля 1877 г. это решение было высочайше утверждено и давало ему право носить в отставке мундир.

Отставка Бернгарда Васильевича с поста пермского губернатора вызвала переезд семьи в Санкт-Петербург. В 1879–1882 гг. семья жила в Штутгарте (Германия), а в 1882 г. возвратилась в Петербург, где он и скончался.

Сестры ЦИММЕРМАН

Маргарита

Оттилия

Эвелина

О сестрах Циммерман впервые за много лет молчания поведала пермякам выставка «В память заслуг перед городом...», открывшаяся в 2000 году в помещении Государственного архива Пермской области. Экспозиция была посвящена одному из первых пермских частных учебных заведений – гимназии сестер Циммерман. Представленные материалы – словно наглядный материал к пьесе «Три сестры». Редкие документы, фотографии, воспоминания позволили воочию представить то, как жили люди, похожие на чеховских героев, в дореволюционную пору. О чем они думали, к чему стремились, из-за чего переживали и чему радовались. На что надеялись...

Ведь на самом деле среда пьесы – не только военные, артиллеристы, но и преподаватели гимназии, врачи, местная интеллигенция.

Героини нашего сюжета появились на свет в семье дворянина врача В.И. фон Циммермана, действительного статского советника. В Пермь он, потомок старинного немецкого рода, приехал из Петербурга, где в 1835 году окончил полный курс Императорской медико-хирургической академии. Молодой образованный эскулап зарекомендовал себя как отличный специалист. Владимир Иванович не только пользовал больных, но и старался поднять лечебное дело в Перми на более высокий уровень. С 1864 по 1870 год занимал должность старшего врача Александровской губернской больницы. Исправляя, как писали в ту пору, эту должность, написал подроб-

нейший отчет, который сегодня является ценным историческим источником.

В семье Владимира и Юлии Циммерман родилось семеро детей: Инна (Эвелина), Оттилия, Маргарита, Генриетта, Эрнст; Эммануил и Юлия умерли молодыми.

Созданием частной гимназии и занялись трое из сестер Циммерман.

В истории старой (дореволюционной) Перми эта гимназия занимает совершенно особое место.

Летопись учебного заведения начинается с того августовского дня 1886 года, когда в Перми впервые открылась частная начальная школа. Основательницей ее выступила Эвелина Владимировна Циммерман, выпускница пермской Мариинской женской гимназии. Однако, хотя в учредительных документах стоит лишь ее имя, рядом с Эвелиной всегда находились сестры – Оттилия и Маргарита. Служебные обязанности сестер поменялись лишь однажды. Эвелина (в замужестве Генних) в конце 1887 г. стала владелицей типохромолитографии, содержательницей и заведующей школы осталась Оттилия Владимировна. Эвелина Владимировна всегда, все 33 года существования учреждения, помогала сестрам. А после кончины мужа она продала типографию купцу городскому голове А.В. Синакевичу (произошло это в 1911 г.) и вернулась в гимназию – преподавать.

«Школа была необычна еще и тем, что преподавали в ней сами сестры-основательницы, – рассказывает Татьяна Александровна Дорош (Кюнцель), внучка Генриетты Владимировны. – Квалификация у них была довольно высокой. Мариинку (женскую гимназию) Оттилия окончила с большой золотой медалью, Эвелина – с большой серебряной медалью; Оттилия и Маргарита успешно прошли обучение еще и в педагогическом классе при гимназии. Обязанности они распределили поначалу так. Старшая, Эвелина Владимировна, очень энергичная и деятельная женщина (и очень красивая!), была содержательницей школы и вела уроки немецкого языка. Оттилия и Маргарита преподавали французский, немецкий и русский. Им гимназия заменила семью, замуж они так и не вышли...»

Учебное заведение сестер Циммерман считалось чуть ли не самым демократичным из всех гимназий, существовавших в Перми. Принимали сюда почти всех желающих, без оглядки на имущественные, сословные, национальные и прочие цензы. Кто по каким-либо причинам не

мог поступить в другие гимназии города, шел в гимназию Циммерман. Плата за обучение была по тем временам довольно приличной (75–100 руб. в год), но благодаря гибкой системе благотворительных взносов учиться здесь могли и выходцы из малоимущих семей. Без попечителей гимназия просто не выжила бы. Средств, которые жертвовали на нужды заведения сами основательницы, было явно недостаточно. Это счастье, что почетным попечителем согласился быть Николай Васильевич Мешков – известный на всю Россию парходчик-миллионщик, меценат. Существовало и общество вспомоществования воспитанникам.

Занимались «циммерманщики» по правительственной программе, но были и отличия, нововведения в либерально-прогрессивном духе. Например, сестры оборудовали в своей гимназии столярную мастерскую, создали балалаечный оркестр; старшеклассникам разрешалось собираться по вечерам в помещении гимназии.

В гимназии был сильный преподавательский состав. Сестры сразу взяли за правило приглашать педагогов с высокой квалификацией.

Оттилию Владимировну Циммерман арестовали в сентябре 1920 года. В постановлении губчека причина ареста не указана. Но нетрудно предположить, что поводом для репрессий учительницы было опубликование в газете «Освобожденная Россия» стихотворения, в котором, по сути, приветствовалась смена власти. Конечно, поэтическое творчество – только повод. Главное, за что уничтожили известную пермскую просветительницу, – для большевиков она была социально и классово чуждым элементом, она вся – пережиток прошлого.

Спустя всего несколько месяцев после ареста, бывшая начальница гимназии умерла в тюремной больнице.

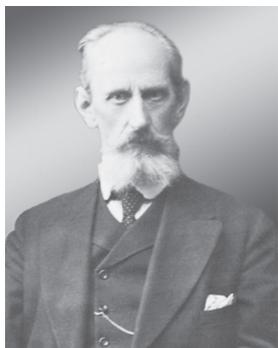
...Одной из сестер, Эвелине, удалось-таки позднее уехать в Москву, к детям. Больше о ней ничего, к сожалению, неизвестно.

На фотографии последнего выпуска гимназии над портретом Маргариты Владимировны кем-то сделана приписка: «сейчас сторож немецкой кирхи». Судя по всему, приписка сделана в 1920-е годы, когда кирха еще не была закрыта. Бывшая учительница устроилась сторожем в свой храм, чтобы его не разворовали. Несколько лет М.В. Циммерман преподавала в школе (что нашло отражение в экспозиции музея нынешней пермской школы № 9 имени Пушкина). А в одном из музеев появился редкой красоты столовый прибор, принадлежавший некогда семье Циммерман.

Благодарная память о сестрах всегда жила в бывших «циммерманщиках».

Похоронены сестры на старом Егошихинском кладбище. Осенью 2006 года именно там, на старинном участке пермских лютеран, появилась «тропа трех сестер», был установлен и символический памятник с их именами.

ШМИДТ В.К.

Виктор Карлович Шмидт (1865–1932) – замечательный ученый, основатель уральской научной школы анатомов, эмбриологов и гистологов. В бытность Шмидта ректором ПГУ (в 1923–1924 годах, когда медфак был еще в составе университета), возник вопрос, где должен быть центр медицинского образования на Урале. Именно при Шмидте и во многом благодаря ему Пермь выдержала конкуренцию с Екатеринбургом, в результате чего медицинский факультет не только не был переведен в «столицу Урала», но, напротив, после объединения двух факультетов 350 екатеринбургских студентов начали учебный год в Перми (до очередной реорганизации).

Выпускник, а затем приват-доцент Юрьевского университета (кстати, того самого, который хотели поначалу перевести в Пермь), Шмидт затем много лет работал в Петербургском университете, а также преподавал на Высших женских курсах. В 1917 году Виктор Карлович командирован в Пермь на должность ординарного профессора по кафедре анатомии.

В процессе «пролетаризации» вуза Шмидт, как беспартийный, был заменен на посту руководителя. Однако столь авторитетный ученый был нужен новой власти, и не случайно Виктор Карлович был избран депутатом горсовета. В.К. Шмидт стал также одним из организаторов естественно-научного института при ПГУ, директором института, редактором журналов биологического института.

«Один из последних могикан», как называли профессора в некрологе, скончался от туберкулеза легких 7 мая 1932 года. Он оставил после себя ценные научные труды, а также учеников, которые, как написал журнал «Природа» (1933 г. № 1), «надолго сохранят память о нем как об удивительно хорошем человеке, на редкость добросовестном и интересном ученом и честном общественном работнике». Кроме того, он завещал для науки и свой мозг (хранится в одном из музеев Пермской медицинской академии).

Долгое время считалось, что могила его на Егошихинском кладбище утрачена, но краоведам удалось обнаружить место последнего приюта ученого. Историческая справедливость восторжествовала еще раз.

ШРАММ А.С.

Альберт Сергеевич Шрамм (1850–1883 гг.) – врач. В истории обширного Чермозского имения крупных уральских заводоладельцев Лазаревых, как и в истории губернской Перми, был любимым населением врач-немец, свой доктор Граль. Звали его Альберт Шрамм. Нужно отметить, что в чермозской летописи встречается немало немецких фамилий, в том числе и врачей. (Лазаревы купили Чермозский медеплавильный завод у Строгановых в 1778 году и реконструировали его). Большая смертность среди крепостных мастеровых и приписных крестьян заставила новых владельцев принимать меры по организации медицинской помощи. С 1789 года для лечения работных людей Лазаревыми был нанят доктор Людвиг Карл Шмидт, которого чермозцы стали звать просто «Александр Иванович». После ухода А.И. Шмидта в отставку и отъезда его на жительство в г. Пермь, в Чермозе сменилось более 16 врачей и лекарей (подлекарей), с разной степенью квалификации и познаний, даже на уровне цирюльника, как Гагеманн Е.Ф.

А между тем заводское население остро нуждалось в квалифицированном медицинском обслуживании. Массовые заболевания случались очень часто: эпидемия сыпного тифа – 1815 г., холеры – 1831 г., брюшного тифа – 1880 г., оспы – 1882 г. Высока была смертность детей, младенцев (до 56 процентов).

В январе 1873 года в Чермоз прибыл молодой доктор Альберт Сергеевич Шрамм. В архивных документах того времени указано, что с А.С. Шраммом 19 декабря 1872 года заключили «домашнее условие (временное соглашение) при Московской конторе господ Лазаревых». Ему было выдано 100 рублей «прогонных» денег.

Приехав в Чермозский завод, молодой доктор решительно взялся за дело. В обязанности заводского врача, кроме лечения, входило обучение фельдшеров из числа грамотных детей рабочих. Кроме того, врач должен был выращивать и собирать лечебные травы на огороде при госпитале (это было двухэтажное каменное здание на 150 коек), готовить лекарства и снадобья, делать прививки. И, конечно, совершать регулярные объезды сел и деревень.

Со всеми этими обязанностями доктор Шрамм справлялся лучше, чем кто-либо из его предшественников. Несмотря на то, что судьба отмерила ему меньший срок, чем упомянутому выше Шмидту, в историю вошел именно Альберт Сергеевич. Это был образованный человек, владевший несколькими иностранными языками, добрый и общительный. Управляющий лазаревским заводом, потомственный почетный гражданин Н.Н. Новокрещенных так отзывается о докторе:

«...Поступив в Чермоз почти со школьной скамьи, он предался делу со всем пылом молодой души. Честнейшая личность во всех проявлениях, он по натуре своей был создан обаятельным человеком. Все, кто знал его, готовы были спорить между собой, кому он больше друг, – и он был общим другом. Он одинаково принимал к сердцу болезни каждого и, в случае надобности, по неделям не являлся домой, ночуя около больных... Он не знал, что значит – тянуть руку за рублем, даваемым за визиты, и безвозмездно десять лет лечил всех больных, как заводских, так и окружающих сел и деревень».

Как следует из исторических источников, заводовладельцы Абамяк-Лазаревы не относились к числу хищников-эксплуататоров. Для рабочих людей своих предприятий они создали училище, больницу, выплачивали им пособие по старости и по болезни. Доктору такая гуманная политика хозяев была по душе. Альберт Сергеевич Шрамм успешно работал в Чермозском госпитале десять лет, с января 1873 года. Здесь у него появились друзья, семья. В метрических книгах Чермозской Рождество-Богородицкой церкви, начиная с 1873 г., можно найти записи о рождении его детей. 6 ноября 1873 г. на свет появился сын Владимир. О родителях сообщается следующее: «...Чермозского госпиталя врач Альберт Сергеевич Шрамм лютеранского вероисповедания, законная жена его Татьяна Николаевна, православная». Обряд крещения младенца провел священник Виталий Никандрович Хлопин. В 1875 году в семье Шраммов родилась дочь Софья (она умерла в возрасте 3,5 лет, от скарлатины). Восприемниками при крещении детей были брат доктора Владимир Сергеевич Шрамм, коллежский асессор Николай Андреевич Пивинский, Николай Никифорович Новокрещенных. Все это уважаемые в обществе люди. По замечанию чермозского краеведа Г.А. Новиковой, заводская интеллигенция дружила домами, семьи Шрамм и Новокрещенных делили беды и радости, а их главы выступали восприемниками при рождении детей.

Памятник Шрамму А.С. (1850–1883)

Помимо основной работы А.С. Шрамма приглашают почетным поручителем на события бракосочетания или крещения. Но... наступила трагическая осень 1883 года. В один из ноябрьских дней «случайная неосторожность» (?) прервала жизнь доктора. Как свидетельствует современник, смерть Альберта Шрамма «стала всеобщим несчастьем, люди оплакивали ее... на собранные народом деньги был поставлен памятник». Как следует из записи в метрической книге, надворный советник А.С. Шрамм скончался 35 лет от роду, причина смерти – «паралич».

Н.Н. Новокрещенных, ставший известным пермским археологом и краеведом, в своей книге, посвященной истории Чермозского завода, вспоминал:

«Тысячи плачущего около его могилы народа при похоронах красноречиво доказали, кто он был и кого мы в нем потеряли. Эта прекрасная личность покойного Шрамма надолго будет памятна населению Чермоза».

Слова эти подтвердились в полной мере спустя годы. В Чермозском краеведческом музее экспонируется портрет доктора. Возле величественного здания с курантами Рождества-Богородицкой церкви, ныне вновь переданной местной православной общине, стоят всего два памятника, один – героям Великой Отечественной войны, а второй – доктору Шрамму. Это красивое надгробие, высеченное из камня, было сохранено даже в богоборческие советские годы, после разрушения всего церковного погоста.

Часть 2.

НА ПЕРЕЛОМЕ
Советский и постсоветский период

АБТ-НЕЙФЕРТ Н.Ф.

Нина Фердинандовна Абт-Нейферт (1945, Златоуст) – певица (драматическое сопрано), заслуженная артистка РСФСР, профессор кафедры сольного пения Пермской академии искусств и культуры, лауреат Государственной премии РСФСР (1984). В Златоусте окончила музыкальную школу и получила первоначальное музыкальное образование. За годы работы в Пермском ордена Трудового Красного Знамени академическом театре оперы и балета имени П.И. Чайковского спела много сложных партий в операх: «Трубадур» (Леонора), «Бал-маскарад» (Амелия), «Аида» (Аида), «Евгений Онегин» (Татьяна), «Чародейка» (Настасья), «Тоска» (Тоска), «Орлеанская дева» (Агнесса).

За создание образа Наташи Ростовской в опере «Война и мир» (С. Прокофьева) Нина Фердинандовна удостоена Государственной премии РСФСР в области музыкального искусства (1984).

АНГАЛЬТ З.Ф.

Ангальт Захар Филиппович (Филибертович), один из создателей и руководителей Верещагинской трикотажной фабрики. Родился 31 октября 1917 года в селе Антоновка Ершовского района Саратовской области. Его отец был репрессирован, расстрелян в 1938 г. Захар закончил школу в г. Днепропетровске; в 1935 году поступил в Одесский Немецкий Учительский институт, который закончил в 1937 году. По распределению уехал в село Урицкое Запорожской области, где работал преподавателем немецкого языка.

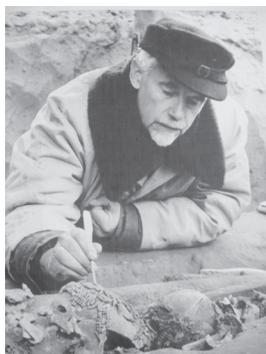
Там он познакомился с Александрой Нестеровной Третьяковой, учительницей русского и украинского языков и литературы. Молодая семья переехала на жительство в село Большая Лепетиха, преподавали в местной школе. В 1941 году З.Ф. Ангальт попрощался с молодой женой и поехал в военкомат, чтобы его отправили на фронт – защищать Родину. Его отправили... на спецпоселение в г. Соликамск. Там он работал в Соликамскстрое НКВД по 1946 год, без права переписки, о чём есть справка на основании выписки из личного дела спецсылки. В 1941 году под бомбёжкой в Большой Лепетихе родилась первая дочь, Фрида. Отец не знал про дочь. В 1946 году немцев спецпоселения Соликамскстроя перекинули на строительство Верещагинской трикотажной фабрики. Захар Филиппович получил возможность писать письма. Жена с дочерью приехали к нему в Верещагино. Только в 1955 г., в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР, З.Ф. Ангальт со спецпоселения освобождён. Захар Филиппович был строителем Верещагинской трикотажной фабрики с «первого камня», начал с простого рабочего.

Потом его назначили, как человека ответственного и пробивного, начальником АХО (административно-хозяйственного отдела), в этой должности он проработал до 1960 г. Затем работал заместителем директора фабрики. В 1963 г. избран депутатом в Совет депутатов трудящихся Верещагинского района. К тому времени в семье росли дети: дочь Фрида, сын Владимир, дочь Елена. В 1972 году Ангальты переехали на жительство в г. Урюпинск Волгоградской области, город также

с трикотажной фабрикой. До 1984 г. З.Ф. Ангальт работал на Урюпинской трикотажной фабрике заместителем директора, пока не заболел. Уволился с работы, и спустя два года умер, в возрасте 69 лет. Похоронен в г. Урюпинске. Захар Филиппович написал книгу о Верещагинской трикотажке, воспоминания о людях, с которыми работал на фабрике. Внучка Елена Щербакова-Ангальт (живет в Перми) рассказывает:

«У нас есть три дорогие нашей семье дедовские толстые тетради с его воспоминаниями. Дед Захар любил К. Паустовского, всегда очень хотел писать прозу, его литературные пробы пера и замечательные письма я также бережно храню. Ещё есть совершенно драматические документы о реабилитации его отца, о том, как сам он жил под вечным присмотром милиции. Есть документ об освобождении от этого «присмотра» – маленькая зелёная бумажка, разрешающая выезд в три города СССР». Хранится в семье наследников Ангальта З.Ф. также «проба» генеалогического древа Ангальт, присланная от родственника, проживающего в Америке, штат Калифорния. Оказалось, американец Адам Ангальт всерьез увлекался составлением родословной, работал с архивами России.

БАДЕР О.Н.

Бадер Отто Николаевич (1903–1979) выдающийся советский археолог, доктор исторических наук (1964), создатель пермской школы археологов. Окончил Московский госуниверситет (1926). Работал ученым секретарем института антропологии при МГУ, одновременно в 1927–1930 гг. О.Н. Бадер – специалист музейного отдела Главнауки Наркомпроса, ученый секретарь музея антропологии и секретарь редколлегии «Антропологического журнала». С 1936 г. читает лекции на Высших музейных курсах Наркомпроса, руководит практикой студентов-археологов. С середины 1930-х Бадер возглавлял археологическую комиссию Московского научно-исследовательского бюро краеведения и комиссию по истории Москвы. Тогда же ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук, причем без защиты диссертации – как признание достижений в изучении археологических памятников в бассейнах Волги, Вятки, Оки, Камы.

Докторская диссертация была защищена им через многие годы, в 1964 году, когда ученому шел уже седьмой десяток. Защищался по теме «Древнейшая история Прикамья». Эти три десятилетия жизни ученого включают много трудов, поисков, открытий и неудач, событий радостных и трагических...

Как только началась Великая Отечественная война, Бадер ушел добровольцем на фронт в московское ополчение. Однако в декабре 1942 года он, вместе с другими гражданами немецкой национальности, был депортирован на Урал. С февраля 1942 года он был мобилизован в «трудармию». Работал в Тагиллаге НКВД, в 4-й колонне, числился секретарем-статистиком медицинского стационара кирпичного завода. Но и в тех условиях Отто Николаевич не сломился, не изменил себе, своим принципам; он продолжал жить активной научной, духовной жизнью. Много позже станет известен такой удивительный факт: Бадер участвовал в деятельности полуподпольного кружка, научного сообщества, организованного такими же советскими немцами-учеными. Эта «Малая академия», названная так в полушутку организаторами В.Э. Рунгом, Б.В. Раушенбахом, П.Э. Рикертом, объединила

пытливых людей по интересам. Позднее многие из них стали видными учеными.

С 1943 года Бадер, по ходатайству директора Нижнетагильского музея, принят на работу, он становится научным сотрудником музея. План музейной экспозиции археологии был разработан им. В 1946–1955 гг. – доцент Молотовского (Пермского) госуниверситета, в 1955–1979 гг. – старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, организатор Камской археологической экспедиции ПГУ (1947).

Отто Николаевич Бадер – автор более 400 научных работ, значительная часть которых посвящена древней истории Урала. В Пермской области им изучены памятники широкого хронологического диапазона – от палеолита до эпохи средневековья. (В биографической справке использованы данные Энциклопедии немцев России, М., 2001, т. 1).

БАРТОЛОМЕЙ А.А.

Бартоломей Адольф Александрович – доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации; награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, 15-ю медалями, знаками «Шахтерская слава» трех степеней; член-корреспондент Российской Академии наук (1991).

Родился 4 июня 1934 года в городе Марксе Саратовской области. Трудовую деятельность начал в 1951 году электрослесарем на шахте Углеуральска Пермской области. В 1960 г. с отличием окончил строительный факультет Пермского политехнического института. Вся дальнейшая трудовая деятельность А.А. Бартоломея связана с работой в этом вузе. Он создал и возглавлял кафедру оснований, фундаментов и мостов и известную в стране и за рубежом научную школу по механике грунтов и фундаментостроению. С 1982 года по 1999 год был ректором этого вуза. Под его руководством университет стал одним из ведущих вузов России. За 40 лет работы в институте-университете он принял участие в подготовке более восьми тысяч инженеров-строителей различных специальностей, подготовил 15 докторов и 43 кандидата наук. Им опубликовано свыше 400 работ, в том числе 43 монографии, учебники и учебные пособия.

Адольф Александрович являлся членом Президиума Национального комитета Международного общества по механике грунтов и фундаментостроению. Был депутатом Пермского городского Совета народных депутатов, членом городского комитета народного контроля, членом Президиума Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

А.А. Бартоломей уделял большое внимание строительству и развитию микрорайона «Комплекс ППИ-ПГТУ», в котором были построены учебные корпуса, жилые дома, детский комбинат, лицей начальных классов и другие объекты социального значения. Имя замечательного ученого и ректора увековечено в названии улицы студенческого комплекса.

БРУНС В.А.

Владимир Алексеевич Брунс – доктор медицинских наук (1930–2012). Был удостоен Государственной премии РФ за разработку проблемы сочетанных повреждений (вместе с Е.А. Вагнером). Родился в городе Усолье Пермской области. Его отец А.С. Брунс, немец по национальности, был инженером-экономистом, много лет работал на руководящих должностях на химических предприятиях Пермской области (Березников, Губахи, Соликамска). Владимир Алексеевич Брунс в 1949 г. поступил в Молотовский медицинский институт, который закончил с отличием в 1955 г. В течение 20 лет работал врачом в органах здравоохранения Пермской области. В 1955–1960 гг. – заведующий хирургическим отделением и главный врач Красновишерской районной больницы; 1960–1965 гг. – заведующий хирургическим отделением и главный врач Кунгурской городской больницы; 1965–1972 гг. – заведующий лечебно-хирургическим отделением гортубдиспансера № 1 г. Перми; 1972–1975 гг. – заведующий торакальным отделением Областной клинической больницы.

С 1975 г. избран ассистентом клиники госпитальной хирургии Пермского мединститута (ныне ПГМА), где работал до 2012 г.; с 1967 года торакальный хирург высшей категории. С 1994 года профессор, доктор медицинских наук, избирался заведующим кафедры хирургии факультета усовершенствования врачей, деканом факультета вечернего отделения. В 1999 г. стал действительным членом Ассоциации хирургов имени Н.И. Пирогова; преподавал курс анестезиологии, реаниматологии, хирургии, онкологии на факультете усовершенствования врачей.

Владимир Алексеевич всегда старался быть на передовых позициях современной медицины. Он одним из первых, в условиях городской больницы, освоил резекции легких, внедрил некоторые современные диагностические исследования. Был активным членом Пермского научного общества хирургов, делегатом 26 Всесоюзного съезда хирургов, ряда Всесоюзных и Всероссийских конференций хирургов.

При всей огромной занятости никогда не забывал он о городе своего трудного детства. Много раз ездил в командировки в Березниковскую городскую больницу: консультировал, проводил показательные операции, организовал две межрайонные конференции хирургов.

В.А. Брунс вел семинар «Рак легкого» для врачей общей практики г. Перми, редактировал четыре институтских сборника. Опубликовал более 160 статей и три монографии (в содружестве с другими авторами), две монографии в содружестве с Е.А. Вагнером.

Приведем несколько отзывов о нем коллег с кафедры госпитальной хирургии, данных при жизни доктора:

Профессор д.м.н. Л.Ф. Палатова: «...Энергии Владимира Алексеевича можно позавидовать: операции, лекции, практические занятия, семинары ординаторов и интернов, общественная работа».

Профессор С.В. Смоленков: «...Он является крупным ученым и известным врачом-хирургом. Его работа охватывает несколько важных разделов – преподавание студентам, курсы усовершенствования, руководство интернатурой и ординатурой».

Профессор С.Г. Суханов: «...В.А. Брунс обладает редким даром: сочетание настойчивости, ответственности и большой деликатности во взаимоотношениях с людьми. С ним работать легко и интересно».

Студенты многих поколений называли Владимира Алексеевича в числе самых популярных профессоров академии, он был достойным примером для молодежи.

ВАГНЕР Е.А.

Вагнер Евгений Антонович (1918–1998) – крупный ученый, талантливый врач, академик РАМН, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации, почетный ректор Пермской государственной медицинской академии, директор Пермского НИИ клинической хирургии. Создал хирургическую школу в Прикамье. Был членом правления Всесоюзного общества хирургов и заместителем председателя Всероссийского общества хирургов, членом координационного совета международного движения «Врачи против насилия», председателем совета ректоров вузов Перми, президентом Пермской областной ассоциации хирургов, главным редактором «Пермского медицинского журнала». Почетный гражданин городов Березники, Пермь и Пермской области. Имя его занесено в книгу «Пятьсот влиятельных руководителей».

Он спас, продлил, поддержал тысячи жизней. Он четверть века возглавлял Пермскую медакадемию, которая теперь носит его имя. Подготовил 76 кандидатов и 28 докторов медицинских наук.

Но главное звание Евгения Антоновича – хирург милостью Божьей. Меж тем ни о хирургии, ни вообще о медицине, уже окончив школу, Вагнер не мечтал. Собирался поступать в судостроительный институт. Ведь он вырос в Одессе, городе на море. Однако судьбой распорядился случай: из-за болезни вступительные экзамены пришлось пропустить. А вскоре на глаза попало объявление о приеме в Одесский медицинский институт им. Пирогова.

Рассуждать сейчас о неслучайности случившегося, конечно, заманчиво. Но вот строки из книги Е. Вагнера «Раздумья о врачебном долге»: «Первые лекции по анатомии мне страх как не понравились. Сбежать собирался». Не сбежал. Попытка разобраться в себе, в отношении к выбранному делу постепенно сменилась увлеченностью. А затем и настоящей страстью во всем, что касалось медицины.

Собственно, не будь ее – можно было бы бесконечно сетовать на несправедливость жизни да искать в той несправедливости виноватых. Это ж только представить: аспирант, с первых дней войны ушедший

на фронт и довольно быстро ставший начальником хирургического отделения эвакогоспиталя, он в январе 1942-го оказался под надзором НКВД, в лагере. По приказу Сталина все российские немцы выслались из действующей армии – кто на Урал, а кто еще дальше...

Тогда в жизни Вагнера и начался «пермский период». Начался с общих работ в лагере города Боровска. И если верно, что добиваться больших результатов помогают большие цели, большие препятствия и большие примеры, то по части препятствий в данном случае был, пожалуй, даже перебор.

Профессор В. Черкасов вспоминает:

«Евгений Антонович... Это высочайшая готовность к контакту с людьми. С любыми: с коллегами, пациентами, студентами... И еще он был прекрасным организатором. До сих пор помню деталь, поразившую меня на практике в березниковской горбольнице. Ее возглавлял тогда Вагнер. Так вот, ухаживать за собачками в больничном виварии он назначил не абы какую тетку, подающую животным миски, а бывшего охотника, страстного собаковод. Маленькая деталь, но и в ней – отражение подхода к делу, его продуманной организации. Максимально же организаторский талант Евгения Антоновича проявился, должно быть, при выстраивании отношений с директорами крупных предприятий Березников. Именно с их помощью удалось создать в городе мощную, хорошо оснащенную больницу, ставшую для лечебных учреждений севера области и организационно-методическим центром, и базой подготовки кадров. Не случайно в 1960-м Березниковская городская больница получила статус 2-й областной.

И при всех этих административных заботах он продолжал вести палаты, активно оперировал, защитил кандидатскую, а позже, став проректором Пермского мединститута, докторскую диссертацию. Травматология и военно-полевая хирургия, неотложная хирургия груди и живота, хирургия сосудов и урология – в каждой из этих областей он по праву считался специалистом. Коллеги объясняли подобную масштабность широтой научных интересов. А пациенты, те просто верили: если оперирует Вагнер – все будет хорошо».

Типично немецкими качествами – аккуратностью, стремлением любое начинание довести до логического конца, поразительной работоспособностью – он обладал в полной мере.

В Большой медицинской энциклопедии академику Вагнеру посвящена целая статья. И там же, в БМЭ, напечатана его статья, посвященная деонтологии – науке об отношениях врача и больного. Символично. Ведь из десятков статей и книг, написанных им в разные годы, Евгений Антонович особо выделял книжку «О самовоспитании врача». Своеобразный этический кодекс, выдержавший немало изданий.

И если первую свою книгу, ставшую основой кандидатской диссертации, он назвал «Хирургическая тактика при ранениях грудной клетки» (писал ее, между прочим, лежа в стационаре с болезнью Боткина), то эта вполне заслуживает подзаголовка «Медицинская стратегия». Интересы больного в любой ситуации должны быть на первом месте – вот смысл стратегии «по Вагнеру».

Как важно не пройти в жизни мимо своего дела... Как нужно, чтобы дело это приносило не только материальные дивиденды. Как необходимо, взяв одну высоту, не задерживаться на ней, а поднимать собственную планку все выше.

За год до третьего, последнего, инсульта Вагнер был удостоен Государственной премии РФ за разработку проблемы сочетанных повреждений.

ВАГНЕР Н.Н.

Писатель Николай Николаевич Вагнер (1920–1997) родился в г. Перми. Учился в МИФЛИ им. Н.Г. Чернышевского в Москве, в Пермском педагогическом институте, который окончил в 1942 году.

Работал на моторостроительном заводе, в областном радиокомитете, в газете, на телевидении, в книжном издательстве. Член Союза писателей России с 1973 года. Основные издания:

«Не той дорогой», 1955 г.;

«Счастье рядом», 1966 г.;

«Металл и люди», 1979 г.;

«Благодеяние», 1995 г.

За свою многообразную деятельность награжден семью медалями. Заслуженный работник культуры, дважды лауреат премии им. А. Гайдара.

ГЕЙДЕНРЕЙХ Е.Н.

*Е. Гейденрейх
худ. З. Серебрякова, 1923 г.*

На здании Пермского хореографического училища (ул. Коммунистическая, 18а) висит мемориальная доска с портретом знаменитой балерины. Текст гласит: «Екатерина Никодимовна Гейденрейх (1897–1982) – основатель и первый художественный руководитель Пермского хореографического училища».

История о том, как жили в годы эвакуации на Урале артисты знаменитых ленинградских театров, известна во многих подробностях, документах и судьбах. В те же годы в Прикамье работала известная советская балерина и педагог Екатерина Николаевна (по паспорту у нее отчество Никодимовна, но оно ей не нравилось) Гейденрейх. Этой женщине суждено было сыграть заметную, поистине историческую роль в создании пермской школы балета. Но мало кто знает, что на уральской земле она, в отличие от своих коллег-эвакуированных оказалась совсем по другому поводу, хотя и также не по своей воле...

Во время блокады Екатерина Николаевна осталась в родном городе, делила все тяготы вместе с жителями осажденного Ленинграда. Но в апреле 1942 года на нее поступило заявление от «бдительного товарища» (стукачей было немало и в театральной среде). Специальным политическим отделом УНКВД Ленинградского военного округа было заведено дело по обвинению Гейденрейх Е.Н. в антисоветских взглядах, которые она высказывала в общежитии хореографического училища, в контрреволюционных высказываниях и т.п.

Затем в деле № 2690-42 появился интересный документ – «Характеристика». В документе непосредственный руководитель Екатерины Николаевны в целом положительно оценивал ее профессиональные качества: «в качестве преподавательницы классического танца, являясь работником по совместительству в Малом Оперном театре (МАЛЕГОТ), считалась одной из лучших». Но дальше шли такие слова:

«...В общественной работе не участвовала и с этой стороны никак себя не проявила. В частных разговорах проявляла болтливость и с боль-

шим апломбом высказывала своё мнение по любым вопросам, даже таким, в которых была совершенно несведуща. В политических вопросах разбиралась слабо. И. о. директора училища Л. Тагер. 3.04.1942 г.».

Все это, конечно, также было подшито к делу и использовано против обвиняемой. 25 апреля 1942 года военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа на закрытом судебном заседании, в расположении той же внутренней тюрьмы, рассмотрел дело Гейденрейх.

Военному трибуналу потребовалось всего 2 часа 30 минут, чтобы «разобраться» в деле обвиняемой и вынести ей суровый приговор, в котором отмечалось, что «Гейденрейх Е.Н. в феврале и марте 1942 года по месту жительства, среди своих знакомых, проводила клевету на советскую действительность, советское правительство и советскую печать». На основании изложенного военный трибунал признал «Гейденрейх Е.Н. виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 58, п. 10, ч. 2, но не усматривая необходимости применения высшей меры наказания, по конкретным обстоятельствам дела, и руководствуясь ст. 319–320 УПК РСФСР, приговорил: Гейденрейх Екатерину Никодимовну подвергнуть уголовному наказанию – лишению свободы сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ с отбыванием в ИТЛ, с конфискацией личного имущества и с поражением в правах, предусмотренных ст. 31 пунктами «а» и «б» УК РСФСР сроком на ПЯТЬ ЛЕТ.

Меру наказания Гейденрейх исчислять со 2 апреля 1942 года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Как пишет пермский исследователь Юрий Стецура в книге «Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх» (П., 1997), суд не учёл то, что обвиняемая себя виновной не признала, что в деле не было никаких доказательств её участия в «контрреволюционной деятельности», а были лишь слова уставшей одинокой женщины, сказанные с горечью в кругу коллег. Дела и поступки Екатерины Николаевны доказывали обратное. Она честно трудилась в блокадном Ленинграде, в трудных условиях продолжала передавать свой профессиональный опыт ученикам.

Суд не захотел услышать чистосердечное признание подсудимой, которая заявила, что была под впечатлением от страшной зимы в блокадном Ленинграде. Находясь в депрессии, прочитав интервью с руководителем города, который обещал улучшить положение, призывал блокадников потерпеть, давал привычные заверения, что всё скоро изменится... Екатерина Николаевна ему не поверила. Она считала, что в

Ленинграде «не такое уж блестящее положение, что трудностей будет ещё много». Она повторила это и в суде. Обращаясь к трибуналу, Гейденрейх рассказала, как в очередях жители города отзывались о вручении Сталинских премий артистам. И не отказывалась от своего мнения, что лучше бы эти деньги пошли на оборону страны.

Отвергая обвинение в том, что она пыталась сеять недоверие к советской печати, Екатерина Николаевна заявила:

«...О сообщениях нашей печати об издевательствах немцев я говорила в присутствии женщины, которая сильно беспокоилась за своего мужа, находящегося в оккупированной немцами зоне. Я говорила, что волноваться не надо, что зверства немцев описывают несколько преувеличенно».

Никакие доводы не были приняты во внимание... Приговором была предусмотрена конфискация личного имущества арестованной. В квартире Гейденрейх на улице Жуковского было много антикварных вещей. В акт, составленный 29 июля 1942 года, было включено более 80-ти крупных предметов и 550 мелких вещей. Рояль и мебель из красного дерева, старинные каминные часы и зеркало в красивой раме, фарфоровые вазы с позолоченной отделкой, старинный сервиз на пятьдесят персон, серебряные столовые приборы... Весь антиквариат был оценен в восемь тысяч восемьдесят три рубля. Эта сумма была перечислена в общесоюзный бюджет. Была конфискована и замечательная коллекция из восемнадцати картин, подаренных балерине художниками З.Е. Серебряковой, Е.Е. Лансере, Н.П. Богдановым-Бельским. Картины ушли в комиссионный магазин, где были проданы практически за бесценок. Пропал на долгое время и самый известный портрет «Гейденрейх в голубом» Зинаиды Серебряковой. (Позднее эта работа была передана частным коллекционером в Курскую картинную галерею).

Целый месяц добиралась Екатерина Николаевна до места отбывания срока. И только 26 июня 1942 года прибыла в Усольский исправительно-трудовой лагерь города Соликамска Молотовской (ныне Пермской) области.

В лагере Екатерина Николаевна пробыла пять месяцев. 20 декабря 1942 года на основании определения судебной коллегии Пермского областного суда в соответствии с Постановлением Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 года Гейденрейх была освобождена из Усольлага. Её

«вытащили» из лагеря, ссылаясь на решение пленума Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 года «О порядке рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осуждённых, заболевших душевной болезнью или тяжёлым неизлечимым недугом». Кто-то помог подвести Екатерину Николаевну к статье «душевнобольная» или «больная неизлечимым недугом» и вызволил таким образом её из Усольлага. Реабилитация состоялась значительно позже.

Предположений о том, кто помог Гейденрейх, было много, но документально ни одну из версий не удалось подтвердить никому, в том числе и автору книги о судьбе балерины. Юрий Стецура пишет о том, что об освобождении Екатерины Николаевны хлопотала Агриппина Яковлевна Ваганова, но никаких ходатайств от театральной общественности в органы власти не поступало. Около семи месяцев Екатерина Николаевна жила в Соликамске, после чего ссылную удалось перевести в Молотов, где находилось в эвакуации Ленинградское хореографическое училище. Рассказывают, что к просьбам эвакуированных деятелей культуры, прежде всего А.Я. Вагановой, милостиво прислушалось тогдашнее партийное руководство и лично секретарь обкомов Гусаров. Как бы то ни было, спустя много месяцев нужды и лишений, ссылка вновь оказалась в родной среде. 5 июля 1943 года по Ленинградскому училищу был издан приказ: «...Считать Е.Н. Гейденрейх вернувшейся на работу с 23 июня 1943 г. С сего числа поставить на довольствие». (Архив Санкт-Петербургской академии русского балета им. А.Я. Вагановой. Публикация Ю.А. Стецуры).

С 23 июня 1944 года при Молотовском театре оперы и балета была создана хореографическая студия (с 1 сентября 1945 реорганизована в училище). Художественным руководителем студии была утверждена Е.Н. Гейденрейх (приказ от 1 сентября 1944 г.).

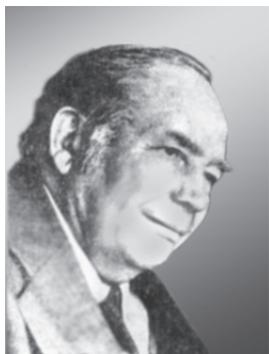
В декабре 1956 года Е.Н. Гейденрейх добилась своей полной реабилитации и почти сразу уехала в родной Ленинград, который не видела 13 долгих лет...

Помня о том, что пришлось пережить в те уральские годы Екатерине Николаевне, мы с пониманием воспринимаем горькие признания из ее письма приемной дочери, написанные сразу после возвращения в Ленинград: «...Восхищаюсь всеми улицами, домами. С ужасом думаю о жизни в Молотове. И кроме работы, которая стала меня так мало интересовать, жизнь от меня медленно отлетела, и я исподволь готовилась

к глубокой старости. Здесь я, глядя на друзей, а главное – на родной город, снова оживаю. Я, смеясь, называю это четвертой молодостью».

Школа хореографии, основанная с ее помощью и под ее руководством на пермской земле, станет знаменитой на весь мир. В 1997 году, в честь 100-летия Е.Н. Гейденрейх в Пермском театре оперы и балета состоялся роскошный концерт с участием выпускниц ПХУ, нынешних звезд мирового балета, а также бывших учениц Екатерины Николаевны, которые сами стали затем педагогами и продолжателями дела, которому она посвятила всю свою жизнь. Тогда же по инициативе общества «Арабеск» была открыта и мемориальная доска, на которой запечатлен в камне изящный образ балерины в юности. Пермь с благодарностью помнит о Гейденрейх.

ГЕРГЕРТ В.Э.

Вильям Эммануилович Гергерт (1911–1999) родился в селе Фриденфельд Саратовской области. Получил высшее образование в Московском университете, участвовал в Великой Отечественной войне. Крупный гидростроитель, работал на спецпоселении на строительстве Широковской ГЭС, был начальником управления основных сооружений Воткинской ГЭС. Последние годы жил в г. Чайковском.

Вильям Эммануилович написал книгу «Мечта и грешная земля» (Пермь, 1994), в которой поведал о своей жизни, о судьбах своих близких,

о людях, которые долгие годы назывались трудармейцами.

Из воспоминаний В.Э. Гергерта «Как строили Широковскую ГЭС».

«...Из Татарии я попал на Урал, в Кизеллаг. Здесь ничто не напоминало трудармию, мы оказались в концентрационном лагере строгого режима. Начальник лагеря Афанасьев (настоящая его фамилия Финкельштейн) придумал оскорбительную кличку «мобнемцы» и вкладывал в нее всю свою ненависть и презрение. [...]

В марте мы переселились в бараки. Одновременно с бараками строились складские помещения, закладывалась материальная база строительства Широковской ГЭС.

В Половинке было много заключенных. Оказалось, что мы и заключенные входили в одну организацию, называемую ГУЛАГом. Узнать это было неприятно, но остроту такого открытия мы пережили, ибо уже были знакомы и с колючей проволокой, и с вышками охранников. У нас не оставалось сомнений, что мы приравнены к заключенным. Разницы между нами и ими практически не было. Уголовники имели даже преимущество перед нами: каждый из них совершил преступление и был осужден судом на определенный срок, после отбытия которого мог ехать, куда хотел, вернуться в родные места. А мы не совершали преступления, не подвергались суду, не знали, какой срок предстоит нам находиться в бесправном положении, но зато точно знали, что, когда нас освободят, мы не сможем вернуться в родные края: большинство из нас были из Республики

немцев Поволжья, а она не существовала. Мы все стали бездомными и безродными. [...]

Когда мои братья и сестра рассказывали, как тяжело было устроиться семье в Казахстане, у меня волосы на голове становились дыбом.

Моя жена, русская, носила мою фамилию, и ее считали немкой. В совхозе, где она работала, ее оклеветали, обвинив во вредительстве, и судили, правда, не по 58-й статье, а по статье 109, так что она оказалась в тюрьме. Сын остался с моими старыми больными родителями и восемнадцатилетней сестрой, которая не имела ни специальности, ни жизненного опыта, тем не менее, ей пришлось содержать всю семью.

** * **

...Кончается март. Мы пережили свою первую зиму на Урале. Завершаем строительство барачков и прирельсовых складов. Почти все мобилизованные переселились из палаток в бараки. Нам предстояло строительство лежневой автодороги на створ будущей гидроэлектростанции.

[...] Я попал на самый дальний участок в густой чаще леса. Таких красивых деревьев я раньше не видел. Могучие сосны гордо возносили свои кроны высоко в небо. У мощных елей зеленые ветви начинались у самой земли и распределялись пирамидально вверх по стволу, заканчиваясь острием. Меня, человека степей, завораживала открывшаяся картина. Так вот она какая, тайга... Долго любоваться не пришлось, надо было приниматься за работу – в глубоком снегу расчистить дорогу шириной в пятьдесят метров. Снег был тяжелый, и дело подвигалось медленно. На нашем участке работало около двухсот человек, но, чтобы очистить его от снега, нам понадобилось более трех дней.

После расчистки трассы приступили к формированию бригад. Образовали бригады вальщиков деревьев, бригады очистки деревьев от веток и сучьев, бригады, готовившие основной материал для возведения лежневой дороги, бригады раскорчевщиков, плотников – строителей дороги, трелевщиков. Не было не только трелевочных тракторов, но и лошадей. Люди тащили бревна вручную, с помощью веревок, перекинутых через плечо, наподобие того, как бурлаки на Волге в прошлом столетии тянули лямками баржи...»

ГИЛЛЕР О.К.

Отто Карлович Гиллер, Герой труда РСФСР (1927), видный теоретик и практик целлюлозно-бумажного производства. В конце двадцатых годов Отто Карлович разработал и осуществил способ приготовления варочной кислоты – известково-молочный способ приготовления сернистой кислоты (Башня Гиллера). В 1931 году ему были присвоены звание профессора целлюлозы и научная степень доктора технических наук.

Грамота Героя труда, врученная Отто Карловичу, была подписана Председателем ВЦИК М.И. Калининым. Произошло это 21 декабря 1932 года, то есть, тов. Гиллера отметили этим высоким званием в числе последних ударников (вскоре появится другое звание – Героя социалистического труда). В грамоте говорится, что «исключительно полезная деятельность» О.К. Гиллера в социалистическом строительстве проявилась в том, что он, будучи заведующим целлюлозным производством Сухонских фабрик, активно содействовал рационализации производства, внес «ряд ценных усовершенствований, способствующих производительности и оздоровлению условий труда». Учитывался также 44-летний производственный стаж инженера.

Авторитет О.К. Гиллера был столь высок, что его не тронули и во время политических репрессий 1930-х. Тогда, в годы большого террора, погибли многие ценные специалисты, светлые головы. В их числе был и Павел Павлович Мельцер, главный инженер Бумстроя, под руководством которого с 1933 года шел процесс становления мощного предприятия. Мельцера называли «механическим богом», за то, что он умело находил дефекты в оборудовании и быстро их устранял. (Арестовали П.П. Мельцера в 1937 году, в числе других 14 специалистов Камского целлюлозно-бумажного комбината, а в 1941 году он был расстрелян).

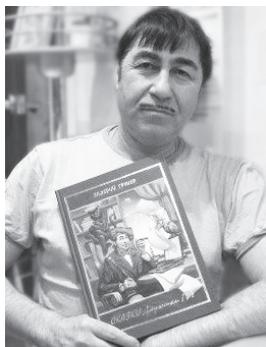
В годы войны Гиллер был эвакуирован из Москвы в Краснокамск на Камский целлюлозно-бумажный комбинат. В 1942 году под его руководством в отжимном цехе была освоена выработка особого сорта

Памятник Гиллеру О.К.

целлюлозы, заменяющей гигроскопическую вату. По качеству и свойствам она не уступала вате, а стоила в десятки раз дешевле. Гиллер по праву считался ведущим специалистом страны в области целлюлозно-бумажного производства. 22 декабря 1942 года Отто Карловича не стало. Он был с почетом похоронен на площади перед управлением комбината.

ГРУНЕР В.И.

Грунер Валерий Иванович – известный пермский композитор, член Правления Пермского отделения Союза композиторов России, лауреат двух Всесоюзных конкурсов. Он дважды лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

В 2007 году В.И. Грунер организовал международный фестиваль современной музыки «Грунер-фестиваль» (Пермь–Берлин) с участием всемирно известного немецкого композитора Йоахима Грунера и «золотой тубы» мира Клауса Бургера. «Грунер-фестиваль» получил широкий международный резонанс.

В. Грунер – автор книги «Сказки дядюшки Гру», вышедшей в 2012 году. Издание отличается ярким, образным строем речи, поднимает современные общественные и философские проблемы. «Сказки дядюшки Гру» – своеобразный синтез литературы, графики, музыки и театра.

ДОРОШ Т.А.

Татьяна Александровна Дорош (урожденная Кюнцель) родилась в городе Молотове (Перми) в семье врачей 25 июля 1940 года. Окончила машиностроительный факультет Пермского политехнического института по специальности «Инженер-механик по летательным аппаратам» (1963 год). Год работала в городе Комсомольске-на-Амуре инженером-конструктором. В 1964 году устроилась на работу в Пермское конструкторско-технологическое бюро химического машиностроения (ПКТ-Бхиммаш), прошла путь от инженера-конструктора до ведущего конструктора отдела оборудования термической обработки и защитных покрытий. В период работы окончила вечерний Университет марксизма-ленинизма, курсы повышения квалификации в Перми по проектированию газового оборудования для промышленных предприятий и в Бакинском филиале института повышения квалификации Минхиммаша.

Награждена медалью «Ветеран труда», знаком «Победитель социалистического соревнования 1975 года» по Министерству химического машиностроения. Выбиралась депутатом городского Совета депутатов трудящихся 12 созыва, членом СТК (Совета трудового коллектива), имеет 29 записей в трудовой книжке о поощрениях, благодарностях, почетных грамотах.

С 1994 года, после выхода на пенсию, для Татьяны Александровны началась пора активной общественной работы. Предки ее были лютеранами. В 1991 году в Перми была вновь зарегистрирована Евангелическо-лютеранская община, преемница общины XIX века. В 1992 году богослужения в общине проходили в пасторате, который, благодаря работе немецкого общества и общины с администрацией города, вернули общине. Здесь же располагалось немецкое общество. Активно помогала Дорош Т.А. в деле возврата здания кирхи верующим. После возврата кирхи общине предстояла большая работа по оформлению церковного надела, здания кирхи, документов по теплотрассе и водопроводным сетям, квартире пастора. Этим занималась Дорош Т.А.

В 1994 году писатель, журналист Б.А. Чернев, написавший эссе о докторе Ф.Х. Грале, выдвинул идею о благотворительном Фонде име-

ни доктора Ф. Граля, идею поддержало немецкое общество «Видергебурт». Но немного нашлось постоянных волонтеров фонда. А.В. Файнштейн стал президентом Фонда, Редекон И.Э. и Кислинг В.А. – членами правления, а Булычев А.Г. – председателем правления. В ревизионную комиссию вошли Шерстневская Т.С., Майер П.А., Грязнова О.А. Татьяна Александровна Дорош – ответственный секретарь, кассир, бухгалтер фонда, как говорится, одна в трех лицах.

Самым большим делом Фонда стало сооружение памятника народному доктору Ф. Гралю, основателю муниципального здравоохранения Пермского края. Проект вела Дорош Т.А. История создания памятника долгая. Семь лет собирали средства на памятник по подписным листам. Проект стал народным: участие в нем приняли администрации Пермского края и города Перми, более четырех тысяч жителей, коллективы 11 больниц, более 40 организаций. И памятник «святому доктору» (авторы – скульптор А. Залазаев, архитектор В. Воженников) был открыт, произошло это событие 11 июня 2005 года.

В 2006–2012 гг. Фонд выполнил 7 грантов администрации Перми по Егошихинскому кладбищу – Парку памяти. Это и восстановление 240 памятников XIX–XX вв. на территории старого кладбища, и участие в акции «Общая память» с привлечением волонтеров, и открытие восстановленных памятников, в том числе памятника участникам Первой мировой и гражданской войн. В 2012 году отметили 200-летие Бородинского сражения у памятника майору Теплому, провели благоустройство дорог кладбища. При участии Фонда имени Ф. Граля изданы книги: «Чехов и Пермь. Легенда о трех сестрах» и «Гроза двенадцатого года» (автор В. Гладышев), открыты мемориальные доски Чехову А.П. и сестрам Циммерман. Работу по грантам вела Т.А. Дорош. Состоялись первые в Перми девять органных (электроорган) концертов (благотворительных), пяти известным деятелям Прикамья вручена медаль доктора Фёдора Граля.

Фонд имени Граля (Булычев А.Г.) дважды организовал «Гралевские чтения» в учреждении дополнительного медицинского образования. Много встреч с детьми, выставок детских рисунков, фотографий провела Шерстневская Т.С., участник Фонда. Все это время партнерами Фонда были Евангелическо-лютеранская община и Общество немцев «Видергебурт».

КЕНИГ Г. Р.

Гельмут Рихардович (29.03.1930–29.12.2012) родился в семье талантливого педагога. Любовь и уважение к людям, заложенные родителями, сыграли решающую роль в его жизни. Трудовую деятельность начал в 1946 году электриком в Гремячинском шахтоуправлении. В 1950 году он поступает в Пермский сельскохозяйственный институт на землеустроительный факультет, который окончил в 1955 году. После института, проработав некоторое время инженером-землеустроителем в Бухтарминской землеустроительной экспедиции по освоению целинных земель (Казахстан), он возвратился в родной вуз.

Сельскохозяйственный вуз в жизни Гельмута Рихардовича занимал особое место. Более 60 лет он провел в его стенах в качестве студента, преподавателя, профессора. Здесь Гельмут Рихардович сформировался как инженер, педагог, ученый. От ассистента – до профессора. 1968 год – защита диссертации и присуждение ученой степени кандидата технических наук; 1988 год – профессор, член-корреспондент Международной Академии аграрного образования.

В 1971 он становится заместителем декана экономического факультета. В 1988 году – деканом агрономического факультета.

В 1991 году в Пермском сельскохозяйственном институте восстановлен землеустроительный факультет. Декан вновь открытого факультета, заведующий кафедрой геодезии и мелиорации, Гельмут Рихардович Кениг, собрав команду единомышленников, возрождает землеустроительную школу в Прикамье. В должности декана землеустроительного факультета Кениг Г.Р. работает до 2001 года, затем передает возрожденный окрепший факультет в молодые надежные руки. Многие годы он являлся членом Ученого совета факультета и академии, возглавлял Методическую комиссию землеустроительного факультета. 2011 год был отмечен датой – 55 лет научно-педагогической деятельности в стенах родного вуза. Преданность делу – одно из важнейших его качеств.

Более 20 лет он являлся активным лектором Всесоюзного общества «Знание». Его лекции о проблемах в сельском хозяйстве слушали

в самых удаленных хозяйствах Пермской области. Кенигом Г.Р. опубликовано более 50 научных и научно-методических трудов. Он автор книги «Орошение в Предуралье» (1972), соавтор книг «Мелиорация в Прикамье» (1973, 1980), «Основы земледелия» (1975, 1988). Учебники изданы в московском издательстве «Колос».

За большой вклад в науку и развитие высшего образования Г.Р. Кениг отмечен многочисленными грамотами. В 1998 году ему присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

До последнего дня он оставался педагогом и в 82 года читал лекции, вел практические занятия со студентами, занимался воспитательной работой. Его любили студенты, уважали и ценили коллеги. К нему шли за профессиональным советом, дружеской поддержкой, а иногда просто сыграть шахматную партию.

Гельмут Рихардович был неординарным человеком. В нем сочетались выдержанность, терпимость, такт, чувство юмора. Эти качества характера помогали ему всегда быть среди людей, в гуще событий. Имя профессора Кенига Г.Р. занесено в книгу «Ветераны Пермского сельскохозяйственного института».

В 2008 году вышло в свет учебное пособие «Инженерное обустройство территории: мелиорация земель и водоснабжение», часть 1; над второй частью он работал, но не успел завершить. Данное учебное пособие рекомендовано УМО по образованию в области землеустройства и кадастров в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений.

КИСЛИНГ В.А.

Кислинг Виктор Александрович (урожд. Герцен Виктор Петрович). 16 ноября 1945 г., Урал, г. Гремячинск Пермской области, СССР. Родителей потерял в детстве в силу имевших место репрессий по национальному признаку. Был усыновлен другой немецкой семьей. Инженер-электрик. Канд. экон. наук. Специалист по системным исследованиям, эксперт-аналитик. Образование: высшее, Пермский политехнический институт, электротехнический факультет (1969), диплом с отличием; Университет педагогических знаний (1973); Новосибирский университет, спецфакультет по управлению (1983); Технический университет (Пермь, Россия) совместно с RW TÜV Essen (Deutschland) (1996), диплом-сертификат специалиста-эксперта по системам качества на производстве в соответствии с международной системой качества (Qualityätsmanager gemäß ISO). Диссертация на тему «Моделирование и оптимизация планов производства и развития предприятий (на примере машиностроения)» защищена в 1986 г. (Академгородок, Новосибирск). Ученое звание – ст. научн. сотрудник (Москва, ВАК, 1988 г.). Действительный член Международной Академии науки и практики организации производства (Москва, 1995 г.) и общественной Академии российских немцев (Москва, 1995 г.). Предметная область специализации: системные исследования в сферах автоматизации и оптимизации управления, принятия управленческих решений; создание, аудит и развитие автоматизированных систем на производстве и производственных систем качества; промышленная политика будущего и стандартизация в управлении. Профессиональная деятельность в стране происхождения: пром. предприятия – от ученика электрика до слесаря-электрика высшего разряда; в НИИ управляющих машин и систем – от старшего научного сотрудника, заведующего научной лабораторией до руководителя отдела системных исследований, от ученого секретаря института до ведущего научного сотрудника, заместителя генерального директора по науке и технологии управления; в вузах – от ассистента, ст. преподавателя, до доцента, зав. филиалом кафедры «Экономической кибернетики». Профессиональную деятельность всегда совмещал с преподаванием в вузах и активной

общественной работой по распространению научно-технических знаний в рамках общества «Знание», Всесоюзного экономического общества (ВЭО), Всесоюзного общества по информатике и вычислительной технике (ВОИВТ). Был инициатором, руководителем и ответственным исполнителем работ по созданию в г. Перми на общественных началах первого спецфакультета по подготовке специалистов высшей квалификации в области управления (1985–1986), Пермского отделения ВОИВТ, вице-президентом Уральского отделения ВОИВТ, руководителем общественного Центра аналитических исследований (ЦАИ) при Ассоциации промышленников Пермской области НП «Сотрудничество» (1996–2002). Автор более 500 научных разработок и публикаций, среди них: статьи, учебные пособия и методические материалы; концепции экономической политики и программы действий; миссии и видения будущего; стандарты и законопроекты по промышленной и инновационной политике, защите интеллектуальной собственности. К числу разработок последних лет относятся: Закон «О промышленной политике» (был принят 28.05.1998 г.) и «Концепция развития промышленности Пермской области» (одобрено Законодательным собранием Пермской области 22 июля 1999 года), опубликованные в рамках научного издания серии «Промышленность Прикамья в XXI веке. Был председателем Пермского общества российских немцев и одним из инициаторов Пермского благотворительного фонда имени доктора Фёдора Граля, много сделал для возвращения кирхи Евангелическо-лютеранской общине города Перми. Являлся отв. исполнителем и автором концепции «О полной реабилитации российских немцев» и технологической схемы ее реализации, представленной и утвержденной на I-м Всероссийском съезде трудармейцев, жертв политических репрессий (Москва, 1995, 9–10 октября); автор баллады-летописи «Потерянное время не вернуть», посвященной 70-летию со дня насильственной депортации российских немцев (2011, 28 августа).

Переехал в Германию в 2002 г. Профессиональная деятельность в Германии: работа в благотворительных организациях – «Caritas», «AWO», в архиве библиотеки Рурской области, в интеграционном Центре (Бохум). Был одним из инициаторов проведения статистических исследований по рациональному использованию потенциала переселенцев, созданию общественного центра инженеров-изобретателей и Центра творческого развития детей в г. Бохум. С первых дней приезда в Германию проводит на общественных началах консультации в обществе немцев из России, информационные вечера и вечера поэзии для переселенцев.

ЛАУТ И.И.

Лаут Иван Иванович – согласно семейной родословной – Иван УП в роду Лаутов. Предки приехали из Германии в 1766 году в Россию по Указу Ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской Екатерины II, получив в «вечное и потомственное владение» земли Саратовского наместничества с мельницей на левом берегу и пристанью на правом берегу речки Ахмат, притока Волги. Так как указанная мельница нуждалась в перестройке, а уголья пусты и обветшалы, то семье была выдана безвозмездно ссуда при условии, что в течение 5 лет все указанные работы будут выполнены. И только такие национальные черты характера, как уважение к закону, трудолюбие, честность и преданность стране, в которой живешь, позволили семье Лаутов, как и многим другим эмигрантам из Германии, выполнить обязательства и крепко обосноваться на российской земле. Все предки с этого времени являются гражданами России.

Именно поэтому Иван Лаут, окончив 9 классов, в июле 1941 г. по призыву ЦК ВЛКСМ добровольцем был отправлен на строительство оборонительных рубежей под Смоленском и Вязьмой. Возвращался вместе с отступающими частями Красной Армии.

Из воспоминаний дочери, Татьяны Ивановны Кандаковой (Лаут):

«...Августовским солнечным днем у раскрытого окна сидела молодая женщина, она была занята любимым делом – вышивкой. Ловкие пальцы привычно делали цветные стежки, а мысли были далеко: там, где ее младший 16-летний сын Иван должен был преградить путь разрушительной силе германского фашизма. Это была моя бабушка Ольга Александровна Лаут. Будучи домохозяйкой, она жила только заботами о семье и не понимала, что такое фашизм, чем он страшен... Вдруг под окном раздался шорох. Взглянув, бабушка обомлела – это был ее Иван, грязный, изможденный, напуганный и повзрослевший. От него она узнала о жестоких бомбежках, разрушениях, страшных картинах крушения поездов и гибели людей. Папа большие никогда не рассказывал о том, что по ночам ему снились кровь, человеческие страдания и ужасные душераздирающие крики...»

Осенью родителям удалось отправить Ивана вместе с московской родственницей Марковой Ирмой Ивановной, дедушкиной сестрой, и ее сыновьями в эвакуацию в Казахстан, в Талды-Курганскую область, село Кзыл-Агач Канапольского р-на. Город Михайлов Рязанской области, где остались старшие Лауты, был оккупирован фашистами, а после победы в битве под Москвой дедушка Лаут Иван Иванович тоже был выслан в Казахстан, а бабушку осудили на 10 лет как врага народа. Выселяли немцев на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», но в результате были переселены немцы из всех районов европейской части страны. Это было сделано, как гласило Постановление ГКО от 10 января 1942 г., «в целях рационального использования немцев-переселенцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет», которые передавались НКВД СССР для работ на лесозаготовках, строительстве заводов и железных дорог.

Гордый независимый характер не позволил младшему Лауту И.И. быть нахлебником в семье родственников. Юноша закончил курсы трактористов, работал и активно участвовал в весенней посевной. Несмотря на это, 5 мая 1942 года согласно Постановлению № ГКО-1123 с от 10.01.1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» сын и отец Лауты были мобилизованы на строительные работы.

Вспоминает дочь Татьяна Ивановна Кандакова (Лаут):

«Папа был в трудармии Челябинской области, а дед – в г. Буинске Татарской АССР на строительстве железной дороги. И это несмотря на то, что дедушку совсем недавно, в апреле 1942 г., демобилизовали из-за многолетней болезни туберкулезом из стройбата г. Глазова Удмуртской АССР. Таким образом семья была разрушена...»

Что же такое трудармия? Как жили трудармейцы? Согласно упомянутому Постановлению были установлены «нормы продовольствия и промтоварного снабжения НКВД СССР для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу». «Помню, когда на обед дома готовили бульон, папа говорил, что воды он и в войну напился», – вспоминает Т.И. Лаут. Это говорит о том, каким «сытным» было питание. Еще отец страдал сильными головными болями из-за серьезной травмы черепа. Он не любил вспоминать трудные времена, пережитые несправедливости и обиды. Но вот о том, как в зимнее время ночью волосы

ледяной коркой примерзали к стене барака, и наутро приходилось отливать их теплой водой, он как-то раз мне рассказал. А у папы были мягкие волнистые волосы с крупной волной надо лбом. Также из скупых его воспоминаний и рассказов других людей, переживших подобную судьбу, знаю, что трудармейцы жили в бараках, кишевших клопами и другими насекомыми. Все это способствовало тому, что у папы были серьезные проблемы со здоровьем.

Так выполнялось Постановление ГКО о «рациональном использовании немцев-переселенцев».

В 1946 г. принудительные работы для российских немцев были отменены, но поселения без права перемещения по стране остались. После демобилизации из трудармии в августе Иван Лаут был зачислен в Челябинский электромеханический техникум, успешно сдав вступительные экзамены. И это несмотря на то, что с 1941 года у него не было возможности учиться и готовиться к поступлению. «Но ввиду тяжелых материальных и бытовых условий (не было общежития) был вынужден в начале октября учебу прекратить и переехать в г. Молотов на постоянное место жительства», – писал он в автобиографии. Из Челябинска ему разрешили переехать в г. Молотов, потому что здесь жил его больной отец. И опять, как и в Казахстане, Иван Лаут не боялся никакой работы. Трудился кочегаром локомотива 1-го строительного участка Строительства № 31/38 МПС до сентября 1947 года. Огромное уважение вызывает и то, что, не имея возможности учиться в течение последних шести лет, недоедая, выполняя тяжелую физическую работу, он вновь успешно сдал вступительные экзамены в Пермский железнодорожный техникум.

Вспоминает дочь Татьяна Ивановна Кондакова (Лаут):

«Когда в архиве техникума я читала папино заявление с просьбой о зачислении, то с трепетом ощущала, какое волнение и тревогу испытывал 23-летний абитуриент. Заявление звучит как клятва в верноподданничестве и чистоте помыслов. Да, были забыты кое-какие правила по русскому языку и математические формулы, но об общей культуре говорит сданный на «хорошо» устный экзамен по литературе. В нашей семье была хорошая библиотека, и в свободное время родители любили читать...»

В личном деле сохранились приказы, в которых Лауту И.И. объявлялись благодарности за отличную учебу уже через полгода обучения и в

последующее время. В справке, выданной взамен паспорта для проживания в общежитии техникума, сказано, что она «действительна только в гор. Молотов» в течение одного года. Это означало, что человек находится на спецпоселении и не имеет права перемещаться без специального разрешения, а также должен регулярно отмечаться в комендатуре МВД. Так, например, в личном деле, хранящемся в архиве МВД, сохранились заявления периода учебы в техникуме, адресованные в комендатуру, для разрешения проживать в общежитии, проходить летнюю практику, съездить к родственникам на каникулы и в дом отдыха «Красный Яр» по путевке, которой он был награжден за отличную учебу в 1950 году. Эти просьбы были удовлетворены, но каждое разрешение заканчивалось словами, что «настоящее разрешение по возвращении к месту поселения подлежит немедленной сдаче в спецкомендатуру МВД». А вот на заявлении с просьбой о поездке к родственникам за вещами, уже после окончания техникума, стоит отказ. И рядом расписка Ивана Лаута: «Результат по существу заявления мне объявлен». Звучит как приговор...

Каждый поселенец не должен был забывать о том, что в справке на выселенца он расписался за то, что «...оставлен навечно в местах обязательного поселения выселенцев без права возвращения на прежнее место жительства» и дал расписку о том, что «за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения» будет «осужден на 20 лет к каторжным работам». А возвращаться-то было уже и некуда, так как все районы бывшей Республики немцев Поволжья были включены в состав Саратовской и Сталинградской областей согласно Указу Президиума ВС СССР от 7 сентября 1941 года.

В 1951 г., окончив с отличием техникум, И.И. Лаут продолжил работать в строительстве № 31/38 Министерства путей сообщения, сначала в должности строймастера, затем – начальника производственно-технического отдела, а с 1957 г. – в должности главного инженера. За эти годы под его руководством были построены жилые дома в поселке Комсомольском, подъездные пути к причалам грузового порта, вторые железнодорожные пути до ст. Шаля и 12-квартирные жилые дома в г. Краснокамске. За выполнение этих работ был отмечен благодарностями и премиями. Несмотря на это, командировку в г. Краснокамск ему разрешили по запросу из Управления строительства в комендатуру. В ответе отмечалось, что «спецпоселенец Лаут Иван Иванович ... за

время проживания в г. Молотов установленный режим не нарушал. В городе имеет семью. Выезд считаю возможным разрешить». Кроме этого документа были еще несколько разрешений от органов МВД разного уровня, не считая сопроводительной записки к разрешению.

Но наступили более счастливые и свободные времена: в августе 1954 года вышло распоряжение, освобождающее немцев от спецучета. Лауты (отец, дедушка и бабушка), как и другие, получили справку, согласно которой им были выданы паспорта граждан СССР. В августе 1957 г. Управлением строительства «Пермстройпуть» Министерства транспортного строительства Иван Лаут был направлен на учебу в Тбилисский институт железнодорожного транспорта им. В.И. Ленина, который окончил с отличием.

Вспоминает дочь Татьяна Ивановна Кандакова (Лаут):

«Сейчас я понимаю, что в то время это было значимое событие. С одной стороны, в человека поверили как в гражданина страны и как в хорошего специалиста. С другой стороны, это повысило авторитет семьи. В маленьком поселке Комсомольский, где мы жили, все знали друг друга, и, конечно же, после недавней войны были люди, сдержанно и недоверчиво относящиеся к семье, где звучала немецкая речь. А после долгой разлуки бабушка и дедушка не могли не говорить на родном языке. Да и вообще нам просто повезло, так как папа взял маму, меня и полугодовалую сестру с собой. Так нам посчастливилось жить некоторое время в Грузии. Там папа увлекся игрой в шахматы, и это стало его хобби и семейным увлечением».

По возвращении в Пермь он продолжил работать главным инженером СМП-199 и 828 до 1966 года. В 1966 г. его назначили на должность главного инженера, а затем – начальника УКСа Пермского горисполкома. Занимая эту ответственную должность, ему пришлось руководить активной застройкой микрорайонов «Нагорный», «Светлый», «Январский» и «Бахаревка». Были также построены такие крупные объекты капитального строительства, как ДК им. Калинина, Цирк, клубы Пермской печатной фабрики Гознак и Пермского нефтеперерабатывающего комбината, здания Дома Советов и НИИУМСа, спортивный корпус Речного училища и много жилых зданий в центральных районах города.

Вспоминает дочь Татьяна Ивановна Кандакова (Лаут):

«Мы любим посещать Выставочный зал, что на Комсомольском проспекте, и все пермяки помнят магазин «Океан», что напротив, – и

это только малая часть того, что осталось после моего отца в нашем городе».

До выхода на пенсию, с 1971 г. по 1985 г., он работал заместителем управляющего трестом «Пермдорстрой» и мог бы сделать еще много, но здоровье, подорванное в юные годы, не позволило. Из-за тяжелой болезни Иван Иванович ушел из жизни в 1988 году, когда ему было только 63 года. В трудовой книжке есть много записей о поощрениях и наградах за многолетний и добросовестный труд: денежные премии, именные часы, медаль «Ветеран труда», медаль «За доблестный труд» и орден «Знак Почета».

ЛИШКЕ А.А.

Доктор медицинских наук Август Августович Лишке (1919–1990) – профессор, основатель первой кафедры детской хирургии Пермского мединститута.

В Перми работал с 1951 года. Практически все детские хирурги Пермского края являются его учениками. На протяжении многих лет Лишке добивался того, чтобы в Перми была открыта многофункциональная и многопрофильная клиника детской хирургии. И в 1974 году он добился своего, организовал кафедру детской хирургии, обеспечив экстренную хирургию детей, реанимационное отделение, амбулаторную помощь.

Основатель многих замечательных традиций, А.А. Лишке передал свою любовь к профессии сыну: Михаил Августович – тоже детский хирург, он заведует детской больницей № 15.

Новое здание клиники детской хирургии на 300 мест предлагается назвать именем профессора Августа Лишке.

МАУЭР Г.Т.

Мауэр Генрих Тимофеевич (1881–1940).

«Цель моих сборов отчасти достигнута: обнаружены новые, неизвестные в науке виды», – сделать такой вывод имел полное право Генрих Мауэр, краевед, археолог-любитель. Более 20 лет изучал он окрестности Кунгура по рекам Сылве и Барде. За время своих регулярных экспедиций выявил несколько месторождений ископаемых, в частности, ископаемых растений и насекомых раннепермского возраста Чекарда. Данное месторождение получило мировую известность. Все собранные материалы Мауэр передавал в музеи Кунгура, Перми, в Палеонтологический институт.

«Я поставил себе задачу планомерно и постепенно взять все, что только могут дать в смысле органических остатков данные горизонты, ибо только такой массовый сбор мог дать научные результаты, т.е. выявить редкие и новые формы фауны и флоры» (Г.Т. Мауэр, 1936 г.).

ПАУЛЬС П.Ф.

Пауль Францевич Паульс родился 11 февраля 1927 года в деревне Калинино Таласской долины Киргизской ССР. Отец занимался скотоводством, имел большое хозяйство. Мать – домохозяйка. Семья была дружная и трудолюбивая. В семье росли в любви, заботе и уважении к старшим двенадцать детей. В 1941 году жизнь семьи Паульс, как и других семей российских немцев, осложнилась, несмотря на то, что они вместе с местным населением работали без отпусков и выходных под единым лозунгом того времени «Всё – для фронта, всё – для победы». В 1942 году проходит мобилизация всех российских немцев: мужчин, женщин и подростков с 12 лет. Братьев Пауля Францевича отправляют в ГУЛАГ Челябинской области. Сестру Ацилию отправляют в Таджикистан. Отца арестовывают как политически неблагонадежного и этапом угоняют в Кемерово для работ на угольных шахтах. В возрасте 50 лет от непосильного труда он умер. Пауля Францевича, тогда ещё четырнадцатилетнего подростка, отправляют в Молотовскую область (ныне Пермский край) в ГУЛАГ города Кизела на строительство шахт в трест «Кизелшахтстрой». Путь к месту назначения был долгим и изнурительным, целых 40 дней, в течение которых подростки получали один раз в сутки миску супа и буханку хлеба. Эти дни в вагончиках для перевозки телят при 30–40-градусном морозе, скученности, полуголодные (наспех захваченных продуктов хватило ненадолго), без теплой одежды и элементарной медицинской помощи подростки запомнили навсегда. Многие не доехали до конечного пункта, оставшиеся в живых приехали истощёнными и больными. В лагерной зоне условия проживания были не лучше. Та же скученность в бараках, отсутствие спецодежды и постельного белья (спать приходилось на голых нарах в непросохшей одежде), из питания – лишь жидкий суп раз в сутки и хлеб из гороховой муки. Не каждый мог выдержать такие условия! От таких условий Пауль настолько ослаб, что однажды не смог поднять носилки с углём и упал на работающий погрузочный транспортёр, который потащил его вместе с углём в вагон. Его бы засыпало углём, если бы другие заключённые не по-

доспели на помощь и не отключили транспортёр. Вечером после работы у него не хватило сил дойти до барака, он, обессиленный, упал на железнодорожное полотно не в силах сдвинуться с места. Один из заключённых взвалил его на спину и донёс до барака. После этого случая его поместили в лазарет с диагнозом дистрофия. После «выздоровления» переводят на более «легкую» работу грузчиком и разнорабочим на строительство Кизеловского стекольного завода в ЦОФА (Центральная обогатительная фабрика). Впоследствии проходит там краткосрочное обучение по строительству и работает десятником на строительстве фабрики. Поняв, что перед ними толковый и смывленный, умеющий разбираться в строительном деле человек, администрация лагеря направляет Пауля мастером на строительство жилых домов, доверив ему работать сметчиком в СМУ-2. Победа над фашистской Германией принесла огромную радость и надежду российским немцам на освобождение от необоснованных подозрений, несправедливых репрессий, а также надежду на выезд на свою историческую родину в Германию, но свободное перемещение для них было запрещено. Так Пауль Францевич остаётся в Кизеловском посёлке Коспош, где поступает в 7-й класс поселковой вечерней школы, совмещая учёбу с работой в СМУ-1 на строительстве различных объектов треста «Кизелшахтстрой». В 1948 году его среди немногих награждают медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1951 году Пауль Францевич переезжает в город Пермь. Он работает на строительстве объектов и без отрыва от производства проходит обучение в строительном техникуме на вечернем отделении факультета «Гражданское строительство». Получив диплом техника-строителя, Пауль Францевич в 1956 году поступает в Пермский политехнический институт, продолжая свою трудовую деятельность. После окончания учёбы он работает в должности зам. директора института по капитальному строительству. При его участии возводятся многие объекты народно-хозяйственного значения. В частности, строительство знаменитого универмага «ЦУМ» в городе Перми. Пауль Францевич любовно называет это здание «моё детище». С 1974 года по 1990 год работает директором рекламно-художественного комбината, откуда уходит на заслуженный отдых. И далее Пауль Францевич поставил перед собой трудную задачу – объединить немцев, проживающих в Пермской области, в единое сообщество. Это ему удаётся вместе с единомышленниками. Они организовали немецкое общество в

городе Перми «WIEDERGEBURT», руководство которым совет общества доверил ему. Работая председателем немецкого общества, организовал международные контакты с Германией для оказания посильной помощи немцам, проживающим в России, помощи своим соотечественникам по возвращению их в Германию, организовал курсы по изучению немецкого языка при школе 12. Ставит перед советом первоочередную задачу: вернуть верующим лютеранам церковь и принадлежащий церкви пасторат. После многочисленных судебных процессов церковная собственность была возвращена верующим. Составляет сметную документацию и руководит ремонтно-строительными работами культовых зданий, возрождает лютеранскую общину и церковное богослужение. С 1991 года проводит богослужения на немецком языке, впоследствии с музыкально-хоровым сопровождением. В связи с большим объёмом возложенных обязанностей передает руководство немецким обществом своему заместителю (Кислингу В.А.) и продолжает укреплять лютеранскую общину. В 1997 году уезжает в Германию.

ПЕТЕРС П.П.

Руководитель Краснокамского общества российских немцев «Возрождение» П.П. Петерс, увлекшись краеведением, стал углубленно изучать историю немцев как в России в целом, так и в Пермском крае. В 1998 году в краеведческом сборнике «Город моей судьбы» была опубликована его статья «Роль российских немцев в становлении и развитии нашего города». В 2003 году он издал книгу «Российские немцы в Прикамье», в которой дана краткая история появления российских немцев в крае и биографии

32 известных российских немцев из Перми и Краснокамска. В 2005 году вышла книга П. Петерса «Я родом из Заградовки», в которой дана краткая история жизни его родных и близких в России.

Петр Петерс торопился жить, он работал за двоих – и тем не менее многое не успел. Этот замечательный человек, наш земляк, которым можно гордиться, скончался два года назад... В одной из последних своих (прижизненных) публикаций он писал:

«Первые российские немцы появились в нашем городе еще во время строительства бумкомбината. Это прежде всего Отто Карлович Гиллер, видный теоретик и практик целлюлозно-бумажного производства, Герой труда РСФСР.

Неоценимый вклад в развитие города внесли трудармейцы... Жили и работали они в большинстве своем в ужасных условиях. Но какие бы лишения они не терпели, несчастье своей родины они воспринимали как свое собственное. Они понимали, что война есть война, и все несправедливости списывали на ее счет...

Полуголодные, плохо одетые, российские немцы не только хорошо работали на Победу, но и умели отдыхать. В здании бывшего драмтеатра в годы войны находился Театр оперы и балета из Перми. Многие девушки ходили на его спектакли, получая в минуты короткого отдыха радость и покой. Постоянных зрителей обычно в театре запоминают. Хормейстер театра Галина Леонидовна Якубович заметила девушек, влюбленных в театр, и удивилась, что они хорошо запоминают многие мелодии и имеют звонкие голоса. В результате был создан хор, который

на протяжении ряда лет выступал не только в Краснокамске, но и в других городах области.

Переселенные немцы верили, что после войны они вернутся домой, но оказалось иначе: в Краснокамске многие из них остались на всю жизнь. Сразу же после войны все бывшие трудармейцы получили статус спецпереселенцев без права выезда в другие районы страны. После войны к трудармейцам присоединились еще 2 тысячи немцев. Это были те, кто в годы войны оказались под оккупацией, и дети, вернувшиеся к своим родителям из детских домов Казахстана.

По переписи 1959 года в Краснокамске проживало около 4 тысяч немцев. По переписи 1989 года – 1 530 человек. В настоящее время в городе живет около одной тысячи... Многие уехали в Германию, другие умерли.

Немцы, живущие в Краснокамске, принимали и принимают активное участие в развитии и становлении города. Они работают во всех отраслях городского хозяйства. Многие стали известными людьми. Среди них немало учителей, инженеров, врачей, строителей.

Звания Почетного гражданина города удостоена Лебедева Эрика Абрамовна. Именно она стояла у истоков создания в городе Общества российских немцев «Возрождение». Под ее руководством проведена большая работа по возрождению традиций и обрядов, культуры немецкого этноса. Она организовала курсы по изучению немецкого языка, куда приходили и взрослые, и молодежь.

Очень хочется, чтобы город Краснокамск, которому исполнилось 70 лет, город бумажников, металлоткачей и нефтяников, стал для всех «нашей песней и нашей судьбой».

Как завещание всем нам воспринимаются теперь слова, сказанные Петром Петровичем Петерсом:

– Очень хочется, чтобы между нами, людьми разных национальностей, не было вражды, ведь все мы живем в «едином человеческом общежитии», и все мы являемся РОССИЯНАМИ. Только через взаимобогащение всех национальных культур каждый народ в состоянии развивать свою культуру и язык, возрождать традиции и обычаи.

РАЙНИК А.С.

Арнольд Сергеевич Райник (1949 г.р.) – режиссер, создатель и художественный руководитель театра детского танца «Ляллен» (Lallen), что можно перевести и как «ляльки», и как «детский лепет».

До приезда в Пермь жил на поселении в Челябинской области с матерью, которая была репрессирована и выслана в Узбекистан, под Бухару. После реабилитации немцев семья вернулась на Урал. Арнольд поступил на хореографическое отделение Тобольского культпросветучилища. Ему было уже тогда 26 лет, семейный человек, сыну три года... Выбрав свой путь, Арнольд уже не изменил призванию. После Тобольска поступил в Пермский институт культуры, причем на последнем курсе он был уже и преподавателем, по окончании института десять лет работал на кафедре хореографии. Поступил в аспирантуру в Ленинграде.

«Впереди было две дороги, – писал он. – Одна вела в хореографию, в балетмейстерское творчество, другая – в не менее заманчивые лабиринты науки. Трудный выбор! Но он сделан в пользу балетмейстерства».

На базе пединститута Райник создал свой первый танцевальный коллектив «Гротеск», а спустя несколько лет, в декабре 1992 года, появились «Ляльки» – театр создавался на базе школы № 12, где профильным является немецкий язык. В театре занимаются дети и из других школ города.

Коллектив не раз выступал на гастролях за рубежом, пермских артистов уже хорошо знают и с нетерпением ждут во многих городах Германии – в Гамбурге, Берлине, в городе-побратиме Перми Люнебурге...

Жена Арнольда Сергеевича – Валентина – воспитательница, также стала надежной помощницей в работе с юными артистами, и дети Райников прошли школу «Ляллен». Сейчас Светлана работает диктором на телевидении, а Сергей Райник – танцовщик и постановщик знаменитого театра Евгения Панфилова.

А.С. Райник, как хореограф сотрудничает и с другими театральными коллективами, он преподает, а еще увлечен поэзией, к его юбилею в 2009 году был выпущен сборник оригинальных стихов «Шестой ангел».

ТИССЕН Г.П. (Т.Г. Тиссен об отце)

Тиссен Гергард Петрович – человек известный не только в Мотовилихе, но и во всем городе Перми. Более 50 лет он проработал в школе учителем географии, из них более 40 лет в школе № 49 Мотовилихинского района города Перми. Многие сотни учеников, а также студенты географического факультета Пермского университета прошли его «уроки доброты», по выражению журналиста Т. Плешаковой, которая была тоже его ученицей.

На своих уроках и лекциях Гергард Петрович не просто обогащал сознание слушателей географическими и методическими сведениями, а развивал интерес и уважение к обычаям и культуре людей различных рас и национальностей, интерес к познанию разнообразных явлений природы, убеждал в необходимости беречь все живое. Он учил видеть прекрасные стороны жизни, любить людей, понимать и ценить саму жизнь.

Себя Гергард Петрович считал счастливым человеком, прожившим жизнь трудную, долгую и интересную.

Предки Тиссенов, по приглашению Екатерины II, переселившись в Россию, обосновались на Украине. В городе Александрополь Донецкой области в семье Тиссенов, где уже было шесть сыновей и две дочери, в 1906 году родился девятый ребенок – Гергард. Немецкие колонии с годами разрастались, земли не хватало, и многие семьи, Тиссены в их числе, поехали осваивать царские земли в Сибирь, в Алтайский край. Так появились в Кулундинской степи немецкие поселения, а Гергард с трех лет стал сибиряком (село Глядень).

С детства проявились у него разносторонние музыкальные и артистические способности. В доме было много музыкальных инструментов: фисгармония, гитара, цитра, мандолина. Гергард умел играть на всех. Позднее, в годы студенчества, освоил кларнет и фортепьяно. А в спектакле школьного драмкружка так сыграл смерть своего героя, что его маме в зрительном зале стало плохо.

Закончились школьные годы, но интерес к новым знаниям был настолько силен, что, заработав необходимую сумму денег, Тиссен в 1925 году уехал в Ленинград и поступил в университет на географический факультет. В Ленинграде он прожил семнадцать лет: замечательные студенческие годы, учеба у видных профессоров, встречи с талантливыми учеными, интересными людьми, музеи, театры, концерты. В Ленинграде увидел и полюбил балет, не пропустил ни одну премьеру с Улановой. Увлекался классической музыкой и джазом. Занимался в школе танцев, с тех пор хорошо танцевал всю жизнь, даже в день своего 90-летия приглашал дам на тур вальса.

После окончания университета Гергард Петрович преподавал географию в средней школе, а в период летних каникул работал в составе геологических и почвоведческих экспедиций. Побывал в Туркмении, где тогда еще не была закончена борьба с басмачами. Два года участвовал в исследованиях пойменных почв в бассейне реки Волги для системы «Большая Волга».

В войну пережил весь ужас жизни в блокадном Ленинграде, бомбежки, голод, смерть друзей. С дистрофией в последней стадии, с температурой 34,7 градусов по «дороге жизни» через Ладожское озеро был эвакуирован на Кавказ, затем – в Казахстан.

А потом, по приказу о мобилизации всех немцев с 16 до 60 лет в трудовую армию, попал на Урал. Поселок Яйва Пермской области. Лесоповал. На работу и с работы – под конвоем. Возглавил колонну подростков. Убедил начальство в необходимости обратиться за помощью к их родственникам. Сам организовал сбор и доставку продуктов и привез существенное для того времени продовольственное подкрепление, без которого многим бы не удалось выжить в тех суровых условиях. Позже, в 50-е годы, неоднократно приезжали молодые люди, бывшие трудармейцы, и благодарили за помощь, за спасенную жизнь.

С 1945 года – новый этап жизни. Город Пермь. Школа № 49. Встреча с будущей женой, создание семьи. Трудности послевоенной жизни. Продукты по карточкам. До 1956 года все немцы должны были регулярно отмечаться в комендатуре (сейчас в этом здании на Комсомольском проспекте школа № 9). К людям с немецкой фамилией относились с настороженностью и недоверием. Семья в начале совместной жизни жила в школе, в отгороженной торцевой части коридора с окном, и в первое время не раз по утрам приходилось стирать с двери нарисованную мелом свастику. Но были люди, которые морально поддерживали Гергарда Петровича, рядом с которыми он чувствовал себя уверенно, как равный среди равных. Через всю свою жизнь он пронес чувство благодарности к ним. Часто говорил: «Мне всегда везло на встречи с хорошими людьми» и еще: «Фамилией никогда не торговал и фамилии своей не стыдился».

Но все невзгоды отодвигались на второй план, когда он с головой уходил в работу. Работал всегда много, всегда тщательно готовился к урокам. Сам делал наглядные пособия, когда появились средства в школе, – закупал и постоянно обновлял их. На пришкольном участке организовал географическую площадку с метеорологическими приборами. По его чертежам с помощью шефов с завода имени В.И. Ленина был оборудован географический кабинет, который в то время был новинкой в учебном процессе. Проводил занятия методом глазомерной съемки с последующим составлением плана местности. Его уроки были очень разнообразны по форме, демонстрировалось много фотографий, слайдов, кинофильмов. Ученица Гергарда Петровича вспоминает: «Он так много видел и знал, и так интересно рассказывал, что для нас он был «человеком с другой планеты», благодаря ему мы открывали для себя новые страны, особенно запомнились его лекции о Японии, Кубе и Ин-

дии, которые мы слушали на факультативных занятиях географического кружка».

Кроме этого он еще вел занятия фотокружка в школе и в детском клубе юных техников «Квант».

Неудивительно, что всегда было много желающих отправиться летом на экскурсию с Гергардом Петровичем. Сначала он возил детей по Пермской области, с годами экскурсионные маршруты вышли за ее пределы. Дети побывали за Полярным кругом и в солнечной Абхазии, на Балтийском море и в Ленинграде, в Риге и на озере Рица. Были экскурсии по Каме и Волге – до Волгограда и Астрахани. Велись дневники путешествий, а потом оформлялись красочные альбомы с фото-снимками и дневниковыми записями. Сам Гергард Петрович был во всех республиках Советского Союза, много путешествовали с семьей: по «Золотому кольцу», были на Украине, в Молдавии, Латвии, Казахстане, Киргизии. На всю жизнь запомнились поездки с ним на Байкал, Телецкое озеро, путешествие по Енисею до Дудинки, Игарки с заездом в Норильск. А когда стало возможно выезжать за границу, Гергард Петрович наверстал упущенное за годы невыездной жизни. С 1960 года по туристическим путевкам он побывал в 28 странах мира.

В те годы почти в каждой школе-десятилетке был клуб интернациональной дружбы (КИД), куда с лекциями часто приглашали Гергарда Петровича. Также много лекций он читал для населения по линии общества «Знание».

Гергард Петрович всегда был искренним и честным с людьми, очень многим помогал, был нетерпим к жестокости и несправедливости, защищал слабых и обиженных. Запомнилось его рыцарское галантное отношение к женщинам, его заразительный смех, замечательный юмор, умение разрядить напряженную ситуацию. В нем было очень много жизненной энергии. До последних дней он много читал, интересовался политикой, всегда был в курсе событий. «Ему было интересно жить, и жить рядом с ним было тоже очень интересно», – пишет дочь Т.Г. Тиссен.

90-летний юбилей Гергарда Петровича прошел в его родной школе № 49. Было много трогательных встреч, поздравлений, воспоминаний и теплых слов, сюжет на ТВ. В 2006 году школа отметила 100-летний юбилей Гергарда Петровича, но уже без него.

ТОЛЬЦИНЕР Ф.М.

В 1994 г. благодаря активному посредничеству Г.Д. Канторовича Пермский областной краеведческий музей приобрел часть личного архива архитектора Филиппа Тольцинера (1906–1996) – человека удивительной судьбы, достойной особого внимания. Выходец из семьи мюнхенского мастера по плетению мебели, Тольцинер окончил Баухауз – высшую школу строительства и художественного конструирования, названную современниками «детисцем Веймарской республики». Как вспоминал он впоследствии, большинство его сокурсников «пережили

Первую мировую войну, от восторженных приветствий до Ноябрьской революции», были свидетелями «образования Баварской советской республики и ее подавления, а также первой волны национал-социализма». И потому лозунги «Служить народу!», «Удовлетворять народные потребности, а не роскошь!», «Все, что мы делаем, должно быть высококачественно и недорого!», предложенные возглавлявшим школу архитектором Г. Майером, близким по взглядам к компартии, были восприняты восторженно и как руководство к действию.

Рост коммунистических настроений среди учащихся Баухауза, проявившихся, в частности, в изучении марксистской литературы, подтолкнули Тольцинера к проектированию домов для детей и взрослых, объединенных названием «Жилье при социализме». Он примкнул к тем, кто хотел стать «активным участником создания новой современной архитектуры». Однако трудности, вызванные усилением экономического кризиса в Германии на рубеже 1920–1930-х гг., а также сложившаяся в стране политическая ситуация привели Майера и его учеников, как известно, к пониманию того, что в рамках капиталистической системы их устремления окажутся бессмысленны, и потому они «предоставили себя в распоряжение Советского Союза для социалистического строительства».

В феврале 1931 г. в составе бригады «Рот фронт», возглавляемой Майером, Филипп Тольцинер прибыл в СССР и с энтузиазмом занялся самыми разнообразными архитектурными проектами. Семь лет спустя выпускник строительного отделения знаменитого на весь цивилизованный мир Баухауза был арестован как «немецкий шпион», осужден на 10 лет по статье «Контрреволюционная деятельность» и отправлен в

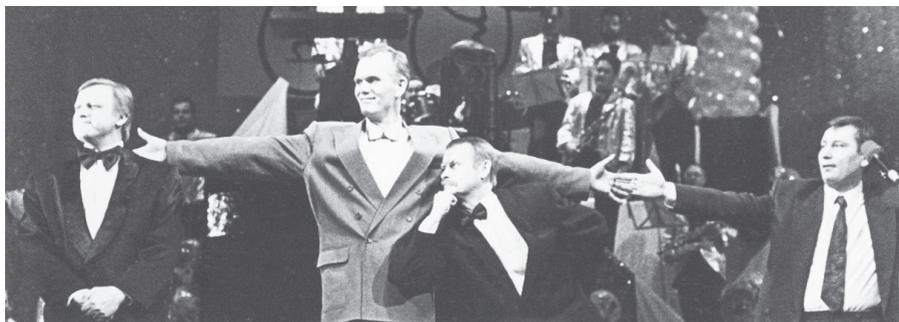
Усольлаг. По иронии судьбы, к тому времени его альмаматер уже заклеивали как оплот культур большевизма и закрыли.

Находясь в заключении, Тольцинер проектировал шкафы, столы, стулья, детские коляски и другие предметы ширпотреба, изготовлявшиеся в лагерных мастерских. А началось все с того, что стоматологу, приехавшему лечить заключенных, потребовалось зубоврачебное кресло, и молодой архитектор предложил сделать кресло из дерева (а потом всю жизнь хранил в личном архиве эскиз этого сооружения). По справедливому замечанию Г.Д. Канторовича, здесь сказались и «наследственное мастерство ремесленника, и практика в Баухаузе». «Призванный» с лесоповала в проектную мастерскую, Тольцинер стал автором проектов жилых домов для вольнонаемного состава лагеря, интерьеров и оборудования клуба имени Дзержинского. Самым же знаменательным, на наш взгляд, является его проект монументальной доски социалистического соревнования для коллективов Усольлага и Ныроблага. Под некоторыми чертежами рядом с подписью архитектора стоит автограф известного художника, мастера карикатуры Константина Ротова, который пополнил контингент ИТЛ в 1940 г., а вышел на свободу лишь в 1948 г.

Филипп Тольцинер, освободившись «с применением зачета рабочих дней за хорошие производственные показатели» в декабре 1947 г., работал начальником проектной мастерской главного архитектора г. Соликамска, затем главным архитектором Пермской специальной научно-реставрационной мастерской. Он с большим увлечением занимался проектированием ремонтно-реставрационных работ по восстановлению памятников русской архитектуры. Любопытно, что, вспоминая годы учебы, Тольцинер подчеркивал: «Учебный план Баухауза был перенасыщен инженерно-строительными предметами. Мы не занимались изучением истории архитектуры и анализом ее прошлого опыта. Майер называл нам ряд прогрессивных авторов беллетристики и рекомендовал читать их произведения».

В 1956 г. Тольцинер был реабилитирован и в 1961 г. переехал в Москву, где несколько лет трудился в Центральном научно-исследовательском и проектном институте по градостроительству. Выйдя на пенсию, он продолжал работать самостоятельно над проектными предложениями по охране исторической части города Соликамска, а в 1980-е гг. и до конца жизни занимался систематизацией своего архива, который содержит уникальные документы. Это проектные чертежи, относящиеся ко времени пребывания в заключении и вынесенные Тольцинером на волю, что, кстати, было категорически запрещено, а также значительное количество фотографий, хорошо иллюстрирующих этапы реставрационных работ.

ШТЕФАН В.

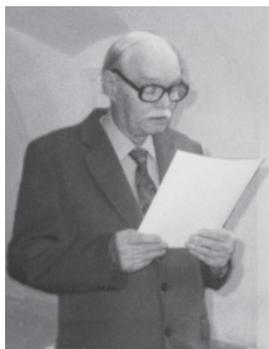
Штефан В. (второй слева) с друзьями

Владимир Штефан (Сорокин) – один из самых ярких персонажей Перми 1970–1990-х годов. Известен как актер студенческого театра-студии «Арлекин» Игоря Тернавского, Нового молодежного театра Бориса Мильграма. Самый знаменитый спектакль с его участием – «Случай в зоопарке». Почти три года «Случай в зоопарке» (со Штефаном) шел на сцене Театра им. Моссовета. Сыграл главную роль в фильме «Загадка» американца Эвана Бреннера.

Он и человек из телевизора: первый ведущий телеканала «Ветта» (тогда «СТЭК»). Он и голос радио «Максимум»: вел утреннее шоу «Максибрэкфаст» и авторскую программу «Штефан-шоу».

Русский немец родился в Губахе, с 1996 года живет во Фленсбурге. Верный себе человек: для денег – работает в электронной фирме, для души – руководит театром «Russisch-Deutsche Buhne».

Генрих Эпп: «Я СЕРДЦУ СТЫНУТЬ НЕ ДАЮ...»

Судьба Генриха Эппа во многом типична для российского немца. Родом он из Донецкой области. До выхода на пенсию работал учителем. Исключая сороковые годы, когда его забрали в трудармию. Тяжкие испытания в Златоусте, выпавшие на долю Эппа, не сломали его, а только закалили.

Приехав в Пермь (в семью сына, солиста пермской оперы Владимира Григорьева), Генрих Генрихович стал посещать литобъединение при Союзе писателей. Тягу к поэзии этот человек пронес через всю жизнь. В Обществе пермских немцев прошел поэтический вечер; в литобъединении стихи Эппа переводили на русский язык. Ушел из жизни в 2007 г.

Одно из стихотворений, созданное автором в «лихие 1990-е», мы предлагаем вашему вниманию в оригинале и в переводе.

WOHIN DES WEGES?

Wohin des Weges, Rusland mein?
Hast du womöglich dich verirrt?
Das arme Volk vor Kummer greint.
Von Raben es im Lande schirt.
Auf den Messias warten wir,
Der uns befreit von Gram und Leid.
Verkorkst viele Seelen schier.
Das Volk verharrst in steten Streit.
Ich warme stets mein klammes Herz,
Mehr Liebe bringe ich hinein,
Und stille dann des Volkes Schmerz,
Wenn ich ihm bringe Sonnenschein.
Auf den Messias wartet nicht
Fullt eure Herzen auf mit Liebe.
Erhalt das Land mehr warmes Licht,
Erspriepen wunderbare triebe.

Куда идешь, Россия?

Куда идешь ты, Русь моя?
Ты, видно, заблудилась вновь.
Все гуще стаи воронья,
Все чаще льется братьев кровь!
Народ от горя раздражен
И всей душой мессию ждет,
Ждет, что от бед избавит он,
Растопит в стылых душах лед.
Я сердцу стыннуть не даю,
Лелея к людям в нем любовь,
И щедро солнца свет дарю,
Чтоб исцелить людскую боль.
Так пусть любовь сердца роднит,
Не будем ждать, друзья, мессию!
Я верю: свет любви взрастит
Побеги славные России!

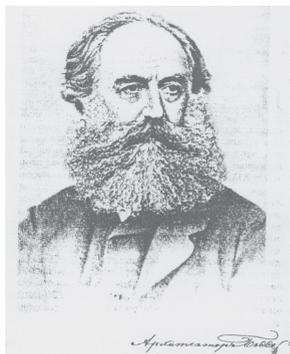
Перевод с немецкого Леонида Слюсаря.

Часть 3.

РАЗДВИГАЯ ГОРИЗОНТЫ

Ирина Эдуардовна Редекон,
председатель местной немецкой национально-культурной
автономии (МННКА).

ДИАСПОРА В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

Архитектор Гарольд Боссе

Немцы на пермской земле живут издавна, еще с XVIII века. А в 1796 году в молодой город Пермь прибыл Карл Федорович Модерах, которому было суждено стать одним из самых успешных, эталонных губернаторов. Именно Модерах пригласил на работу Федора Граля, которого пермяки нарекли святым доктором...

Отвечая насущным духовным потребностям существования диаспоры, в квартале, где жили преимущественно немцы, на их средства были построены пасторат и кирха (1864 г., архитектор Гарольд Боссе).

На протяжении почти трех веков многие наши земляки немецкой национальности внесли существенный вклад в упрочение экономики края, в развитие науки, культуры и образования. О самых ярких их представителях идет речь в нашем биографическом справочнике.

Уважением и любовью в городе пользовались и пользуются потомки немцев, такие, как кандидат сельскохозяйственных наук Гельмут Рихардович Кениг, профессор онкологии Владимир Алексеевич Брунс и многие другие замечательные труженики, творчески проявившие себя в разных отраслях науки и промышленности.

Самая многочисленная диаспора немцев располагалась в поселке Владимирском, у велозавода. Когда началась перестройка, именно там, в клубе им. В.В. Маяковского, прошло первое собрание немцев. Активно приглашал и организовывал немцев Райнгольд Яковлевич Геринг. 23 сентября 1990 г. ПОО «Пермское общество российских немцев «Видергебурт» («Возрождение») было зарегистрировано, прошло учредительное собрание. Вместе с Герингом работал Павел Францевич Паульс. В 1991 году они добились возвращения старого развалившегося здания пастората. Начались богослужения, собрания и избрали Совет.

Большую работу проводили Паульс П.Ф., Кислинг В.А. и Дорош Т.А. по возврату церкви, которая была отобрана после революции. В 1994 году возвращена немцам.

Процесс возвращения был трудным и длительным, с 1989 по 1995 гг. Состоялось три заседания арбитражного суда, которым предшествовала длительная работа с администрацией города по этому вопросу. Только упорное хождение по инстанциям и более 40 писем, работа в архивах, приобретение исторических документов в архиве С.-Петербурга для формирования доказательной базы позволили положительно решить данную проблему. На трех заседаниях арбитражного суда В.А. Кислинг был представителем от Общества российских немцев и Евангелическо-лютеранской общины г. Перми, которая стала преемницей Евангелическо-лютеранской общины XIX века, построившей в Перми кирху.

Когда оставалась последняя подпись на документах с вопросом безопасности нахождения большого количества людей в кирхе после стольких лет ее использования не по назначению, В.А. Кислинг обратился за помощью к профессору А.А. Бартоломею, возглавлявшему в Политехническом институте кафедру оснований, фундаментов и мостов. А.А. Бартоломею, вместе с несколькими специалистами, было проведено обследование и дано заключение о состоянии здания. Последняя подпись была получена. Это была первая церковь-кирха, возвращенная по суду верующим. А затем были проведены экспертиза системы электроснабжения в кирхе с участием инженера Г.П. Редеконпа и многочисленные субботники.

Один эпизод. В кирху (она еще не была передана верующим, хотя решение уже имелось) пожилая чета из Германии, в прицепе к автомобилю привезла электроорган. В кирху их не пустили. Звонок В.А. Кислингу, и он на ночь приютил приехавших, решив вопрос и с временным размещением органа, поблагодарил и проводил в дальнейший путь.

Начались работы по восстановлению кирхи, ее возрождению. Много усилий и физического труда приложили Борис Лебедев, Александр Эрбис, Гарольд Петрович Редеконп и др.

Еще одно большое дело общества немцев – создание в 1994 году Фонда имени доктора Федора Граля (1770–1835), основоположника муниципального здравоохранения г. Перми, оставившего о себе память в истории Перми, как о «святом докторе». В.А. Кислинг написал

первый Устав Фонда. Пермский благотворительный фонд имени доктора Ф. Граля был создан и действовал благодаря бескорыстной работе Б.А. Черенева и Т.А. Дорош. Учреждена медаль памяти доктора Ф. Граля, проведен совместно с администрацией Перми конкурс из десяти проектов на лучшее решение памятника доктору Ф. Гралю, в течение семи лет собраны средства. В 2005 году, 11 июня, в День города, памятник, как символ Добра, Милосердия, Любви к ближнему, был торжественно открыт на улице Ленина перед зданием городской больницы № 2, носящей теперь его имя. За двадцать лет существования на счету Фонда появилось много добрых дел.

В 1995 году привели в порядок церковь, и хотя зал церкви оставался еще разделенным на два этажа, службу уже можно было проводить в церкви. В это время председателем Общества был Р.Д. Ваймар. Позже появился И.И. Флюг, и стал организовывать курсы по изучению немецкого языка. Количество курсов и кружков в Перми доходило до 30.

В нашем городе и крае есть еще немало заслуживающих внимания людей, которые внесли значительный вклад в развитие Пермского края. В мае 2006 года в нашем крае произошло значительное событие, вышел из печати двухтомник «Немцы в Прикамье. XX век». Значение этих книг для российских немцев трудно переоценить. Это документы и факты, которые помогли собрать, систематизировать и опубликовать государственные архивные учреждения Пермской области, научные и общественные организации.

Одним из таких людей является Лев Иванович Бэр. Недавно я побывала в Горнозаводске и совершенно случайно оказалась у Дворца культуры, где у входа на стене висит мемориальная доска с надписью: «Здесь с 1959 по 1993 годы работал заслуженный работник культуры России Лев Иванович Бэр». Это мой бывший учитель и руководитель школьного хора, в котором я принимала участие. Есть еще один всеми нами обожаемый человек – Эмма Ивановна Биглер. Она участвовала в создании общества с первых дней, была его душой и хранительницей всего «немецкого». И только на 82-м году жизни она перестала ежедневно приходить в Центр Российских Немцев.

Скажу немного о себе, как наша семья оказалась на уральской земле.

...Я родилась 25 мая 1936 года в Москве. Наша семья жила в доме на трёх хозяев в квартире бабушки Эдгара (Владимира) Константино-

вича Мюллера недалеко от Октябрьской площади, на улице Татищева. (Кто мог представить, что спустя много лет я стану жить в Перми, городе, основанном Василием Татищевым!) Когда началась война, мы были на даче в Лобне. 2 сентября 1941 года отца (Эдуарда Фризена) призвали в армию. Той осенью мама с нами (нас было трое: я и два брата) не вернулась в Москву. Мы ждали скорейшего конца войны и возвращения папы. Но война не кончалась, на Москву наступали фашисты. Фронт был в трёх км от Лобни, мы перебрались в бомбоубежище. В феврале ночью вернулся отец – сильно изменившийся, с чёрной бородой, мы его даже не узнали. Рано утром он уехал на электричке в Москву, на работу, на фабрику-кухню. И вскоре ему вручили повестку в трудовую армию.

Маму в трудовую армию не забрали, так как младшему брату ещё не было трёх лет, но нас выслали в Казахстан. Отцу разрешили проводить нас в посёлок № 11, в Новочеркасский р-он (сейчас Шортандинский) Акмолинской области, а затем он сразу же уехал в военкомат по повестке в трудовую армию.

Жили тяжело и плохо. Мама была «городская», грамотная (до революции окончила гимназию), работать в поле и на земле она не умела. В поселке № 11 (жители называли его Камышинка) я пошла в школу. Вскоре привезли ингушей и чеченцев, и нам негде стало жить. Мама сложила вещи на саночки, и мы ушли к казахам в землянку. Я училась в 3 классе, когда закончилась война. Мы радовались, ждали скорой встречи с папой, но он не приезжал. Только осенью нам разрешили уехать в трудовую армию к папе. В это время он был в лагере под Казанью, у ж.д. станции Свяжжск. Нас поселили в кухне дома местной одинокой женщины на берегу Волги. Иногда к нам приходил отец. Училась я в школе д. Нижние Вязовые. Закончила 4-й класс, начала учиться в 5-м. Наступило время больших перемен. Завод ликвидировали, ГУЛАГ расформировали, трудовые армейцев с семьями погрузили в вагоны и отправили на Восток.

Ехали долго, в дороге голодали. Так мы оказались в Пермском крае. Доехали до Тёплой Горы, там нас всех выгрузили, поселили в спортивном зале школы. Оставалась одна четверть учебного года, я закончила 5-й класс. Отец устроился на работу в посёлке Кусье-Александровский и забрал нас к себе. На Запад ехать нам не разрешали. Школу я закончила в 1954 году. В Московский институт меня не приняли, закончила

ТУ-2 в Перми, работать направили в Североуральск. Потом Караганда, где 4 года работала монтером на телефонной станции, поступила в Ташкентский электротехнический институт связи, закончила его и вернулась в Пермь. Вышла замуж за Г. Редекон.

В 2005 году меня пригласили на должность председателя Пермской общественной организации российских немцев «Wiedergeburt».

В последнее время количество обучающихся на курсах языка сильно сократилось по двум причинам: во-первых, многие российские немцы уехали из нашего города; во-вторых, на проведение курсов стало меньше поступать денег.

Сейчас продолжается работа по возрождению и сохранению традиций, обычаев и родного языка. Ежегодно пермское общество отмечает свои национальные праздники совместно с общиной. Мы всегда рады, когда на наши мероприятия приходят пермяки разных национальностей и конфессий. В Обществе работал Клуб любителей классической немецкой музыки, ежемесячно проходят встречи в Клубе сеньоров, на которые собираются наши ветераны. Радует, что возобновила работу молодежная группа «Freier Flug» (свободный полет), активно участвует в жизни Общества детский клуб «Traum» в Усть-Качке.

В 2007 году в Прикамье прошли общественные слушания, которыми завершался очередной этап реализации проекта «Формирование положительного общественного мнения о вкладе российских немцев в общероссийское культурное достояние» (в рамках проекта-победителя на городском конкурсе проектов «Общественные инициативы» и АНО «Социально-культурные программы в пользу российских немцев» «БРАЙТЕНАРБАЙТ»). Начались слушания с яркого жизнерадостного выступления известного пермякам и всеми любимого Детского театра танца «Ляллен», которому как раз исполнилось тогда 15 лет.

17 апреля 2013 года состоялось отчётно-выборное собрание, наш Совет передал свои полномочия новому составу. Председателем, теперь уже региональной общественной организации, стала Кандакова Татьяна Ивановна. Я остаюсь председателем местной немецкой национально-культурной автономии г. Перми (МННКА). Эта общественная организация создана в 2010 году, входит в состав ПРОО «Wiedergeburt».

Обе организации продолжают работать, уже в этом году успешно проведено несколько мероприятий, в том числе региональный семинар,

выставки, праздник «Erntedankfest». Молодёжный клуб снял мультфильм для детей «Подари сказку». В организации активно работает детский коллектив «Lallen» под руководством Арнольда Райника и возвращается хор под руководством Е.В. Ерастовой. Всё это стало возможно после выделения администрацией Пермского края помещения для Общества на Сибирской, 19 .

...Размышляя о будущем, я вспоминаю ответы на анкету «Молодежного ринга», проведенного недавно «Немецким молодежным объединением». Мы находим немало ценных мыслей, находим тот самый позитив в мыслях, в настрое наших юных земляков. Вот каким видит российского немца, например, один из пермских студентов:

«...Это человек, соединяющий в себе достоинства и знания двух культур, сохраняющий при этом свою национальную идентичность, имеющий активную социальную позицию».

А символом российских немцев молодой человек видит розу Лютера – как символ единения в вере. «Но для всего российско-немецкого общества, – добавляет юноша, – символами являются, я думаю, прежде всего, его самые достойные представители, деятели науки, экономики, культуры».

Такие деятели, сумевшие стать подлинными символами, и представлены в нашем издании.

Редекон И.Э. и Биглер Э.И. Встреча-консультация по изготовлению кукол в костюмах земель Германии (Грант 2010 г.)

Эдвин ГРИБ,

председатель Соликамского общества «Возрождение»,
Почетный гражданин г. Соликамска:

«НАХЛЕБНИКАМИ МЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ»

– Родился я в 1925 г. в немецком селе Хойбуден (основано в 1824 г., по другим данным – в 1841 г.), по-русски – Сергеевка. Сейчас это на границе Донецкой и Запорожской областей. Мой отец проработал в этом селе учителем 24 года, был арестован в августе 1937 г. и уже 13 ноября расстрелян. Мать умерла ещё в 1932 г., и фактически нас, троих братьев (я был самый старший), воспитала деревня. Все мы жили у одной хозяйки, и колхоз помогал ей за это. Отец отдал нас в школу с пяти лет. В 1941 г. я уже окончил 10 классов Розовской (Розенбергской) средней школы. Насколько я могу судить, получил хорошее образование: с 1-го по 4-й класс – в немецкой школе, с 5-го по 7-й в украинской, с 8-го по 10-й – в русской. И когда окончил школу, для меня не имело значения, немецкий язык, украинский или русский. В школе все учителя были мужчины. Это, я считаю, тоже большая удача. Уже с 7-го класса у нас было делопроизводство. Мы могли что угодно написать, посчитать на счётах, на логарифмической линейке, на арифмометре «Феликс», который тогда был самым распространённым. Я и сейчас поддеваю молодёжь: «Слушай, ты можешь на счётах квадратные корни извлекать?» Все говорят, что это невозможно, а я вот умею.

5 сентября 1941 г. меня призвали в армию, а 24 сентября я оказался в Соликамске. Когда призывники разговорились, то оказалось, что все мы – немцы. Я впервые узнал, что немцы говорят на разных диалектах и могут друг друга не понимать. Сначала непонятно, но потом, когда слушаешься, всё-таки начинаешь понимать, а затем и разговаривать...

Соликамск – город очень древний, он основан в 1434 г. на месторождении поваренной соли у реки Кама, где из-под земли били ключи из рассолов. Когда мы приехали туда в 41-м, нас было 12 тыс. мужчин от 14 до 60 лет. Нам поручили построить завод по выпуску пороха для военных нужд, и уже в августе 42-го он дал первый порох. Завод, возведённый российскими немцами, был пущен быстрее других аналогичных предприятий, большинство из которых не удалось достроить даже к концу войны. Всё у нас делалось достаточно примитивно, но завод до

сих пор (!) даёт продукцию. Немцы вообще во всех условиях работали хорошо, продуктивно, оставив заметный след после себя. И не только как работники. Местное население переняло от них самые разные навыки: в поддержании чистоты в помещениях, в приготовлении пищи, в разведении огородов, которые на севере были развиты очень слабо, и т.д.

В 1942 г. прибыло ещё 12 тыс. немецких мужчин-трудармейцев. Они были мобилизованы из тех мест, куда их выселили по Указу от 28 августа 1941 г. и последующим депортационным актам. Работали в основном в лесу. Из 12 тыс. трудармейцев, строивших завод, 7 300 погибли от голода и тяжелых условий труда и быта. Больше половины...

В трудармии, т.е. в лагере, существовали комсомольская и партийная организации. Принимать в них не разрешали – можно было только исключать. А принятые ещё до войны продолжали числиться коммунистами и комсомольцами. Представьте себе партийную организацию за колючей проволокой, с каждодневной утренней командой «Шаг влево, шаг вправо считаются побегом – будем стрелять без предупреждения!» Разве это не смешно?!

А трагичных... Я помню случай, когда за сутки в бараках умерло 29 человек. Это даже представить себе невозможно... Вышли на работу, нас пересчитали, и столько же человек должно было возвратиться назад. Если кого-то нет, то вся бригада будет мёрзнуть и искать его. Из-за скудости питания у нас такая болезнь была – куриная слепота: ночью человек ничего не видел. Как в какую-нибудь яму провалился, так в ней и остался. Все ведь идут вперёд, конвой подгоняет: «Скорей-скорей!» Зима, холодно... Потом идём обратно, ищем этого человека до тех пор, пока не найдётся. Очень многих находили уже мёртвыми...

У нас было 5 лагерей. В первом из них сидели уголовники. Во втором и третьем были немцы – по 6 тысяч в каждом. В четвертом – «члены семей изменников Родины» (ЧСИР): жёны, у которых мужей расстреляли, и их дети. Много было жён военных. В пятом – политзаключённые по 58-й статье. Все находились в одинаковых условиях. Как немцев сажали без суда и следствия, так и этих женщин. Их тоже заставляли работать. У них в лагере были садик и ясли. Когда ребёнку исполнялось 7 лет, его из лагеря изымали и отправляли в детдом.

В 1943 г. к нам привезли женщин-трудармеек взамен выбывших из строя мужчин. Работали на лесозаготовках, потом на Соликамском бумажном комбинате. Это были женщины, не имевшие детей младше 3-х

лет. У нас есть матери, которые до сих пор не могут найти своих детей. Те попали в детдома, там им дали другие имена и фамилии. Бывает, что родители, наконец, находят детей, а те от них отказываются: «Ты – не моя мама!» Всё это ужасно...

Когда закончилась война, трудармию постепенно распустили, но всех немцев взяли на спецучёт, и мы ещё почти 10 лет были спецпоселенцами без права выезда. После 1956 г. немцам разрешили уезжать, но только не туда, откуда они были выселены. Если посмотреть статистику населения, скажем, Пермской области, то получается, что немцы – трудармейцы и спецпоселенцы – до поры до времени вообще за людей не считались. В результате в 56-м, когда немцев «сняли» со спецпоселения, население нашего города Боровска, где числилось 14 тыс. жителей, сразу же увеличилось на 30 тыс. человек. В один день. Вроде мы до этого и не существовали...

В 1950 г. я решил получить высшее образование, стать инженером-строителем, поскольку всё это время работал на стройке. Так как выезд нам запрещали, то поехать на вступительные экзамены было невозможно. Но медалистов принимали без экзаменов, и я решил ещё раз пойти в школу (вечернюю), чтобы закончить её с медалью. Это мне, несмотря на разные препятствия, удалось, и в 1951 г. я отправил свои документы в Ленинградский – он тогда назывался «Северо-Западный» – политехнический институт, на факультет «Гражданское и промышленное строительство», на заочное отделение (об очном вообще нечего было думать). Я был принят без экзаменов, и зимой 1951–1952 гг. меня вызвали на первую сессию. Обратился – такой был порядок – в МВД, чтобы мне разрешили выезд на экзамены. Был большой скандал: «Как ты посмел!» и т.д. Никто ведь не знал о моём поступлении. В конце концов мне разрешили выехать, но наложили резолюцию: «С сопровождающим...» И вот я в 1952–1953 гг. ездил на экзамены под конвоем. Конвойный передавал меня тамошнему спецкоменданту (я должен был отмечаться каждую неделю), а на обратном пути снова брал под конвой. После смерти Сталина я уже один ездил.

В 58-м окончил институт и стал инженером-строителем. Ещё в трудармии, поскольку я имел блестящее по тем временам образование, меня назначили ответственным по технике безопасности. Когда назначали, я впервые услышал, что есть такая должность. А через 3 дня произошёл несчастный случай со смертельным исходом. Я уже думал:

«Всё! Посадят!» Но, к счастью, выяснилось, что я не виноват. Так и продолжал работать до нового ЧП. На кирпичном заводе – подсобном предприятии Соликамскстроя НКВД – кирпич обжигался в кольцевых печах Гофмана. Чем скорее кирпич оттуда выгрузишь и снова загрузишь, тем больше оборот печи. При температуре свыше 100 градусов возле печи стоял человек с палкой и буквально загонял туда трудармейцев: «Иди, работай!» Я написал предписание, запрещающее там работать, так как при этом грубо нарушались правила техники безопасности. Директор шум поднял: «Я тебя уволю!» Я все это сообщил в вышестоящие инстанции. Главный инженер Управления написал: «Товарищ Щеткин, не занимайся чепухой, Гриб должен работать...» Когда я передавал эту бумагу директору, то, конечно, боялся – он ведь мог со мной сделать всё, что угодно. А тот вызвал меня и говорит: «Ты мне нравишься, ты настойчивый. Таким и нужно быть». С этим директором я потом работал до его ухода на пенсию, был даже начальником снабжения. В общем, трудился там, где было нужно.

Когда получил диплом инженера-строителя, меня немедленно назначили начальником производственного отдела на стройке, через 6 месяцев – начальником СМУ. В 1977 г. я стал заместителем директора по капитальному строительству и на пенсию вышел с этой должности.

Комбинат наш был построен в самом начале войны, как подсобное предприятие Соликамскстроя. Он выпускал всё, что нужно для стройки. Абсолютно всё! В цехе ширпотреба делали спички, сапожный крем, ручки для учеников – что требовалось, то и выпускалось. Изготавливали фурнитуру, двери, окна... Единственное, что мы не успели построить, – это стекольный цех. В 1946 г. наш комбинат стал самостоятельным предприятием, на котором работали практически одни немцы. Они его построили, а потом и дети их стали тут работать. Это было прекрасное предприятие, считавшееся очень престижным.

В июне 1990 г., когда пошли послабления (до этого наша область была закрыта для иностранцев), меня вдруг вызвали и сказали, что приезжает г-н Адамс из Посольства ФРГ, и всех немцев приглашают в Дом культуры. Там нам впервые объявили, что мы теперь полноправные граждане: мол, можете песни свои петь, на своём языке разговаривать. В сентябре (я уже на пенсии был) мы организовали Общество немцев города Соликамска, и меня избрали Председателем. Поскольку я 16 лет был депутатом Горсовета (а затем, вплоть до недавнего

времени, Городской Думы), меня в городе все знали. Строители – люди всегда известные!

Наше Общество получило от властей довольно большую помощь, все основные вопросы мы решали совместно с администрацией. И я убеждён, что главная наша забота – это работа в тесном контакте с администрацией. Не быть нахлебниками, не требовать для себя слишком многого, а нормально сотрудничать. Это, мне кажется, нам удалось.

На вопрос «Есть ли будущее у российских немцев?», я вам категорично скажу: «Да, есть!» Докажу на примере: не так давно я был на семинаре в Оренбуржье, по приглашению правительства Оренбургской области (они же оплатили и проживание, и проезд каждому участнику семинара). До перестройки в Оренбургской области насчитывалось 45 тысяч российских немцев меннонитов, которые жили в 9 деревнях области. Представляете, какие это были деревни! А когда Ельцин заявил, что ляжет на рельсы железнодорожного полотна, но немецкой республики в России не будет, 40 тысяч немцев собрались и уехали в Германию. В Оренбургской области осталось только пять тысяч российских немцев.

Сейчас в этих деревнях живет уже 18 тысяч российских немцев, которые приехали из других областей. Почему власти нас туда собрали? Для чего потратило правительство Оренбурга деньги, пригласив по 1–2 человека из каждого субъекта РФ? Для того, чтобы показать, что они там делают, как живут и как можно жить. Чтобы мы тоже захотели поехать туда жить. Потому что там есть условия жить нормально. В Оренбургской области нашелся учитель истории, который объединил все паи. Сейчас у него 80 000 га пшеницы. И 2 000 немцев работают у него. И сейчас в центре Оренбурга строят национальную деревню. У каждой национальности есть свой дом!

Будет ли в таких условиях будущее у немцев? Конечно, они там сохранятся. Многое зависит от местной власти. В начале перестройки у пермской власти тоже были прекрасные проекты. Они хотели в Усть-Качке построить немецкую слободу, в Соликамск хотели 300 семей принять. А совхоз «Черный», в котором жили одни немцы, где было прекрасное хозяйство, 8 тыс. литров молока давала корова, это в те годы. Сейчас об этом приходится только вспоминать...

Так что у российских немцев есть будущее, но только в тех регионах России, в которых местное правительство заинтересовано в

этом. Возможно, и у нашего правительства намечаются какие-то планы по построению немецкой слободы в Пермском крае, но мы пока об этом еще не знаем.

...К сожалению, в последние годы лучшие представители нашего народа уезжают в Германию. Им там тоже несладко. Мало кто работает по специальности и удовлетворен своим положением. Там нет проблем с квартирами, с питанием, государство заботится о стариках, детях. Но удовлетворения у большинства наших переселенцев нет...

Очень плохо, что Россия теряет хороших работников, а они там, в Германии, не находят применения своим способностям. Они сравнивают себя с местными и видят, что находятся в каком-то униженном положении. Если у нас в стране жизнь станет чуть-чуть легче, количество возвращающихся будет расти. Поэтому нужен закон, определяющий статус переселенца, вернувшегося в Россию.

Хотелось бы обратить внимание на то, что о нашей истории пишут только газеты, издающиеся для немцев. Надо собрать то, что издается по истории российских немцев, и направить во все библиотеки – городские, областные, республиканские. Там этой литературы нет. Издавая книги, брошюры, газеты, вы должны посылать нам и экземпляры для местных библиотек, чтобы представители других национальностей тоже получили представление о нашей истории. Ведь до сих пор даже люди образованные порой спрашивают: «Почему вы остались здесь после войны?» Они думают, что немцы, живущие в России, просто не захотели в свое время вернуться в Германию.

Люди должны знать, кто такие российские немцы, как они здесь появились, как себя проявили и что сделали для России.

ГРАНИЦА МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ И ДИКОСТЬЮ (О судьбах пермских немцев)

Во время переписи населения, проходившей еще при советской власти, жительнице Перми Эмме Карловне Вязниковой задавали вопрос, кем она хочет записаться, русской или немкой. Вроде бы, говорит и думает женщина по-русски, и все немецкие привязанности уже давно ослабели... Стало быть, русская? Но Эмма Карловна, уроженка Республики немцев Поволжья, ответила, что останется немкой...

Время, когда российские немцы жили своей республикой, относится к периоду расцвета и сближения наций. Напомню, что массовое переселение немцев в Россию началось в период царствования Екатерины Великой, которая пригласила их осваивать просторы обширной империи. Хотя и при Петре I в Москве существовала немецкая слобода. Вклад колонистов в развитие малозаселенных, но весьма плодородных российских земель оказался довольно значительным и позитивным. Это касается и поволжских немцев.

В СССР в конце 1920-х была создана даже автономная советская социалистическая Республика немцев Поволжья (АССР НП). Что представляла эта территория в 28 тысяч квадратных километров, граничившая с Саратовской и Сталинградской областями и Казахской ССР? В приветствии СНК по случаю 15-летия немецкой автономии говорилось, что она стала «одной из передовых республик Советского Союза, полностью ликвидировала неграмотность, успешно идет вперед по пути культурного и хозяйственного подъема». Накануне войны в республике проживало более полумиллиона человек. Республика делилась на кантоны, со столицей в городе Энгельсе. По национальному составу: немцев было 66,4 процента, русских – 20,4; украинцев – 12 процентов... (данные на 1933 год).

Особенно успешно шли дела в сферах обрабатывающей и легкой промышленности, сельского хозяйства. Обязательное обучение в школах велось на родном языке. В республике работали пять вузов, национальный немецкий театр, детский театр, 52 кинотеатра, издавалось 29 газет, из них 21 – на немецком языке.

Таким образом, российские немцы доказали, что хорошие работники могут добиваться успехов при любом строе. За достижения в стро-

ительстве социализма Республика была награждена орденом Ленина. Но война и последовавший через два месяца после нападения гитлеровцев Указ (его называют «сталинским», хотя формально он обнародован за подписью М.И. Калинина) от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, живущих в районе Поволжья» (опубликован на русском и немецком языках), все перечеркнули.

Помимо немцев Поволжья в предвоенное время подвергались депортации и другие немцы – крымские, кавказские. Всего, по данным НКВД, было насильственно перемещено несколько сот тысяч советских (российских) немцев. Примерно 40 000 из них оказалось на территории Молотовской (Пермской) области. Основными местами сосредоточения депортированных стали Усольский и Соликамский лагеря, тресты Кизелшахтстрой, Кизелуголь, Коспашуголь, Молотовнефтьстрой, город Краснокамск, Юго-Камский завод.

Немало испытаний выпало на долю каждого из этих страдальцев. Сейчас уже об этом опубликованы книги, воспоминания, научные труды. И как покрыть столь неоплатный долг, как восстановить историческую справедливость?

Непросто дается и каждому из этих людей с покоренной судьбой самоидентификация личности, обретение себя. Весьма поучительна и характерна семейная история упомянутой выше Э.К. Вязниковой (ныне живет в Германии). В послевоенные годы жизнь ее более-менее наладилась, она вышла замуж за офицера, русского. Сын Александр окончил в Перми школу, затем вуз в Ленинграде. И, несмотря на успешное начало служебной карьеры, он стал одним из первых «невозвращенцев» эпохи перестройки, молодой инженер в 1988 году не вернулся в СССР из заграничной командировки.

Александр взял фамилию своих немецких предков – Папст. Возвращение к немецким корням шло трудно, это видно по его письмам того периода, с которыми нас любезно познакомила перед отъездом к сыну Эмма Карловна. Понадобились свидетельства людей, знавших его мать по годам жизни в Поволжской республике.

«...Раскопать хорошенько немецкое прошлое, – пишет Александр, – важно для всей семьи... Вольно или невольно ты с сестрами помогала властям это прошлое хоронить. Жизнь это не облегчило никому и никого не спасло. Не исправить прошлого, а о будущем надо думать всегда.

Нет смысла сравнивать русских и немцев, кто лучше, кто хуже. Но еще меньше смысла добровольно отказываться от того, что твои предки пронесли через десятилетия жизни в России. Ведь зовут тебя Эмма, а не Прасковья...» (Кстати, Прасковьей звали бабушку Саши по другой линии, отцовской).

Он вспоминает роман «Мы не пыль на ветру» и задается вопросом: «Мы-то кто, наша семья? Нет многих могил, не поправишь того. Но ведь и памяти нет. У меня архив семьи по немецкой линии за 200 лет – всего несколько фотографий.

Если и есть какая-то граница между культурой и дикостью, то пролегает она где-то в отношении человека и материальной памяти о себе... Немецкий ты учила не по учебникам. Отношение к труду у тебя вряд ли от «энтузиазма» 30-х привито, этот «энтузиазм» уже и советская пресса трезво оценила, а ты ведь до сих пор, как белка в колесе, крутишься. А каковы результаты?

Неужели не жалко, что сведут на нет Папстов и Хорстов?..»

Трагедия семьи в том еще, что отец ушел в мир иной, так и не поняв сына, не одобрив его отчаянного «прорыва» к немецким корням. Натурализоваться Александру удалось, хоть и долго пришлось ждать вождя результата. Долгожданный свидетель был найден через объявление в газете: старик из бывших поволжских немцев вспомнил однокашницу, и даже то, как он аккомпанировал ей на аккордеоне во время выпускного бала. В далеком счастливом предвоенном году...

В перестроечные годы для таких людей очень остро стоял вопрос, будет ли восстановлена Республика немцев Поволжья. Однако курс при Борисе Ельцине был взят иной – на создание национально-культурных ассоциаций, на укрепление национальных районов по месту компактного проживания немцев (например, в Омской области).

Это не устроило многих, в результате массовую эмиграцию немцев в фатерлянд остановить не удалось. Ценнейшие работники уезжали из России и бывших советских республик.

Критиков ельцинского курса появилось немало. Нужно отметить, однако, что и среди самих немцев не было единой позиции. В 1990 году, по данным соцопроса, среди немцев СССР только 13 процентов высказались за Поволжье, а более 70 процентов – за Калининград, что, впрочем, вполне объяснимо. Тогдашний лидер общества «Видергербурт» («Возрождение») Гуго Вормсбахер писал: «К Волге тяготеют в основном выходцы

из этого региона. Но ведь в Поволжье до войны жила лишь четверть нашего народа, да и в экономическом и культурном отношении АССР НП уступала немецким общинам на Украине, в Крыму, на Кавказе... Калининградская область – бывшая немецкая земля, которая гораздо ближе к Европе, к немецкоязычным странам».

Таким образом, сначала был закрыт поволжский вариант. Что подтвердилось в правительственных документах и регламентациях. А затем для российских немцев перекрыли и калининградский коридор выхода из тупика. Возделенная мечта рухнула. На пермских немцах это отразилось так же, как и на выходцах из других регионов. Количество их резко уменьшилось. Один факт: состав правления Общества пермских немцев практически полностью обновлялся каждые четыре-пять лет с пугающей регулярностью.

Хотя, с другой стороны, у данного процесса есть, конечно, и положительная сторона. Во многих случаях люди обретают свои корни, положительно решается проблема самоидентификации, идет воссоединение семей.

Уезжают, тем не менее, далеко не все. Мне довелось познакомиться с одним из тех, кто остался в Перми, – Генрих Эпп, ветеран педагогического труда и ветеран трудармии, строитель Златоуста. Кстати, он – отец солиста пермской оперы, заслуженного артиста России Владимира Григорьева, недавно ушедшего из жизни. Несмотря на свой солидный возраст, ветеран не жил замкнутой жизнью, он участвовал в жизни общества пермских немцев в качестве сценариста концертов и поэта. Одно из своих философских стихотворений с названием «Куда идешь, Россия?» Эпп заканчивает, однако, на такой ноте: «...Так пусть любовь сердца роднит, не будем ждать мессию! Я верю: теплый свет возрастит побегу славные России». – Перевод Л. Слюсаря, товарища Г. Эппа по литобъединению.

Генрих Эпп сумел определить для себя «границу между культурой и дикостью», ту границу, о поисках которой писал в своих искренних посланиях на свою уральскую Родину выпускник пермской школы № 92, а ныне преуспевающий германский житель*.

Об этом же размышляли в своих рефератах старшеклассники из Гремячинска Иван Вебер и Кирилл Симаков – участники областной

* Поклон с берегов Майна. – Пермские новости. 1992. № 38.

научной конференции учащихся, состоявшейся в 1999 году. Иван написал прекрасную, глубокую работу о судьбе поволжского немца, своего деда Артура Вебера. Кирилл воссоздал поучительные страницы жизни семьи Гебель – строителей города.

«...Они не герои, а самые, казалось бы, обыкновенные люди, отдавшие свою жизнь тяжелому повседневному труду, – размышляет Кирилл. – Но почему же сегодня так хочется хоть чуть-чуть быть на них похожими?»

Вопреки всему быть достойным, жизнелюбивым, общительным, энергичным... И верить, твердо верить в то, что лучшее будущее обязательно наступит. Если мы не лишимся исторической памяти...».

Библиография, источники

- Гордость земли пермской. Почетные граждане Прикамья. – П., 2003. (о Вагнере Е.А.).
- Гергерт В. Мечта и грешная земля. – П., 1994.
- Герман А.А. Если останусь жив... (о Грибе Э.). – М., 2007.
- Гладышев В.Ф. Чехов и Пермь. Легенда о трех сестрах. (О сестрах Циммерман). – П., 2008.
- Гроза двенадцатого года./ О.В. Галлери и др./ – П., 2012.
- Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. – П., 1885 (О приезде А. Гумбольдта).
- Записки Русского технического общества, 1869 г. Отчет Ф.В. Пестича/См.: 13-е Смышляевские чтения. – П., 2013.
- Канторович Г.Д. Хранитель каменной летописи. (О Тольцине-ре Ф.М.). Сб. Архив наследие-2000. – М., 2001.
- Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. – Свердловск, 1971.
- Лапшина С.Т. Кунгурский городничий, стр.102. / В сб. Кунгурский диалог. Материалы Грибушинских чтений-2013.
- Мушкалов С.М. Алексей Губкин и его наследники. – Пермь, 2008.
- Немцы в Прикамье. XX век. Сб. документов и материалов в 2-х томах. – П., 2006.
- Вайман Д., Черных А. Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX–нач. XXI вв). – П., С-Пб., 2008.
- Осоргин М. Мемуарная проза. – Пермь. 1992. / Известные по качеству. (О Медеме А.А.) – С. 227–234.
- Профессора Пермского университета (1916–2001).
- Черенев Б. К сему имею честь. (о К. Модерахе, Ф. Грале). – П., 1993.
- Чермоз: вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конференции. – П., 2002.
- Энциклопедии немцев России. – М., 2001.
- Gothaisches Genealogisches Taschenbuch, Gotha, 1914, S. 529-32.
- Архивы: РГИА, ф. 740, оп. 18, д. 141; ф. 1349, оп. 3, д. 1219.
- ГА Пермского края. (ГАПК), ф. 172, оп. 1, д. 29; личный фонд А.А. Кюнцеля. Р-1596, оп.1.
- Центральный ГА РФ (Москва), ф. 977, оп. л/д, д. 34296.

Газетные публикации

Арнольд Райник: «Я начал танцевать... после перелома ноги». Интервью с ним Б. Черенева. // газета «Пермские новости», 1996 г.

Гладышев В. Немецкий исход, или инстинкт национального самосохранения. //Время, 1990 г.

Гладышев В. Рерих едет в командировку в Германию. //Газета «Местное время» 18 июля 1995 г.

Кислинг В. Вчера пнули – сегодня упал. «Новый компаньон», 16 июля 2013 г.

ГУМБОЛЬДТ В ПЕРМИ

«Уловить таинственные законы Магнетизма»

В девятнадцатом столетии иностранцы нечасто посещали Пермь. Как правило, это были путешественники-ученые, разъезжавшие по Уралу в поисках научных открытий. Так, в конце 20-х годов XIX в. русское правительство пригласило известного немецкого ученого А. Гумбольдта посетить Россию, и, в частности, горнопромышленный район Урала. Гумбольдт с воодушевлением принял предложение, и в 1829 г. такая поездка состоялась.

Летом того же года, приехав в Пермь, Александр фон Гумбольдт производил физические опыты в ротонде на бульваре в Загородном саду. Вместе с берлинскими профессорами – ботаником Эренбергом и геологом Розе – А. Гумбольдт провел измерения по барометру с магнитной стрелкой. Ротонда послужила для ученых пунктом наблюдения. (См.: А. Дмитриев. Очерки из истории губернского города Пермию. – П., 1885).

В частности, Гумбольдт впервые определил географические координаты Перми: 58 градусов северной широты и 25 градусов восточной долготы.

Суть своих русских экспериментов ученый кратко охарактеризовал на заседании Российской Академии наук в апреле того же 1829 года:

«...Российская академия должна построить навильон для постоянных наблюдений над склонениями магнитной стрелки. Магнитная служба в недалеком будущем охватит весь мир, она позволит, наконец, уловить таинственные законы земного магнетизма, последствия чего для науки неисчислимы». (В. Сафонов. «А. Гумбольдт», серия ЖЗЛ. – М., 1936).

Об этой экспедиции, богатой научными результатами, появилась статья «Путешествие Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 г.». Она

переведена с немецкого краеведом Николаем Чупиным, опубликована с дополнениями и примечаниями в сборнике «Записки Уральского общества любителей естествознания» 1873 и 1878 гг.

Надо отметить, что тогдашним пермским губернатором Кириллом Тюфяевым было сделано все и даже больше, чтобы знаменитый ученый получил все, что хотел. Иначе и быть не могло: путешествием интересовался сам царь-батюшка! В одном из екатеринбургских архивов сохранилось письмо пермского гражданского губернатора, в котором говорится, что государь император «высочайше повелеть соизволил сделать распоряжения, чтобы со стороны местного гражданского начальства барону Гумбольдту оказывалось ...всякое содействие и пособие, во исполнение монаршей воли».

Щедрость и любезность российского правительства поистине удивительны. Еще в Берлине Гумбольдт получил вексель на 1 200 червонцев, а в Петербурге – 20 тысяч рублей. Посетив Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, ученый был поражен вниманием русских к его персоне. «Постоянные приветствия, – вспоминал он, – заботливость и предупредительность со стороны полиции, чиновников, казаков, почетной стражи! К сожалению, почти ни на минуту не остаешься один: нельзя сделать шагу, чтобы не подхватили под руки, как больного». Всюду были заранее подготовлены экипажи, квартиры, лошади; в проводники Гумбольдту назначен чиновник горного департамента Меншенин, владевший немецким и французским языками; в опасных местах на азиатской границе путешественников должен был сопровождать конвой; местные власти заранее уведомлялись о прибытии путешественников, и так далее.

Словом, это путешествие походило на поездку какой-нибудь владетельной особы и вовсе не напоминало ситуацию, когда Гумбольдт с коллегой Бонпланом плыли по Ориноко в индейском челне или, босые и промокшие до нитки, пешком перебирались через Анды.

Оказать содействие России

Как уже сказано, Гумбольдта сопровождали Густав Розе (также ставший в 1829 году иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук) и другой верный соратник ученого, г-н Эренберг. Первый вел дневник путешествия и занимался минералогическими исследованиями; второй собирал ботанические и зоологические

коллекции. Сам Гумбольдт взял на себя наблюдения над магнетизмом, астрономическое определение мест и общее геологическое и географическое исследование.

Никаких стеснительных условий на него не возлагалось. Русское правительство заявило, что выбор направления и цели путешествия предоставляется вполне на усмотрение Гумбольдта, и что правительство желает только «оказать содействие науке и, насколько возможно, промышленности России».

12 апреля 1829 года Гумбольдт оставил Берлин и 1 мая прибыл в Петербург. Отсюда путешественники отправились через Москву и Владимир в Нижний Новгород. Всюду, начиная с Петербурга, их принимали самым торжественным образом.

Из Нижнего отправились по Волге в Казань, оттуда в Пермь и Екатеринбург. Здесь, собственно, начиналось настоящее путешествие. В течение нескольких недель путешественники разъезжали по Нижнему и Среднему Уралу, исследовали его геологию, посетили главнейшие заводы – Невьянск, Верхотурье, Богословск и другие, осмотрели разработки железа, золота, платины, малахита и прочего. Гумбольдт не мог не обратить внимания на жалкое положение крепостных и невозможное состояние промышленности, но говорить об этом было неудобно, и он обещал министру финансов Канкрину – с которым переписывался вполне откровенно – не выносить сора из избы... Хотя сразу скажем, сдержать полностью свое обещание ученый не смог.

Подарок к юбилею ученого

Осмотревши уральские заводы, путешественники отправились в Тобольск, а оттуда, через Барнаул, Семипалатинск и Омск, в Миасс. Путь лежал через Барабинскую степь, где в то время свирепствовала сибирская язва. Мириады комаров и мошек терзали путешественников не хуже американских москитов. Зато удалось собрать богатейшие зоологические и ботанические коллекции к великой радости Эренберга, который иногда приходил в отчаяние, встречая на Уральском хребте все те же растения, что и в центре Европы.

Можно себе представить, какой переполох вызвало появление Гумбольдта среди захоластного начальства, какие легенды создавались о нем среди местного населения!.. В Омске его приветствовали на трех

языках: русском, татарском и монгольском. В Миассе, где Гумбольдт отпраздновал шестидесятилетие, офицер подарил ему... саблю из дамасской стали! На Оренбургской военной линии коменданты маленьких крепостей встречали его в полной форме, со всеми военными почестями и рапортами о состоянии подведомственных им войск. Толпы народа сбегались посмотреть на загадочного путешественника, едущего с такой помпой.

Из Миасса Гумбольдт предпринял несколько экскурсий в Златоуст, Кичимск и другие местности, затем отправился в Орск, а оттуда – в Оренбург. Здесь случилось довольно забавное происшествие. Гумбольдт написал оренбургскому губернатору, генералу Эссену, письмо, в котором просил его позаботиться о собирании местных животных. Почерк Гумбольдта был крайне неразборчив, Эссен не мог прочесть письмо, оно долго ходило по рукам; наконец какому-то чиновнику удалось разобрать мудреную грамоту. Узнав о ее содержании, Эссен не на шутку обиделся. «Не понимаю, как прусский король мог дать такой важный чин человеку, который занимается подобными пустяками»,— заметил он и уехал из Оренбурга, может быть, приняв просьбу Гумбольдта за насмешку.

Осмотрев илецкие соляные залежи, путешественники отправились в Астрахань: Гумбольдт «не хотел умирать, не повидав Каспийского моря». В Астрахани, как водится, торжественный прием: депутация от русского купечества с хлебом и солью и целая коллекция инородцев. Живой этнографический «атлас»: персы, армяне, узбеки, татары, туркмены, калмыки – тоже в качестве депутатов.

У пермского периода есть соавтор

Из Астрахани путешественники совершили небольшую поездку по Каспийскому морю; затем отправились обратно в Петербург, куда прибыли 13 ноября 1829 года. В течение восьми месяцев было сделано 18 тысяч верст; в том числе 790 водою – по рекам и Каспийскому морю; 53 раза переправлялись через реки; 658 почтовых станций должны были употребить в дело 12 тысяч 244 лошади. При таких темпах многое, достойное внимания, было упущено из виду. Так, например, М.А. Энгельгардт, один из первых биографов немецкого ученого, пишет, что именно Гумбольдт обратил внимание на замечательные геологические отложения Пермской

губернии, но не успел исследовать их. Позднее в письме к шотландцу Родерику Мурчисону, предпринявшему путешествие в Россию, Гумбольдт посоветует обратить внимание на эти отложения.

Таким образом, у «пермского периода» есть соавтор! Мурчисон выделил пласты в особую систему, которой дал название «Пермская».

К великой радости ученого, «Аристотеля XIX века», подтвердилось и его предположение о том, что на Урале будут найдены алмазы. В письме министру Канкрину Гумбольдт даже сравнил Урал с Дорадо, на тот момент самым известным «алмазным гнездом» мира. Кстати, именно Гумбольдт весьма скептически оценивал планы ведомства Канкрина наладить выпуск платиновой монеты, и он оказался прав.

Ученый был поистине неутомим: он лазил на горы, спускался в тесные мрачные штольни, всюду выбирая образцы минералов и пород. А также определял высоты и следил за магнитной стрелкой – великие законы магнетизма не отпускали его ни на день. Побывав по приглашению томского губернатора на рудниках, он ужаснулся чудовищной потере серебра: в среднем он определил ее в 27 процентов, а на рудниках – до 50 процентов.

«O, Uralwein!»

Не обошлось и без сюрпризов. Как пишет русский литератор и путешественник Е. Вердеревский, на Урале Гумбольдт очень много пил чая, а также полюбил рябиновку. При виде ее всегда восхищенно приговаривал: «O, Uralwein!»

Может быть, от усталости, а может, от увлеченности рябиновкой после трудной дороги, путешественник стал однажды в Екатеринбурге жертвой аферы. Его – крупного специалиста! – форменным образом надули, продав ему за 600 рублей серебром изделия якобы из топазов (вазы). Причем местный хитрый делец так все ловко устроил, что немец даже не потребовал обратно денег, когда обман раскрылся. Говорили, что на эти деньги была построена одна из старых екатеринбургских гостиниц.

Благодаря режиму наибольшего благоприятствования и всевозможным удобствам, которыми пользовались путешественники, а еще в большей степени, конечно, их научному рвению, уральская экспедиция Гумбольдта дала богатые результаты.

Ведь было исполнено даже пожелание путешественника собирать коллекцию уральских минералов в двух экземплярах: один –

для берлинской академии, другой – для российского горного кадетского корпуса. А речь шла, между прочим, о том, чтобы отпускать барону с приисков «несколько золота в зернах и мелких самородках для надлежащего испытания», а также платину в малом количестве, тоже для опытов. В июне 1829 года горный начальник, в частности, докладывает наверх, что господин действительный тайный советник барон Гумбольдт в Сысертском заводе получил от «господ наследников Турчаниновых три золотника шлиховатого золота». А в Нижнетагильском заводе господ Демидовых – аж семь с половиной золотников и платины.

Хочу стать русским... как стал испанцем

23 июля собранные Гумбольдтом минералы, золотые самородки были «закупорены в 14 деревянных ящичков, окованных железными обручами с наугольниками и запечатанных казенной печатью весом с укупоркой 69 пудов 7 фунтов (пуд – 16 кг)». Доставить в С.-Петербург приказано было в 60 дней.

Договор об условиях упаковки-укупорки ящичков был подписан с толковым работником, мастером на все руки. Но вот беда, он не был обучен грамоте! Путешественник Прусского королевства барон Гумбольдт слегка озадачился этим обстоятельством... но ненадолго. Вместо неграмотного тобольского крестьянина Степана Киселева по его просьбе условия договора подписал – руку приложил унтер-офицер Пермской горной военной команды. И дело было сделано как надо.

Итак, монаршая воля была выполнена. На высочайшей аудиенции в Петербурге император сказал Гумбольдту по-французски:

– Ваш приезд в Россию вызвал громадные успехи в моей стране. Вы распространяете жизнь повсюду, где вы проходите.

На прощанье он подарил путешественнику соболью шубу и вазу с пьедесталом высотой в 7 футов (1 фут – 0,3 метра)!

Все это свидетельствовало о том, что Александр Гумбольдт не забыл о своем полусушутливом обещании, данном им перед приездом: «стать русским, как стал испанцем».

**В.Ф. Гладышев,
председатель общества «Пермский краевед»,
член Союза писателей России**

ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРА А. КЮНЦЕЛЯ О ПЕРМИ РУБЕЖА XIX-XX веков*

Сестры Циммерман

Маргарита Владимировна Циммерман, родная сестра моей матери (Генриетты Владимировны – ред.), была младшей, а старшую сестру звали Оттилия Владимировна. Первая, как у нас ее звали, тетя Гера, в молодости была интересной женщиной, отличалась крайне добрым характером, замуж не вышла, но детей очень любила. Она имела воспитанника, Виктора Александровича Попова, сына железнодорожного кондуктора, вдового средних лет мужчины, находившегося постоянно в разъездах.

Начальница гимназии Оттилия Владимировна отличалась замкнутым характером, получила среднее образование, окончив Мариинскую женскую гимназию. Тетя Отя, как мы ее звали, была довольно сухая женщина, крайне аккуратная, строгая, не терпела небрежности. Замужем не была. Хорошо играла на фортепьяно, у нее было собственное дорогое пианино, которое во время голода в гражданскую войну пришлось обменять на мешок картофеля. Она носила простую прическу, зачесывая волосы назад, хорошо одевалась, носила серьги с крупной бирюзой и брильянтом. Знала языки – французский и немецкий – и часто делала замечания на этих языках, когда видела непорядки. Когда я приходил в гимназию и попадался ей на глаза, она всегда справлялась, чистил ли я зубы и мыл ли руки и лицо. Нередко добродушно угрожала и говорила мне «кляпс на рот», и я ее побаивался.

Сестры жили вместе, но каждая в своей отдельной комнате. Тетя Отя, когда уже была гимназия, помещавшаяся на Вознесенской улице в доме Третьякова, жила в конце здания, в комнате с отдельным ходом. Рядом в зале стояло ее пианино, и она вела жизнь довольно уединенную.

Вначале тетки мои открыли частную школку для городских детей с младшими классами. В ней я учился, начиная с приготовительного

* Александр Александрович Кюнцель (1898–1984) – врач, кандидат мед. наук, основатель Пермского общества физиотерапевтов, организатор скаутского движения в Перми. Воспоминания записаны в 1971 году. Его брат, Владимир Александрович Кюнцель, был директором Пермской частной гимназии сестер Циммерман; доцент Пермского сельскохозяйственного института и географического факультета Пермского университета.

класса. В моем архиве есть фотография состава этой школки, сняты дети и я с ними, тетки и даже бабушка, преподававший Закон Божий. Ранние годы я, к сожалению, не помню. Помню только, когда школка уже превратилась сначала в прогимназию и затем в гимназию (8 классов) с правами правительственной, она занимала двухэтажный дом, как говорили, генерала Третьякова (дом, построенный для полковника Турчанинова, позднее приобрела вдова Третьякова – ред.). Дом большой, парадный вход с Вознесенской, на верхний этаж ведет чугунная лестница. Другой ход был в нижний этаж (им и пользовались) с улицы Соликамской (Горького). Здесь после входа была большая передняя, с вешалкой для одежды, далее проходили в полукруглую комнату, откуда был ход в небольшую комнату, уставленную шкафами с книгами. Окна этой комнаты выходили в небольшой липовый сад. Форма окон вверху – полукруглая. (...)

В кухне жила кухарка и одновременно уборщица. Она готовила пищу теткам. В качестве экономки по хозяйству у теток жила бывшая моя няня, Аграфена Савельевна Лоскутова (ей было лет шестьдесят). Она жила в маленькой комнате рядом с комнатой тети Геры, т.е. Маргариты Владимировны, и заправляла всем хозяйством теток. «Нянюшка» или «Аграфенушка» раньше была замужем, но вскоре овдовела и долгое время жила у моей матери в прислугах и няней. Вынянчила брата, двух сестер и меня и была как своя в нашей семье, а так как по старости не могла уже помогать матери полноценно, то и была устроена у моих теток. Она была уже дряхлая и не выходила никуда из дома. В коридоре у нее стоял большой белый (!) сундук, наполненный подаренными ей вещами за время ее долгой жизни у нас.

Ведь каждый большой праздник (Рождество, день именин и т.д.) полагалось в нашей семье делать подарки – отрез на платье, например. Все это накоплялось и складывалось в сундук. Когда к ней приходила племянница, няня всегда дарила ей что-либо из заветного сундука. Нянюшка очень любила меня, последнего ее питомца, всегда встречала меня по приходе в гимназию по утрам, кормила меня в перемены, покупала мне сласти. Напротив гимназии была лавочка, где и я, будучи уже подростком в старших классах, покупал папиросы.

Нянюшка, как запомнилось мне на всю жизнь, провожала меня всегда домой, стоя на крыльце, махала мне на прощанье рукой. Мы все очень любили Аграфенушку.

Я брал из библиотеки гимназии романы Густава Эмара из жизни «краснокожих», «Приключения Тома Сойера и Гека Финна», Майн

Рида, которыми я зачитывался в детстве, рыцарские истории, которые частью рассказывали мне старшая сестра Юлия Александровна и мой брат Владимир во время прогулок в лесу, когда мы летом выезжали куда-либо на дачу. Обычно брат выбирал себе соломинку или травинку и, вертя ее в пальцах, рассказывал разные истории, страшные и занимательные, которые он брал, возможно, из прочитанных романов Вальтера Скотта, Гюго и других писателей. Брат очень хорошо умел вырезывать фигурки рыцарей и знатных дам, раскрашивал их, давал им имена, и они с сестрой Юлией устраивали целые театральные представления из рыцарских романов, причем, когда во время сражений или поединков персонажи погибали, они разрывали эти фигурки, и мне было их очень жаль, и я ревел, конечно. У меня были и готовые, покупные детские театры из картона в соответствии с оперным сюжетом (их продавали в игрушечном магазине), например, «Мазепа», кажется, пять действий составлялись в фигурах, декорациях и с текстом. Впоследствии брат часто вырезал мне из бумаги фигуры морских судов, целые флотилии. Был у меня турецкий флот, русский флот, броненосцы, крейсера, миноноски составляли отдельные флотилии. Помню имя броненосца «Три святителя», например. Я очень любил играть в морские сражения, составляя свои бумажные корабли на полу или столе. Потом, когда уже был подростком, появился у меня товарищ Кронид Любимов, мы жили рядом домами и всегда играли, устраивая сражения на шпагах, сделанных из лучины, бегали по крышам и заборам в погоне за противником.

Учился я прилежно и всегда имел отличные отметки, которые заслуживал прилежанием, трудом и упорством. Правда, математика мне давалась трудно, и еще как-то плохо давался немецкий язык, недаром в аттестате зрелости по немецкому языку была у меня четверка, несмотря на то, что преподавала его в нашей гимназии моя тетка Маргарита Владимировна. Переводы на русский с латинского я делал так же, как и другие, с помощью «подстрочника», то есть неофициально продаваемой книжки переводов. В те времена изучение языков было много свободнее, чем раньше, правда, учитель латинского языка был довольно суровый старичок, похожий на доктора Айболита, фамилию его я забыл. Имея «подстрочник», конечно, домашние задания было делать нетрудно, переводя Юлиа Цезаря или Тита Ливия.

Французский язык преподавала дочка владельца здания гимназии Третьякова Елизавета Александровна, недавно закончившая Институт благородных девиц, крупная дама, незамужняя. Ее сестра, маленького роста женщина, тогда незамужняя, впоследствии работала врачом

со мной в психиатрической больнице, она отличалась странностями в характере. Старшая сестра Елизавета Александровна впоследствии лечилась в физиотерапевтическом отделении областной больницы и принесла в дар старые книги и материалы своего отца, который был врачом и владел раньше известным теперь курортом Курьи Уральские в ста верстах от города Свердловска.

В их семье был еще брат Александр Александрович Третьяков, врач по профессии, лаборант при туберкулезном диспансере. После войны лечился от контузии и передвигался по улице с помощью табуретки, двигая ее перед собой и опираясь на нее (я сам видел это оригинальное передвижение). Впоследствии он стал регентом церковного хора при Новокладбищенской (Всехсвятской) церкви, затем женился, уехал в Коломну или Серпухов (под Москвой), где жил состоятельно, также работая регентом в церкви.

Верхний этаж здания гимназии занимали старшие классы. В здании было всего более двадцати комнат. Кроме двух этажей, в части здания был еще и третий этаж, куда можно было подняться по утепленной лестнице. Там было две комнаты, где жил теткин племянник Володя. Он учился на медицинском факультете Казанского университета и приезжал на каникулы. Володя был хороший охотник, имел породистую собаку, пойнтера, и нередко приезжал к нам летом в гости на охоту в деревню Конец Бора. Он был интересный молодой человек и хорошо одевался, ухаживал за моей младшей сестрой Герой. Внезапно он кончил жизнь самоубийством – застрелился. (По семейному преданию, причиной этого стала как раз неразделенная любовь – ред.)

Тетки мои в свое детище вкладывали все свои сбережения. Однако, видимо, средств не хватало, и их заведение с правами правительственной гимназии пользовалось также вспомоществованиями и льготами Министерства просвещения, добываясь их через Н.А. Андрианова, жившего в Петербурге и занимавшего должность директора Департамента просвещения. Тетки, как я слышал в детстве, пользовались протекцией этого государственного мужа, дальнего их родственника.

Когда я учился в Петроградской императорской Военно-медицинской Академии (1916, 1917 годы), я один раз был с визитом у этого родича, которого я не видел, но зато разговаривал с его дочкой. Впоследствии этот родич отправил своего побочного сына, слабоумного, в возрасте 30 лет, к теткам, уже после революции, когда в Петрограде было туго. Однако тот вскоре умер, так как и в нашем городе с продовольствием было плохо, и гимназия уже пришла в упадок.

Номинально Оттилия Владимировна числилась начальницей гимназии, только в последние годы, когда я был уже в старших классах, возглавлял учреждение директор Григорий Александрович Орлов, приехавший из Уфы в чине действительного статского советника. Это был низкого роста, полный мужчина с бородкой и добрыми глазами, всегда в форменном сюртуке и при шпаге, симпатичный. У него была сравнительно еще молодая интересная жена и двое сыновей, поступивших в правительственную гимназию. Жили они рядом в особнячке, у того же хозяина.

Инспектором гимназии был мой брат Владимир Александрович Кюнцель. Брат после пермской городской гимназии окончил физико-математический факультет Казанского университета. Служил вначале в Варшаве, потом в Самаре и, наконец, в Перми, где жили родители. Отец тогда уже был в отставке, и брат, по сути дела, содержал всю семью. Он был холост. По совместительству еще преподавал в женской Александровской гимназии (ныне гимназия № 11).

Учителем математики был Горячев Николай Никанорович, магистр чистой математики. Он немножко заикался в разговоре. Знал наизусть целые страницы логарифмов и мог быстро в уме производить счет большим числам. Злые языки говорили, что он был членом «Союза русского народа», то есть черносотенной организации, но я ничего такого в нем не замечал при разговоре с ним. Он любил выпить, на этой почве был слаб. Однако характера был смиренного, добрый и тихий человек, нам очень нравился. Иногда приходил в класс с подбитым глазом, и мы, ученики, предполагали, что это его жена дома поучила, он же говорил, что упал и ушибся. Николай Никанорович всегда ходил в форменном сюртуке. Жил он в собственном домике по Екатерининской улице, рядом с аптекой Пельзандт (теперь Большевицкая улица, напротив дома № 51). Я и мои приятели, Шумский Сигизмунд Игнатьевич и Матвеев, сын фабриканта по выделке хмеля в Перми, познакомились в личной жизни с Николаем Никаноровичем и бывали у него в гостях, и по окончании гимназии даже ездили на пароходе вместе в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку. Хороший был человек Н.Н. Горячев, впоследствии профессор Томского университета, как я слышал.

Историю преподавал Сергей Григорьевич Макухин, веселый человек, с длинными волосами, в пенсне, в форменном сюртуке. Говорили, что он – социалист-революционер и под надзором полиции. Он был добрый, славный и милый человек, никогда не сердился. Русский язык и словесность преподавал Владимир Петрович Опарин, в мундире, пенсне на носу, стриженный, с рыжими волосами, еще молодой человек, когда

говорил, всегда брызгался слюной. Он был важный и высокого мнения о себе. Языки немецкий и французский преподавали Е.А. Третьякова и М.В. Циммерман, а Г.А. Орлов – русский язык. Законоучителем был протоиерей Ашихмин. Вторая тетка моя тоже преподавала французский язык. Был еще преподаватель ручного труда, переплетного и столярного дела, Дроздовский Михаил Яковлевич. Оборудование столярной мастерской (в нижнем зале здания) состояло из верстаков и инструментов в шкафчиках, а также было оборудование по переплету книг.

Преподавателем гимнастики был приглашен из Чехословакии чех Халупа. Уроки проводились в большом зале Реального училища, снявшемся для этой цели. Было закуплено и оборудование – параллельные брусья, трамплин и т. д. Все ученики занимались в гимнастических костюмах – синие шерстяные брюки со штрипками и цветным поясом и белая майка. По-русски учитель говорил очень плохо. Впоследствии я один раз получил открытку от Халупы, участника Олимпийских игр. Он был очень милый и хороший человек.

Среди административных лиц был еще помощник классного наставника и делопроизводитель Захаров Николай Григорьевич, тихий и славный человек, впоследствии служил вахтером при Пермском городском совете. Был еще сторож при раздевалке наверху в передней, бывший старый солдат. Если подняться по чугунной лестнице главного входа кверху, то из обширной передней, где раздевались ученики, была дверь в зал с хорами, где, должно быть, раньше играл оркестр во время бала. Зал был большой, из него вела дверь в большую комнату, кабинет дирекции и одновременно кабинет физики. Еще одна дверь вела в коридор, и в углу вторая дверь вела в большой класс (8-й класс). Рядом с дверью располагалась в углу большая писаная красками икона Иисуса Христа, и перед ней была красивая лампада, всегда светившаяся через красное стекло. Во время перемены ученики часто выходили из класса и стояли под иконой.

Каждое утро, к 9-ти часам, когда начинались занятия, нужно было явиться на молитву, и после нее уже начинались уроки по звонку, который подавал сторож.

Со мной учились разные лица, например, Самсон Ревзон, впоследствии врач в нашем городе, Бруштейн, большой рыжий парень, сын фабриканта стекольного завода в поселке Сылта. Он часто приносил различные изделия из цветного стекла, например, трость или так называемые «батавские слезки» – мелкие кусочки стекла в форме капель, которые размещались на стекле, Яша Чертищев – силач, гнул подковы, рвал цепи. Один из учеников хромал и имел тощие сухие ноги,

ходил на костылях, но руки ему заменяли ноги, и он прекрасно ходил на руках по партам класса. Был остяк Миша Добротворский, мой приятель, впоследствии – профессор, специалист по литью металла в Свердловском политехническом институте.

В младших классах была учительница арифметики, когда еще была прогимназия, приятельница младшей тетки (всегда звала ее Гугочка) Александра Петровна Золотова, жена врача Психиатрической больницы Михаила Ивановича Золотова, с которым мы потом вместе работали. Это была солидная дама, носившая на свободной блузе золотую цепочку с дамскими часиками, очки, а лицо было в веснушках, добродушное, доброе.

Перемены, большую и маленькие, проводили в классах, коридорах, зале и в уборной, где собирались старшеклассники, курили (дым стоял столбом), хотя это и запрещалось. «Старички», а таких было порядочно, рассказывали анекдоты. Уборная верхнего этажа, таким образом, была излюбленным местом сборов молодежи в перемену.

У меня был товарищ Володя Дрозгов, из семьи купцов Нижнего Новгорода, много старше меня, жил на частной квартире, я часто бывал у него. Подслушанная в гимназии песенка проливает свет на так называемое «общество огарков» среди тогдашней и прежней молодежи, о чем упоминается в классической литературе (не помню у кого).

Из преподавателей гимназии помню еще учителя по естествознанию Евгения Дмитриевича Булдакова. Очень хороший и тихий человек, жил в собственном доме по Вознесенской улице, женат был на толстенькой маленькой немочке, учительнице немецкого языка одной из городских школ, она была пианисткой. Был в гимназии и свой врач, Ложкин, военный врач гарнизона по совместительству.

Форма одежды у нас была: серая пара сукна цвета моренго, брюки и куртка с серебряными пуговицами, с инициалами П. и Г., фуражка серая, суконная с белым кантом и значком впереди – П. и Г. на листьях дуба. Шинель серая, того же сукна с пуговицами. Ботинки – штилеты на шнурах с тупым носком («американские»). У куртки – стоячий воротник, подворотничок, белый полотняный накрахмаленный или белый гуттаперчевый, легко моющийся. Книги носили в ранцах на спине, обшитых кожей тюленя или моржа, старшие носили книги и учебники в портфелях, а то и за поясом. Учебники, тетради, письменные принадлежности покупали в магазине Ольги Петровской, на углу Сибирской и Пермской улиц (точнее – Петропавловской – ред.). Во время большой перемены приносили из булочной пирожки с мясом или рисом,

жулики (3-копеечные булочки, похожие на французские, только маленькие). Ученикам давалось родителями на завтрак 3-5 копеек. В гимназии учились дети все же состоятельных родителей, был даже со мной в одном классе американец, похожий, как их рисовали раньше. По-русски говорил плохо, отец его работал на фабрике.

В нашей гимназии, как и в других, в праздники устраивали вечера-балы, на хорах был оркестр, в коридорах устраивались киоски, украшенные елками из леса, цветными фонариками, где продавали различные безделушки или билеты в лотерею, значки для танцев. Освещением (электрическим) руководили свои (из гимназистов) монтеры, делавшие проводку. Этим же гимназистов нередко приглашали в другие гимназии для тех же целей, когда там устраивали вечера-балы. Я состоял в такой группе монтеров, так как всегда интересовался электричеством, у себя дома еще в младшем возрасте устраивал электрическое освещение с помощью электрических батарей. Мне выписывали журнал «Электричество и жизнь». Так, например, меня приглашали для организации освещения на балу в прогимназию Дрекслер-Гольонец, в Мариинскую женскую гимназию.

В нашей гимназии был и свой оркестр струнных инструментов, принадлежащих гимназии, – балалайки, гитара, мандолина, домбры, контрабасы, был свой капельмейстер, руководивший оркестром. Я играл на балалайке. Исполняли русские песни, вальсы и т.д. Оркестр периодически собирался разучивать песни. В расписании уроков в гимназии было и пение, приглашался учитель пения, вооруженный камертоном, а также в его распоряжении была ручная фисгармония. Впоследствии, когда гимназия уже перестала существовать, а я работал в Пермском местном лазарете, который помещался в нынешнем музыкальном училище на Большевицкой улице (ныне вновь Екатерининской – ред.), эта фисгармония была у меня, я играл на ней, брал с собой на ночные дежурства в госпиталь.

Тетки устраивали благотворительные вечера, лотереи в оперном театре в пользу раненых солдат во время первой империалистической войны 1914 года. Я помню, что на одной такой лотерее я выиграл маленький никелированный самовар, который потом много лет служил нам свою службу, когда еще чай пили из самоваров. Тетки организовали и содержали на свой счет целый военный госпиталь, вероятно, человек на 50 или более. Помню только, что мы приходили в гости к раненым проведать их во время войны 1914 года. Лазарет этот помещался на Екатерининской (Большевицкой) или Пермской (Кирова) улице в боль-

шом каменном двухэтажном доме, где раньше была гостиница, между улицами Верхотурской (Островского) и Чердынской (Клименко).

В общем, тетки мои, содержательницы гимназии Циммерман, в жизни своей простой прожили честными труженицами и умерли в бедности и нищете, частично от голода, недоедания и бедности. Старшая скоро умерла после революции, одинокая, неприспособленная к нищей жизни – тогда были голод, холод и нищета. (Как вспоминает дочь мемуариста Т.А. Дорош, ее отец так и не узнал, что «тетя Отя» погибла в тюрьме – ред.).

Маргарита Владимировна жила дольше благодаря своему воспитаннику Виктору Александровичу Попову, который приютил ее, одинокую старуху, в своей семье, где она и умерла позднее, по воспоминаниям дочерей ее воспитанника, как бабушка в семье. Недавно я посетил эту семью, в которой осталась младшая дочь, служившая фармацевтом в аптеке. Она дала мне фотографию бабушки. Больше от сестер ничего не осталось, и даже могилы их на старом кладбище поросли травой и сравнялись с землей неизвестно где. Только одно воспоминание, да и то у немногих. (В сентябре 2006 года на лютеранском участке Егошихинского кладбища – городского Парка памяти – установлен символический памятник трем сестрам Циммерман – ред.).

На здании бывшей гимназии Циммерман, где сейчас помещается фармацевтическое училище, есть мемориальная доска, из которой видно, что здесь учился видный революционный деятель Матвеев, организатор комсомола в Перми. В бытность мою обучения в гимназии я знал только одного Матвеева Бориса, с которым мы дружили и учились в одном классе, он кончил со мной гимназию в 1916 году, он был сыном владельца хмелевого завода.

...Окончив с серебряной медалью частную гимназию Циммерман, принадлежавшую моим теткам, я подал заявления в три вуза: в Петроградский политехникум на электротехническое отделение, где мне даже форму сшили из черного сукна с зеленым бархатным воротником; ту-журка была и фуражка с эмблемой: клещи и молоток, а в середине искра-молния. Второй вуз – Екатеринославский горный институт. И третьей была Петроградская военно-медицинская академия. Я был принят по конкурсу без экзаменов во все три вуза. Когда пришла осень, я поехал в Петроград и остановился у товарища по гимназии Соболева Вадима, который жил в Питере. Его мать была видная актриса, и раньше они жили в Перми. Там я встретил своего другого товарища по гимназии

Шпаковского Бенедикта Игнатьевича, поляка по национальности. Он поступал в Академию и, конечно, сманил меня. Так я стал студентом-медиком или, как тогда именовали, слушателем Академии. Поселился в комнате Шпаковского по Большому Самсоньевскому проспекту, вблизи каменного моста на Выборгской стороне.

Семейная топография. На Большой Ямской

По улице Большая Ямская (теперь Пушкина) мы жили с 1905 года, в каменном двухэтажном доме. При доме был огромный сад, примыкавший к другому саду, возле особняка по ул. Малая Ямская, принадлежавшего инженеру (Серикову – В.Г.). В центре сада стояла беседка. В этом доме после революции помещался железнодорожный клуб, в котором я занимался изучением приемов французской борьбы под руководством Полянина Юрия, знаменитого тренера и педагога. Дом губернского земства (педагогический институт) на углу Большой Ямской и Сибирской был построен только в 1914 году, рядом – липовый сад, вырубленный впоследствии. В нашем доме лестница освещались электричеством. В то время я увлекался электротехникой, была у меня самодельная батарея из жидких элементов Леклянже (!), питавшая маленькую лампу от фонарика.

На Екатерининской

На улице Екатерининской (ныне Большевикская) мы жили в доме № 118, каменный дом, верх деревянный. Рядом – большое здание еврейской синагоги, построенной в 1914 году, поэтому считалась новой. Старая синагога помещалась в ветхом деревянном одноэтажном здании с башенкой на проспекте (Кунгурская ул., позже Комсомольский проспект – ред.), напротив бани, находившейся в каменном здании.

На месте Политехнического института тогда была Сенная площадь. На ней стояла каменная старинная церковь, «старобрядческая» (правильно – Свято-Троицкая единоверческая церковь, арх. И.И. Свизев, снесена в 1930-е гг. – ред.), со службами и домом священника. Площадь была очень оживленная в базарные дни (среда и суббота). В конце площади, около улицы Красноуфимской (Куйбышева), стояли большие весы под навесом, на которых взвешивали сено приехавшие с возами

крестьяне окрестных деревень. На этой же площади устраивалась ярмарка, даже в советское время (НЭП).

Здесь же осенью развешивали цирк шапито Коромылова. Целое отделение программы занимала французская борьба, выступал борец Поддубный, а также Дуров и другие знаменитые артисты. Мы жили напротив цирка во флигеле, маленьком домике, рядом был постоянный двор для ямщиков. Содержал все эти дома Кашин, живший в каменном одноэтажном особняке. У хозяина росли дочка и сын, последний, вероятно, занимал какую-то важную должность после революции, так как отстаивал дом, когда его ломали при постройке 5-этажного дома.

Вдоль проспекта, обсаженного старыми деревьями, на масленицу ездили жители города в ту и другую сторону от Камы и до заставы, с колокольчиками, бубенцами, в кошевках, украшенных коврами, лентами, цветами. Богатые ездили «цугом», бедные – на извозчиках и «ваньках». «Ваньки» – это простые и дешевые повозки. На масленице было сплошное гулянье с утра и до вечера. Утром ели оладьи из гречневой муки с медом, кетой, красной икрой, в обед блины пекли.

На краю города были две заставы – Сибирская, у ворот Горьковского сада, который назывался «бульвар», и Казанская – у теперешнего Центрального рынка. Заставы – каменные высокие обелиски, увенчанные чугунными двуглавыми орлами. У Казанской заставы в деревянном домике помещалась казенная винная лавка, где только и продавалась водка.

Бульвар представлял собой два сада, один из них был обнесен низким деревянным забором и назывался «ботанический сад». Он имел отдельного сторожа. Там росли редкие породы деревьев. У каждого дерева была деревянная табличка с названием дерева на русском и латинском языках, указано было и семейство растения. В саду было много цветов и редких растений. Был и второй сад, с летним деревянным театром, с ротондой, сохранившейся до сих пор, там обычно помещался оркестр духовой музыки. Тенистые аллеи в конце сада выходили на проспект, где был целый сосновый бор, в котором летом даже грибы росли.

Зимой в этом саду устраивали общественный каток с теплушками. Летом в театре давали представления мелкие труппы актеров из других городов, позднее появился и кинематограф. Центральная аллея осталась и сегодня, а ранее по ней прогуливались «кухарки с солдатами». Вообще, место это было для простой публики и не посещалось средними и высшими слоями пермского общества, те предпочитали театральный сад.

(Примечание. Последнее утверждение нужно отнести, судя по всему, уже к предреволюционным, 1910-м годам, потому что в начале века «приличная публика» любила в этом саду гулять, слушать музыку. Поэт С.А. Ильин также пишет в стихотворении «Меланхолик» (1905): «...Я скромно прогуляться рад под вечерок на берег Камы, а утром – в загородный сад». – ред.).

Окраина города – Новая и Старая слободки, маленькие домики городских обывателей. За городом были Красные казармы, для солдат гарнизона, а слева за Сибирской заставой – особый квартал, так называемый «Сахалин», квартал публичных домов. Когда подъезжаешь на извозчике к этому кварталу (около казарм), видишь, что он весь освещен огнями. Дома эти были двухэтажные деревянные, освещенная лестница вела наверх. В гостиной – круглый стол с бархатной скатертью, альбом на столе, девушка, мягкие кресла. В зале – пианино, тапер играет танцы, далее коридор и спальни «девушек».

На Обвинской

С 1918 года мы жили на Обвинской улице № 47 (теперь ул. 25 Октября). Деревянный двухэтажный дом, внизу парадное крыльцо. Напротив – железнодорожный магазин (остался и до сего времени). Раньше в этой квартире жил поляк, преподаватель училища. Он уехал в Польшу после революции, уступив квартиру моему брату за новый парадный сюртук брата. Кроме квартиры нам достались еще дрова (полкубометра), которые были сложены в лесу. Вскоре мы с братом их вывезли на лошади, которую я взял в больнице, где я работал. Дрова мы нашли в лесу за кирпичным заводом, и дорогой еще поломалась телега, но мы все-таки добрались до дома не без помощи добрых людей.

У нас было три комнаты и еще передняя, превращенная в комнату (крыльцо мы закрыли), где жила моя сестра Маргарита. В большой комнате – зале-столовая, здесь стояло старинное красного дерева фортепьяно. Освещение было керосиновое, в столовой висела лампа с белым абажуром; две голландские печи обогревали квартиру.

В этом доме родилась в 1926 году Мусенька (дочь Клавдии Ивановны и мемуариста – ред.). Здесь умерла моя младшая сестра Маргарита, от болезни сердца, в молодом возрасте. Матушка моя умерла на другой квартире, где жила у брата.

В нашей ограде, во флигеле, жил еще чиновник Изергин, его сестра училась со мной медицине, а дочь Любочка, врач-стоматолог, вы-

шла замуж за профессора Шура. Улица была немощеная. Воду брали из водоразборной будки, за квартал, носили ее на коромысле в ведрах с деревянными крестиками, чтобы вода не разливалась. Недалеко было ходить и на Ягошиху-речку, оттуда носили воду слободские. Это уже было за чертой города, за заставой. А если пройти два квартала в город, то начинается улица Офицерская (ныне Малышева – ред.). Эта короткая улочка кончалась деревянной «солдатской» церковью, в казармах для солдат гарнизона (уже с другой стороны города).

Обвинская улица упиралась прямо в Вознесенскую церковь (правильное название: Воскресенская – ред.). Когда на Пасху ночью во время крестного хода люди из церкви шли со свечками, огоньки эти далеко видно было.

Дом Павла Васильевича Крапивина, техника по кессонам при строительстве мостов, выходил на Офицерскую, между Обвинской и следующей улицей (Соликамской – ред.) в середине квартала. Вся усадьба состояла из трех домов. На улицу выходил деревянный особняк, в котором располагалось отделение Пермской полиции, затем двухэтажный дом и флигель, тоже двухэтажный, где вверху жили хозяева усадьбы. Во дворе – службы, погреб, сарай и небольшой домик-кутузка, куда сажали за мелкие провинности. Во флигеле после революции жил мой брат с семьей и наша мать.

Следующая улица по направлению к Каме называлась Малая Ямская. Между ними была городская баня Кашина (по Обвинской улице), каменное низкое здание в Ямке (улица здесь опускалась). Мой отец часто посещал со мной эту баню. Теперь здесь выстроен пятиэтажный дом. На углу Малой Ямской расположена типография, а напротив ее – детская клиника Павла Ивановича Пичугина, бывшее начальное училище. Рядом с типографией помещалась сельскохозяйственная лаборатория. Я в то время работал лекарским помощником в эвакогоспитале на Соликамской улице (сейчас там госпиталь для инвалидов войны). Я уволился из госпиталя для продления обучения в Университете на медицинском факультете и, чтобы существовать с семьей (мать), я устроился лаборантом в психиатрическую больницу.

Клавесин Чайковского

Как я сказал, Оттилия Владимировна любила музыку и хорошо играла на пианино. В нашей семье было старинное, красного дерева,

фортепьяно в форме продолговатого ящика, прямоугольного, длиной 2,5 метра и шириной метр, клавиатура, как у рояля, крышка поднималась. Четыре фигурные солидные черные ножки. Очень массивный и тяжелый инструмент. Попал в нашу семью от теток, когда у них была еще школка, а принадлежал раньше он, наверное, дедушке, и бабушка на нем играла. Когда же тетки купили современное пианино, на котором играла старшая сестра, фортепьяно отдали в нашу семью, хотя на нем сестры мои не играли, кроме младшей, которая брала уроки и играла. Гера, или Маргарита, играла посредственно, но любила музыку, приобретала много произведений Рахманинова, Чайковского, у нас было много различных романсов модных пианистов, они сохранились и поныне. Я помню, что отец мой приглашал к нам настройщика, старичка-немца, ремонтировавшего и настраивавшего наш клавесин.

Клавесин этот остался на старой нашей квартире на Обвинской улице при переезде на новую, куда его трудно было втащить. Впоследствии, уже в 1970 году вдруг зашел к нам старичок и сообщил, что он прибыл из города Алапаевска Свердловской области и является работником музея, которому присвоено имя П.И. Чайковского, так как последний когда-то жил в Алапаевске. Ему поручили узнать в Перми, якобы в нашей семье сохранился клавесин, на котором раньше играл Чайковский. Откуда они получили эти сведения, мне неизвестно, но старичок называл имя моей старшей сестры Юлии Александровны Кюнцель. Вместе с этим представителем Алапаевска мы сходили на старую нашу квартиру, местные жители вспомнили этот инструмент в нашей семье и даже играли на нем (врач-стоматолог Шур Л.Ф.), но куда он делся, никто не знал. Несмотря на все наши поиски, следов инструмента не нашли.

...Оттилия Владимировна хранила традиции и предания своей семьи, и я вспоминаю, как у нее хранилась синяя тетрадь с пожелтевшими страницами и рукописными записями о роде и событиях жизни. Как я слышал, родич, основавший семью, был начальником порта в Ревеле еще при Екатерине II. Там было много интересных записей, касающихся отдельных периодов времени, в отношении членов этого семейства. Где эта тетрадь? Я не мог найти ее следов.

От редакции. Для удобства чтения текст мемуаров разбит на подглавки, названия которым даны в редакции.

Выражаем сердечную признательность Татьяне Александровне Дорош за предоставленные материалы из семейного архива.

ФРИДХОФ-НЕМЕЦКОЕ (ЛЮТЕРАНСКОЕ) КЛАДБИЩЕ ПЕРМСКОГО ПАРКА ПАМЯТИ (ЕГОШИХИНСКОГО)

Die Gedenkstätte Jegoschicha in Perm und der deutsch-lutherische Teil des Friedhofs (Eine historische Untersuchung)

(Историческая справка)

Пермский некрополь – старожилы называют его еще по привычке Егошихинским, что в Разгуляе, – фактически ровесник города Перми, основанного в 1723 году. Здесь сконцентрирована история Перми в ее развитии, здесь даже сохранились памятники первым городским головам (по-современному – мэрам). Изменение этносостава также нашло отражение на карте некрополя: помимо православного (старого и нового) здесь сохранились мусульманское, лютеранское, еврейское, польское кладбища.

Здесь похоронены такие замечательные люди, как архитекторы Василий Попатенко и Александр Ожегов, священнослужитель, поэт Антоний Попов и епископ Хрисанф, просветители Ольга и Иосиф Петровские и музыкант Людвиг Винярский, художники Петр Верещагин, Александр Зеленин, Петр Субботин-Пермяк, поэты Анатолий д'Актиль, Сергей Ильин и Евгения Трутнева, герой Отечественной войны 1812 года майор Николай Теплов и летчик Сергей Сафронов (сбитый уже в «холодную войну» XX века, в одно время с американским шпионом Пауэрсом). Здесь покоятся Герои труда РСФСР (высшее звание, существовавшее в первые десятилетия Советской власти) – врач Вениамин Юдин, агроном Владимир Варгин, Герой Советского Союза Зиновий (Зинатулла) Исхаков и Герой Соцтруда Франц Максвитис. Неизменным вниманием посетителей пользуются надгробия участника гражданской войны Степана Окулова и придворных последней царицы – графини Анастасии Гендриковой и гоф-лектрисы Екатерины Шнейдер. Сохранились надгробия известных ученых, докторов, купцов, священников всех пермских храмов и даже монахов Белогорского монастыря.

Заповедный мыс между речками Егошихой и Стиксом для Перми – это местная Александро-Невская лавра, это Новодевичье и Ваганьково вместе взятые, – это самый богатый наш музей-некрополь. Здесь своего рода

корневая основа многих пермских родов. Любители изящных искусств найдут в некрополе самые разнообразные памятники всех видов, стилей и направлений: это саркофаг, склеп, часовня, звонница, скульптура Скорбящей на воинском кладбище, а также многочисленные аналои, горки – «Голгофы», купели, жертвенники, урны и редкие мasonicкие знаки...

Егошихинский некрополь – музей истории мемориальной скульптуры, музей под открытым небом. Но почти все это богатство – в крайне запущенном состоянии. Закрытое еще в 1960-е годы, это историческое кладбище получило свое логическое завершение, можно сказать, во второй половине 1990-х, когда здесь появились мемориал-звонница в память жертв политических репрессий, могилы монахов, а также крест на предполагаемой могиле заложников из царской свиты, расстрелянных в 1918 году. С 2000 года некрополь был взят на государственный учет, он охраняется как объект историко-культурно-природного наследия. Охраняется плохо, порядка на нем пока мало, но есть отрадное явление: в последние годы на могилах появляются новые памятники и художественные надгробия. В том числе и на так называемом «немецком кладбище».

* * *

История национальных участков этого кладбища – своеобразное отражение истории заселения Перми и верный барометр изменений на этнографической карте города в разные периоды. Постановлением Пермского областного совета народных депутатов № 683 (принятого 20 мая 1993 г.) под охрану было взято старое православное кладбище (далее СК) – 1,6 гектара, новое православное (НК) – 6 га, мусульманское (МК) – 1,2 га, иудейское (ИК) – 0,6 га, католическое (КК) – 0,1 га. Если прибавить взятое на учет десятилетием ранее воинское кладбище (ВК) с памятником Скорбящей), то общая территория охраняемого некрополя составляет немногим более 10 гектаров.

Лютеранский (немецкий) участок (ЛК) на старом православном кладбище существует с первых десятилетий XIX века. Территория его значительно меньше других национальных кладбищ, возможно, поэтому городские власти решили не выделять его в особую статью. Впервые данный участок нанесен на карту обширного кладбища в книге «Перми старинное зеркало» (автор В.Ф. Гладышев, Пермь, 2001). Состоя-

ние старинного немецкого некрополя также нельзя назвать удовлетворительным, работы по его благоустройству начаты только в последние годы.

Роль немецких граждан Российской империи в развитии Пермского края довольно заметна. Выходцем из немцев был и один из первых пермских губернаторов Карл Модерах, и некоторые его сподвижники. Одному из самых знаменитых современников губернатора Модераха, доктору Федору Гралю, установлен монумент на одной из центральных площадей Перми.

В течение почти двух веков на Егошихинском кладбище похоронено немало чиновников, врачей, горных инженеров, педагогов, мастеровых. Здесь сохранились семейные участки обрусевших немцев: БЕРГГРЮН и МАЙЕР (глава фамилии был обербергмейстером - старшим горным мастером), ГЕННИХ (владелец типографии), ГРЕММЕР, БЕРГ, БОНЕ и др... Недалеко друг от друга – генерал-лейтенант БУРМЕЙСТЕР, статский советник Адольф Александрович ФОЛЬКМАН (ум. в октябре 1906 г.)

Приведем некоторые из фамилий.

Владимир Иванович фон ГАЛЛЕР, председатель Пермской палаты уголовного суда, статский советник (ум. 1846 г.).

ГЕНЕМАН П.К., надворный советник (ум. в 1857 г.).

ВОЛЬНИ Кирилл Карлович (ск. в 1892 г. 47 лет).

ДИКХОФ Август Васильевич, начальник конторы службы движения Пермской железной дороги (ск. в 1906 г. 19 марта).

КОЛЬБАХ Рудольф фон – владелец типографии.

РАЛЕНБЕК Адольф Давидович, управляющий аптекой (ск. в 1901 г. 52 лет).

РЕЙНАХ Владимир Рудольфович, инженер путей сообщения (1855–1890).

РОЗЕНТРЕТТЕР Н.Е. (1848–1877) и его родственники.

РОТХАСТ Виктор Теодор (1820–1885), полковник. Надгробие представляет собой каменный крест, на котором написано по-немецки: «От благодарной евангельско-лютеранской общины 1904 г.». Отставной военный много лет был старостой этой общины и немало поспособствовал ее укреплению.

По соседству похоронены под одной плитой Михаил и Наталья РЕЙХМАНЫ, но на их надгробии уже не лютеранский крест, а право-

славный. Появлялись смешанные браки, взаимовлияние и взаимопроникновение национальных культур, традиций приводило, как известно, и к такому понятию, как обрусевшие немцы. Здесь же был, например, похоронен (в 1844 г.) надворный советник МЕРЗЛЯКОВ Иван Алексеевич – родственник русского поэта и учителя М.Ю. Лермонтова. А.Ф. Мерзлякова (помните его песню «Среди долины ровныя...»?), вдова Мерзлякова, позже вышла замуж за упомянутого выше председателя Пермской палаты уголовного суда Галлера. У Успенской церкви лежит массивная каменная плита на могиле Зиновии Федоровны ГЕНЕМАН (ХОЛОСТОВОЙ) (1839–1864).

Надгробные плиты на лютеранском участке в большинстве своем лежат на каменных подиумах, а те, которые без них, почти вросли в землю; практически на каждом есть эпитафии (на немецком языке). Могилы пермских немцев (и не ставших пермскими) встречаются и на других участках некрополя.

На краешке польского участка, у самой тропы, привлекает внимание каменный крест больших размеров (надломленный): здесь упокоилась Наталья Карловна фон ГЛЕН (ск. 23 ноября 1903 г.). Неподалеку (в квартале художника Зеленина) похоронен инженер-лесовод Александр Юльевич РИХТЕР (ск. в 1934 г.), чета РИХТЕРОВ – у стен Успенской церкви...

Видный ученый-гистолог, зоолог ШМИДТ Виктор Карлович (1865–1932), был ректором Пермского университета в 20-е годы, организатором естественно-научного института при ПГУ, депутатом горсовета.

В середине этого века появился скромный железный крест с надписью на немецком языке: «hier ruht adam illener 27-49» – «Здесь покоится Адам ИЛЛЕНЕР»... Такая же надпись на немецком – на памятнике MARIANNA WANNER (1869-1956, СК). У доктора Карла ЗЕМСДОРФА (1883–1929) – бетонное надгробие с надписью на двух языках (у Купеческой тропы, напротив Алиных).

Помимо мраморных плит известных пермяков есть и совсем неизвестные надгробия. На одном написано: «Меринг Эдуард, иностранец» (1819–1858). Иностранец – и точка...

На старинном кладбище появляются и новые памятники, символические надгробия. По мере изучения истории этого заповедного места краеведы выявляют новые данные. Например, о судьбе семейства ЦИММЕРМАН-КЮНЦЕЛЬ. На Урале эта фамилия, кстати, появилась

в одно время с возникновением Перми: в строительстве Егошихинского завода принимал участие «плавильной мастер Цымерман» (но родственные связи здесь не прослежены). На лютеранском кладбище покоится пермский врач, действительный статский советник Владимир Иванович фон ЦИММЕРМАН (1812–1883). Основательницами одной из лучших частных гимназий Перми были сестры Эвелина (жена владельца типографии ГЕНИХА), Оттилия и Маргарита ЦИММЕРМАН, его дочери.

Рассказывает Татьяна Александровна Дорош, потомок и инициатор увековечения памяти сестер:

– Основательницы гимназии – мои тетушки моего отца. Породнились два наших семейства в Перми. Мой дед Александр Эдуардович Кюнцель приехал сюда из Киева, служил помощником ревизора Пермской контрольной палаты, был членом пастората местной лютеранской общины. Женился на дочери врача Генриетте Владимировне фон Циммерман, одной из пяти сестер. С тех пор и «растет» в родословном древе эта ветвь. Папа мой, Александр Александрович Кюнцель (1898–1984) в качестве врача участвовал и в гражданской войне, и позднее на Халхин-Голе. Он был организатором первого пермского скаутского отряда в частной гимназии Циммерман, которую и сам кончал. Ныне в этом здании фармацевтическое училище.

Судьба у Оттилии сложилась трагически. Где похоронена она, неизвестно, потому что она умерла в 1920 г. «от инфлюэнции» в большевистской тюрьме.

Осенью 2006 года у Лютеранской тропы появился каменный памятник в честь сестер ЦИММЕРМАН. Это символ покаяния и благодарной памяти людям, внесшим свой вклад в развитие культуры уральского края, своей малой родины.

**Владимир Гладышев,
журналист, краевед**

Der historische Friedhof „Jegoschicha“ liegt in Perm im Stadtteil „Rasgulei“. Er wurde im Gründungsjahr der Stadt Perm im Jahre 1723 angelegt. Auf diesem Friedhof ist die ganze Geschichte der Stadt Perm zu erkennen. So ist z.B. das Grabdenkmal des ersten Bürgermeisters von Perm noch erhalten, und man kann die ethnischen Veränderungen der Einwohnerschaft erkennen. Es gibt einen orthodoxen Teil (alt und neu) und jeweils einen Teil für Mohammedaner, Lutheraner, Juden und Polen.

In den Jahren 2000 und 2001 haben an diesem historischen Ort zwischen den kleinen Flüssen Stiks und Jegoschicha die ersten internationalen Arbeitseinsätze unter Teilnahme von Freiwilligen aus Deutschland und Polen stattgefunden.

Auf diesem Friedhof sind bekannte Permer Bürger beerdigt worden: der Architekt Wassilij Popatenko, der Bischof Crisan, die aufklärerischen Denker Olga und Josef Piotrovskij, der Musiker Ludwig Vinjarskij, die Kunstmaler Pjotr Vereschagin, Alexander Selenin und Pjotr Subbotin-Permjak, die Dichter Anatolij d’Aktil, Sergej Iljin und Eugenie Trutnewa, der ‚Kriegsheld‘ aus den dem napoleonischen Krieg von 1812 Major Nikolaj Teplov und der Pilot Sergej Safronow (abgeschossen im sogenannten ‚kalten Krieg‘, im Angriff des amerikanischen Spion Pauers am 1. Mai 1960). Auch die ‚Helden der Arbeit‘ (höchster Ehrentitel in den ersten Jahrzehnten der Sowjetmacht), der Arzt Weniamin Judin und der Agronom Wladimir Wargin und die ‚Helden der Sowjetunion‘ Sinatulla Is’chakow und Franz Makswitis.

Grosse Aufmerksamkeit bei den Besuchern des Friedhofs finden die Grabmale der Bürgerkriegsteilnehmer Stepan Okulow, Anastasia Hendrikowa und Katarina Schneider (diese beiden gehörten zum Gefolge der letzten Kaiserin Alexandra und haben die Kinder des Kaisers in der deutschen und der englischen Sprache unterrichtet.)

Die Grabmale von bekannten Wissenschaftlern, Ärzten, Kaufleuten, Priestern aus allen Permer orthodoxen Tempeln und sogar von Mönchen aus dem Kloster am Weissen Berg sind erhalten geblieben.

Der durch die kleinen Flüsse Stiks und Jegoschicha geschützte Platz ist für Perm so bedeutend wie der Alexander-Newalawra-Friedhof in St. Petersburg und die Friedhöfe Nowodjewitschje und Wagankow in Moskau. Es ist für Perm ein wertvoller Museums-Friedhof. Hier sind viele Generationen von Permer Bürgern beerdigt worden. Kunstfreunde finden auf dem Friedhof die verschiedensten Denkmalsformen: Sarkophage, Grabgewölbe, kleine Kapellen, kleine Glockentürme, ein grosses Kriegerdenkmal (die traurige

Mutter), Grabsteine mit der Abbildung der Bibel, des Golgathabergs, eines Taufbeckens, eines Opferaltars, einer Urne oder eines Logen-Zeichens (Mason). Der Jegoschicha-Friedhof ist ein Museum der Stilgeschichte der Skulpturen, ein Museum unter freiem Himmel. Aber der ganze Reichtum ist sehr vernachlässigt worden.

Dieser historische Friedhof ist im Jahr 1960 geschlossen worden. In der zweiten Hälfte des Jahres 1990 ist dort ein Denkmal für die Opfer der politisch Verfolgten errichtet worden. Auf den Gräbern von Mönchen, den im Jahr 1918 Erschossenen und dem Grab, in dem vermutlich die Geiseln aus dem Gefolge der russischen Kaiserin (Zarin) bestattet waren, wurden Kreuze aufgestellt.

Im Jahr 2000 ist der Friedhof staatlich anerkannt worden und zu einem historischen Kultur- und Naturerbe erklärt. Der Friedhof ist schlecht bewacht und es herrscht dort keine gute Ordnung.

Es ist sehr erfreulich, dass in den letzten Jahren mit der Restauration einiger alter Denkmäler begonnen wurde und neue Denkmäler errichtet wurden. Das ist auch auf dem deutschen Teil des Friedhofs so geschehen.

Die gesamte Fläche des geschützten Friedhofs beträgt zehn Hektar. (Der Zentral-Friedhof in Wien z.B. hat eine Fläche von 240 Hektar!) Der lutherisch-deutsche Teil des alten Friedhofs besteht seit den ersten Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts und ist kleiner als die Teile anderer Nationen. Die erste Beschreibung des deutsch-lutherischen Teils des Friedhofs findet sich in dem Buch „Alter Permer Spiegel“ von W.F. Gladischew (Perm 2001)

Mit Verbesserungsarbeiten ist erst in den letzten Jahren begonnen worden.

Die Bedeutung der Deutschen für die Entwicklung der Permer Region während des russischen Kaiserreichs ist bemerkenswert groß. So war z.B. der erste Gouverneur in Perm Karl Moderach, und Friedrich Gral war ein bekannter Arzt. Sein Denkmal steht im Zentrum der Stadt Perm.

In den letzten zwei Jahrhunderten sind auf dem Jegoschicha-Friedhof viele Beamte, Ärzte, Bergingenieure, Pädagogen und Handwerksmeister begraben. Hier sind ganze Familien bestattet worden. Die Namen erinnern an diese Russland-Deutschen: Berggrün, Meier (das Familienoberhaupt war Oberbergmeister), Hennig (Besitzer einer Druckerei), Gremmer, Berg, Bo(h)ne und viele andere. auch der Staatsrat Adolf Folkmann begraben (gest. 1906).

Weitere Familien sind:

Waldemar von Galler, Vorsitzender der Permer Kriminalgerichtskammer, Staatsrat, gestorben 1857

Kirill Wolni, Kaufmann – gestorben 1892

August Dickhof, Chef des Eisenbahnkontors zu Perm, gest. 1906

Rudolf von Kolbach, Besitzer einer Druckerei

Adolf Ralenbeck, Verwalter der Gouvernementsapotheke, gest. 1901

Waldemar Reinach, Ingenieur der Eisenbahn (1855 – 1890)

P. Henemann, Oberhofrat, gest. 1857

Waldemar Kolgaso, wirklicher Staatsrat (1830 – 1894)

N. Rosentreter und seine Geschwister

Victor Theodor Rothast (1820 – 1885), Oberst. Die Aufschrift auf seinem Grabe lautet: Von der dankbaren evangelisch-lutherischen Gemeinde zu Perm 1904.

Alexander Richter, Ingenieur der Forstwissenschaft, gest. 1934

Natalie von Glen, gest. 1903

Victor Schmidt, wissenschaftlicher Histologe, Rektor der Permer Universität in den zwanziger Jahren des 19. Jahrhunderts, Organisator des wissenschaftlichen Forschungsinstituts, Deputierter des Stadtrats (1865 – 1932)

Karl Semsdorf, Arzt (1883 – 1929)

Eduard Mehring (1819 – 1858) Grabinschrift: „Ausländer“

Die Grabsteine im lutherischen Teil des Friedhofs liegen meistens auf Steinplatten. Wo es keine Steinplatten gibt, sind die Grabsteine in die Erde eingesunken. Jeder Grabstein hat eine Inschrift in deutscher Sprache.

Auf dem alten Friedhof befinden sich auch die Grabstätten der Familien Zimmermann und Küntzel. Dazu gehören der Arzt und wirkliche Staatsrat Waldemar von Zimmermann, seine Frau Julia von Zimmermann, seine zwei Töchter, sein Sohn, seine Enkel und Verwandten.

Am Ural ist dieser Familienname eine zeitlang mit der Entstehung der Stadt Perm eng verbunden. Ein Schmelzmeister „Zimmermann“ ist für das Schmelzwerk Jegoschicha als Spezialist berufen worden. Die verwandtschaftlichen Beziehungen sind nicht bekannt.

Im Herbst des Jahres 2006 ist auf dem lutherischen Teil des Friedhofs ein Denkmal der drei Schwestern Zimmermann – Eveline, Margaret, Ottilie – aufgestellt worden. Sie waren Gründerinnen und Pädagogen der ersten Permer Privatschule. Diese Schule hat 33 Jahre bestanden. Einige Details gaben Dr. W. Küntzel Grund zu der Vermutung, daß diese drei Schwestern

die Prototypen des Theaterstücks „Die drei Schwestern“ von A. P. Tschechow waren.

Tatjana Dorosch, Nachkomme und Initiator des Gedenksteins für die ‚drei Schwestern‘ erzählt:

„Die Gründerinnen der Schule waren die Tanten meines Vaters A. Küntzel. Mein Großvater hat nach dem Besuch der Vermessungsschule in Kiew in der Permer Kontrollkammer (Landesrechnungshof, Anm. des Übersetzers) gearbeitet. Er war Mitglied des Kirchenrats der lutherischen Kirche in Perm. Eine von den fünf Töchtern Waldemar Zimmermanns hat A. Küntzel geheiratet. Mein Vater, Dr. A. Küntzel, hat als Arzt am Bürgerkrieg und am russisch-japanischen Konflikt am Chalchin-Gol-See teilgenommen. Er war der Gründer der ersten Gruppe der Boyskouts an der Privatschule in Perm, die er selbst absolviert hat. Im Jahr 1920 wurde die Schule verstaatlicht. Die Leiterin der Schule, Otilie von Zimmermann, wurde gefangengesetzt und ist nach vier Monaten im Gefängnis gestorben. Die Schicksale der beiden anderen Schwestern sind nicht bekannt. Heute befindet sich in dem Gebäude eine pharmazeutische Schule.“

Das Denkmal „Drei Schwestern“ auf dem Friedhof ist ein Symbol der Wiedergutmachung und des dankbaren Gedenkens an Menschen, die zur kulturellen Entwicklung der Region Perm, ihrer Heimat, beigetragen haben.

**Wladimir Gladischew,
Journalist und Heimatwissenschaftler
Перевод пастора X. Эльце**

НЕГЛАСНОЕ ТАБУ. КАК ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ ТРУДОВОЙ РЕСУРС ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПРИКАМЬЕ

...Несколько лет мне довелось жить в доме на ул. Луначарского, что напротив авиатехникума. У этой «сталинской» постройки оказалась удивительная история. От старожилов загадочного дома я узнал, что строили его пленные немцы, и что при строительстве верхних этажей был использован кирпич от соседней Воскресенской церкви, взорванной в конце 1930-х...

Каторжный труд

Это был каторжный труд, и не только потому, что каждый кирпичик из прочнейшей старинной кладки добывался с большими усилиями. Но еще и потому, что приходилось разбирать, уничтожать одно из самых красивых церковных зданий, построенное, кстати, в память избавления от крепостного права.

Многие здания, в возведении которых был использован труд военнопленных, до сих пор стоят в самых разных микрорайонах Перми. Как правило, это добротные постройки, при строительстве их порой использовались также проекты, опыт и знания немецких инженеров, строителей, архитекторов и других специалистов «по профилю».

Значительных объектов, построенных силами военнопленных в Перми (Молотове), можно назвать больше десятка.

Самым первым было здание гарнизонного Дома офицеров (1943 г.), причем некоторые считают, что постройка возводилась по немецкому же проекту, хотя в справочниках автором проекта назван архитектор В. Емельянов. Каждый посетитель этого дома, однако, удивляется странной, совсем не нашей планировке интерьеров. Силами немцев построены также здание комбината и гаража треста «Молотовуголь», посёлок из 13 жилых двухэтажных домов в районе станции Пермь-2, 60 индивидуальных домов.

Пленные немцы участвовали в возведении пристроя к зданию драмтеатра (ныне ТЮЗ), благоустроили театральный сквер.

Посёлки Громовский, Закамск и Курья тогда тоже «приросли» десятками двухэтажных домов. Силами немцев был проведен ремонт му-

Военнопленные в Красном уголке

зейных помещений (в бывшем архиерейском доме), где была развернута первая за военные годы выставка «Ленинград в дни блокады».

Военнопленные строили инженерные подземные сети на территории Черняевского леса (ныне городской парк культуры), прокладывали дороги, помогали при строительстве инфраструктуры КамГЭСа.

И многое еще сработано пленными».

И милость к падшим

Отношение к бывшим врагам у мирного населения в целом было гуманным, жители даже подкармливали пленных, чем могли, хотя ведь сами жили впроголодь. Сострадание, чисто народная жалостливость вызывали и вызывают невольное уважение и веру в лучшее будущее народа, победившего в страшной войне.

У Бориса Викторовича Лебедева, бывшего участкового милиционера, на память о послевоенном детстве осталась настоящая немецкая вилка с выгравированным орлом – подарок военнопленного.

– Мы жили по соседству с их бараками, – рассказывает он, – я вырос в Ераничах, поселке Краснова. Немцы строили бывший ЖБК, школу, баню и одноэтажный кирпичный дом для себя и по своему проекту. Помню, два барака иногда называли еще «фашистскими». В логу речки Стикс разрезали на металлолом военную технику и прочее, помню, мы находили там и каски немецкие, и автомат ППШ. Мы, пацаны, крутились возле иностранцев: фактически я вырос в немецкоговорящей среде и одно время считал, что немецкий язык – это язык всех взрослых людей...

Надо сказать, относились люди к бывшим «фашистам» терпимо. Ведь пленным приходилось работать в очень тяжелых условиях, особенно зимой. Многие из них умирали, об этом мне мама рассказывала. Возле клуба им. Маяковского был сарай, трупы умерших туда складывали, «копили», а потом вывозили.

Вывозили мертвых обычно на отдаленный участок Южного кладбища.

Потерянные кладбища

Кладбища военнопленных, место их «последнего приюта» – тяжелая тема, еще не раскрытая. Приведем мнение историка Роберта Латыпова, сопредседателя молодежного «Мемориала» Пермского края:

«До сегодняшнего дня тема пребывания военнопленных в нашем крае и, как следствие, захоронений этой категории заключённых была фактически закрытой. Действовало и, вероятно, продолжает действовать негласное табу на исследования в этой области. Считалось неприличным говорить об оккупантах, пусть даже пленённых, если ещё не всё сказано, не всё ещё сделано для победителей. Мы, к сожалению, совсем мало знаем об этой странице истории нашего края и родного города...»

По материалам, которые удалось собрать мемориальцам, на пермской земле с 1943 по 1950 гг. действовали четыре крупных лагерных учреждения НКВД для военнопленных – лагеря № 241, № 207, № 366, № 346 – с общей численностью более 25 тысяч человек. Так называемые лагерные командировки этих учреждений были раскиданы по всему краю: от Кунгура до Соликамска, от Краснокамска до Горнозаводска. «Наполняемость» каждого из лагерей всегда была разной. Но известно, что наибольшее количество военнопленных концентрировалось тогда в Молотове (тогдашнее название Перми), Краснокамске, в районе Ки-

зела, Гремячинска и Соликамска. В течение всего времени нахождения в плену военнопленные рядового состава должны были трудиться. Их лагеря мало чем отличались от обычных сталинских лагерей: такие же бараки, колючая проволока, изнурительный труд, охрана, жесткий режим содержания заключённых, голод.

На Западном Урале труд военнопленных использовался в шахтах Кизеловского угольного бассейна, на строительных работах Соликамского и Краснокамского ЦБК, Лысьвенского и Добрянского металлургических заводов, Соликамского магниевого и калийного комбинатов. Часть военнопленных использовалась на производстве предметов широкого потребления, производимых из отходов местной промышленности.

По официальным данным НКВД за этот период от болезней и истощения только в одном лагере № 207 скончались 993 военнопленных. По неофициальным же данным (в основном по воспоминаниям очевидцев) число погибших было значительно больше. На территории Прикамья было обустроено не менее 35 кладбищ. Чаще всего они устраивались отдельными некрополями вблизи лагерей или больниц, реже – при местных кладбищах. Количество похороненных военнопленных на каждом из них разнится: от нескольких человек до сотен. Самые крупные захоронения находились в городе Перми (вблизи станции Бахаревка), Краснокамске и Кизеле.

После закрытия лагерей военнопленных и их репатриации в конце 1940–начале 1950 гг. кладбища закрывались, а сами места специальными актами передавались органами НКВД в ведение местных органов власти. Учитывая известные экономические трудности и социально-политическую ситуацию в то время, неудивительно, что места захоронений очень быстро переставали существовать как нормально обустроенные кладбища. Нередки были случаи строительства на этих местах жилых и производственных зданий и объектов.

Например, в Краснокамске было пять кладбищ военнопленных, на всех были возведены промобъекты, нефтеплощадки, а там, где возводили дома, лечебницу (возле Больничного городка), натыкались на захоронения. В Гремячинске вскоре после закрытия лагеря на месте кладбища для военнопленных и трудоармейцев немецкой национальности построили здание средней школы. И это несмотря на то, что в 1950-е годы несколько раз создавались комиссии, по линии МВД издавались

приказы о поисках и восстановлении таких кладбищ. Объяснялось это тем, что новое руководство страны пыталось выполнять Женевское соглашение о военнопленных, согласно которому места погребения должны сохраняться в порядке.

Покаянное путешествие сквозь годы

Историк Роберт Латыпов несколько лет назад сопровождал одного бывшего военнопленного, вместе с его внуком-волонтером, в их поездке в Соликамск, где этот немец работал, находясь в плену. Грустное это было путешествие... Роберт говорит:

«Все кладбища военнопленных в Прикамье сегодня либо уничтожены, либо находятся в крайне запущенном состоянии. Как правило, отсутствуют мемориальные знаки и ограда захоронений. Население региона просто не знает о существовании таких мест и собственно о самой истории пребывания военнопленных на территории края. В редких случаях места захоронений благоустраиваются силами энтузиастов, например, кладбище на восточной окраине посёлка Усьва Гремячинского района. Хотя официально оно было ликвидировано в июне 1959 года, сегодня там стоит мемориальный крест с надписью на немецком языке, сооруженный одним из местных жителей».

Памятные стелы на месте захоронения итальянских военнопленных на кладбище Нижней Губахи и на северной окраине посёлка Всеволодо-Вильва поставлены были в 1992 году по инициативе и на средства итальянского графа, который в своё время был в плену в этих местах. Появился недавно и мемориал, посвященный памяти военнопленных еще 1-й мировой войны, доска открыта в Верхних Муллах, где работали австрийцы и немцы.

Это вещественные признаки, так сказать, материализованная память. А есть и такая память, о которой чаще всего просто избегают говорить. Жизнь есть жизнь. Ветеран-педагог Галина Андреевна вспоминает, как после войны, окончив Красноуфимское педучилище, она с подружкой попросились направить их туда, где потруднее. Направили их в Ново-Лялинский район в п. Черный Яр, в 100 км от железной дороги. В поселке жили военнопленные немцы, и дети военнопленных стали первыми учениками тамошней школы...

Так было на Руси

Мнение представителей религии в этой непростой, тонкой сфере человеческих отношений очень важно. Еще в 1992 году протоиерей Борис Бериллов, секретарь Пермской православной епархии (ныне, увы, покойный), в интервью газете «Пермские новости» говорил:

– Каждый человек есть образ Божий. И по христианским канонам должно с почтением относиться к могиле человека, принадлежащего к любой конфессии, даже вне зависимости от того, что совершил он на этой земле. Так всегда было на Руси, но, к сожалению, большевистская система немало сделала, чтобы убить в людских душах человеческое, христианское начало...

Сегодня, если говорить о Перми, то из шести официальных мест захоронений в черте города можно чётко определить и зафиксировать пока только одно – так называемое «инфекционное кладбище». Оно располагается отдельным кварталом на нынешнем Южном кладбище города, напротив бывшей инфекционной больницы. Хоронили здесь умерших от туберкулёза. Место захоронения обозначено большим камнем без какой-либо эпитафии. Отсутствует и ограда. По словам работников кладбища, в конце 1990-х гг. это место посещали люди, приехавшие из Германии – вероятно, родственники погибших военнопленных.

Другие же захоронения либо снесены и утрачены полностью, либо сегодня их поиск затруднён из-за отсутствия документов и свидетельств. К числу утраченных кладбищ можно уже смело отнести захоронение в сосновом бору микрорайона Пролетарский столицы Прикамья. По словам местных старожилов, в конце 1950-х годов здесь активным образом шло строительство жилых домов, и необходимый песок брали здесь же, на месте кладбища, особо не обращая внимания на человеческие кости. Чуть позднее здесь появился детский стадион. А в наши дни разгром некрополя довершило строительство автостоянки.

Сейчас в бору, возле автобусной остановки, установлен скромный мемориал.

Судя по всему, многие из немцев, попавшие в плен, старались замолить свои и чужие грехи, как могли. И тяжким трудом, и ценой своей жизни. А несколько школьных зданий, при строительстве которых использовался труд военнопленных, по-прежнему служат своему назначению и украшают краевую столицу. В том числе и бывшая 92-я школа, ныне гимназия № 4 имени братьев Каменских, на высоком берегу речки Данилихи.

В Пермском «Мемориале» недавно появился интересный документ – воспоминания 90-летнего жителя Мюнхена Георга Стегмюллера, бывшего военнопленного, почти пять лет работавшего на Урале (беседу с ним провела и записала его внучка). Бывший солдат гитлеровского вермахта воевал радистом, в плену добывал уголь на шахтах, работал на лесоповале. До сих пор помнит уральские названия Баская, Гремячинск, Половинка и др. Знает, что город Пермь тогда назывался в честь «министра иностранных дел Михайловича Молотова» (без имени). Георг считает, что ему с товарищами «еще повезло, что они попали к русским, а не к французам... русские относились к нам хорошо».

Секрет такой заботы кроется не только в соблюдении международной конвенции. Пленные немцы, получившие профессиональное образование, обладавшие рабочими специальностями, весьмагодились на тяжелом производстве. Они даже получали зарплату, однажды пленному удалось отправить семье в Мюнхен даже посылочку, «русский чай и шоколад», чем очень удивил своих родных. Стегмюллер работал бурильщиком, помогал осваивать русским рабочим технику, инструменты, тем более, что на производство тогда поступало и немецкое оборудование, в счет репараций. Понимали друг друга шахтеры легко, обходились без переводчика, отчасти еще и потому, что среди русских на шахтах было немало бывших пленных, которые в немецком плену тоже освоили язык, «но говорили они не на немецком, а на диалектах: швабском, саксонском, баварском, так что сразу было понятно, где их держали в Германии».

Стегмюллер с трепетом вспоминает жестокие уральские морозы, как пленные спасались при обморожениях. Был случай, когда он под землей отравился газом, потерял сознание, спасли его русские шахтеры. Свободное время немцы проводили с пользой не только для себя, но и для населения шахтерских поселков. Создали драмкружок, купили музыкальные инструменты. «Хор наш особенно нравился русским, – вспоминает старик, – русские очень музыкальные люди, пели с нами...» Стегмюллер рассказал внучке, что был единственный случай, когда вместо благодарности и аплодисментов от местных зрителей позже стали поступать жалобы. Пленные поставили спектакль по сказке «Гензель и Гретель» Хемпердинка, немецкая классика. «Мы знали сказку наизусть, как и ты, – говорил дед внучке, – но русские вообще не слышали о ней, и было очень трудно объяснить, почему на нашем занавесе нарисована печь, в которой предают сожжению ведьму...» Русские интерпретировали этот момент как неуместное напоминание о нацистских печах, такое вот недоразумение. Война была еще слишком близко, такое не забывается...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мы нужны друг другу... или как преодолеть недоверие, чтобы бороться с жестокостью мира

В Пермском крае недавно побывал необычный гость из Германии. Петер Куше, житель Берлина, приезжал, чтобы вновь, спустя почти шесть десятков лет, посмотреть места, где он работал, будучи военнопленным. Приехал он не один, вместе с внуком Робертом Куше, с которого, собственно, все и началось...

Дело в том, что Роберт – волонтер, участник так называемого «Добровольного Социального года». Вместе с пермскими добровольцами из пермского «Мемориала» молодые немцы, включившиеся в движение, ухаживают за престарелыми жителями. В основном их подопечные – ветераны войны, бывшие репрессированные и «остарбайтеры» (люди, насильно вывезенные в годы войны фашистами в Германию).

Конечно, жизнь на Урале запомнится молодым иностранцам не только работой. Было немало интересных экскурсий и семинаров. В перечне проблем, которые мешают сближению, кто-то назвал и такую: «Недоверие людей». Так вот, чтобы научиться преодолевать стены недоверия, очень важны личные контакты, общение «с открытым забралом».

Добровольцы, в числе которых были также ребята из Украины и Белоруссии, провели дискуссию на тему о наследии сталинизма. Кстати, это была инициатива как раз немецкой стороны. Они поделились своими мыслями на темы нацизма и фашизма и хотели знать, как преодолевается наследие сталинизма. Экспертами в данном обмене мнениями выступали историк А.Б. Суслов, председатель Пермского отделения общества «Мемориал» А.М. Калих и ветераны войны. В том числе и берлинец Петер Куше. Ведь после личного общения началась и переписка. Участники волонтерских семинаров прислали свои отзывы, мнения и пожелания по электронной почте.

Приведу мнение участника семинара по имени Тапани: «Волонтерская служба – Добровольный Социальный год, Экологический год или Служба мира – в Германии уже обычная вещь, так что мне было интересно обменяться мнениями, поделиться своей мотивацией и идеями, чтобы волонтерская служба в России развивалась дальше. По моему мнению, углубление терпимости и понимания между разными нациями

и людьми тоже очень важно. Мы можем учиться только друг у друга, и мы нужны друг другу, чтобы бороться с жестокостью мира».

А вот мнение Роберта Куше: «На семинаре я узнал много нового о России. Но особенно меня впечатлило то, что у российских волонтеров много хороших идей. Я желаю им побольше сил, чтобы воплотить их в жизнь! Посещение мемориала «Пермь-36» помогло мне приобрести представление о русской системе ГУЛАГа, это дало мне импульс для дальнейшей работы волонтером. Волонтерская служба – это хорошая возможность познакомиться с интересными людьми».

Роберт Латыпов, руководитель поискового направления Центра поддержки демократических молодежных инициатив (ЦПДМИ) изучает высказанные предложения, разрабатывает новые акции. В беседе с нами он сказал:

– В нашей акции участвовало около 40 человек. Почти половина – молодые немцы. Меня поразил один старик, из подопечных наших добровольцев. Он заявил, что Сталин был прав, когда выслал его семью с Западной Украины на Урал. Мы, конечно, в недоумении: как так? А вот так, отвечает старик: если б не выслал, остались бы мы под немцем и погибли бы вместе с другими в Катыни или в лагерях... Переписка с немецкими волонтерами, которая сейчас идет, подтверждает успешность нашего сетевого проекта и совместных акций. Значимость личных контактов тут трудно переоценить, мы их налаживаем, чтобы продолжать совместную службу. И барьер недоверия, о котором говорили наши молодые иностранцы, исчезает на глазах.

Сам Роберт Латыпов не очень-то верил, что его тезка из Берлина привезет своего родственника, воевавшего в России. Все-таки возраст у него и прочее. Но визит состоялся. Роберт сопровождал гостей в поездке не только по Перми, но и по городам северного Урала, где довелось «замаливать грехи» ветерану вермахта и ГУЛАГа одновременно.

Между прочим, у немцев волонтерское движение помогает развивать организация службы мира с символическим названием – «Знак искупления».

Владимир Гладышев

СУКСУН НЕ ЗАБЫЛ ДОРУ

(Немецкая учительница из уральской глубинки)

К Анне Ефимовне Манохиной в село Ключи Суксунского района мы приехали, чтобы найти ответы на многие вопросы... Учитель Манохин Николай Александрович в 1931 году был репрессирован. Эта тема меня давно интересовала. Приехали, познакомились. Стали разбирать кучу фотографий, ведь Манохины не в одном поколении – учителя с большим стажем. И вдруг на пол упала маленькая фотокарточка худенькой женщины на фоне западно-европейских строений. На обороте – надпись мелким почерком: «На память Анне Эфимовне от Доры». Я посмеялась, прочитав подпись. Кто такой грамотный «Ефимовну» «Эфимовной» назвал? На что мне ответили, что Дора немка и какое-то время жила в Суксуне и в Ключах, и фото послано из Германии.

Слышала я о Доре и прежде, но оставляла исследование ее судьбы «на потом». Думаю, что настало время вспомнить трагическое минувшее.

Суксун – небольшой уральский заводской поселок, основанный в 1651 году. Название, в переводе с тюркских наречий, означает «холодная вода». Климат здесь издревле суровый, но наши богатые рудами земли влекли к себе рудознатцев и промышленников. Так в 1727 году в урочище Сук-су на речке заводчик Акинфий Демидов построил медеплавильный завод, привез своих мастеровых и рабочих, которые были выходцами из центра России. Так они здесь и остались, прижились, дали потомство.

Не одно столетие пройдет с тех пор, много народа приедет и уедет. Многие свяжут свою жизнь с заводским поселком и оставят свой след и память в истории. Суксун пережил мятежи и войны, революцию и гражданскую войну, раскулачивания и репрессии. На начало Великой Отечественной войны в Суксуне проживало более 6 тысяч жителей. Действовали два предприятия: механический завод (бывший Демидовский) и артель «Медник», выпускавшая самовары. В Суксуне появились первая в области тракторная школа, а также общеобразовательные школы, больница, педучилище. Суксун жил мирной жизнью, и мало верилось, что скоро начнется ни с какой войной не сравнимая Великая Отечественная. Более шести тысяч человек из Суксунского района ушло на фронт – половина не вернулась... Большинство жителей

получили похоронки. К врагу была справедливая ненависть, и в тылу делалось все, чтобы приблизить Победу.

В годы войны в нашем районе тысячи эвакуированных с разных областей были размещены по квартирам. Работали в колхозах и совхозах, на предприятиях. В Суксуне появились белорусы, евреи, украинцы, эстонцы, литовцы. Несмотря на голод и тяжелейшую военную ситуацию, многие семьи делились с эвакуированными последним куском. Одна беда была на всех: нужно было выстоять и выжить. В августе 1941 года сюда, в Суксун, была эвакуирована Витебская очковая фабрика. Она разместилась на базе местного механического завода.

В это время в Локчимлаге в Коми АССР отбывала десятилетний срок бежавшая из Германии в Советский Союз коммунистка немка Дора Рикерт. Она скоро приедет в Суксун, но тогда, в тяжелые сороковые, она еще не знала этого, как и не знала, доживет ли до своего освобождения.

...Дору Рикерт (в девичестве Ангрес) судьба забросила в наши края в 1947 году. Многие пожилые суксунцы еще помнят суховатую элегантную немку, не очень хорошо говорившую на русском, ходившую в морозы по поселку в огромных валенках. Почти сразу после лагеря Дора Рикерт начала работать в Суксунской средней школе учительницей немецкого языка. Родилась Дора Ангрес в Германии в 1908 году, училась на философском факультете Берлинского университета. Летом 1929 года она посетила Париж – город своей мечты, и там встретила молодого человека Пауля Хальперна. Оказалось, что они учатся в одном университете! Молодые люди подружились... и решили никогда уже не расставаться. Но и не торопились играть свадьбу – у молодых людей были свои ориентиры: наука, борьба, а уж потом любовь. Они вместе верили, что люди труда, объединившись в международное братство, построят коммунизм, их идеалом был Ленин. Пауль был активистом в студенческих коммунистических ячейках, участвовал в митингах и демонстрациях, распространял нелегальные газеты. За что ему неоднократно доставалось от немецкой полиции. Его подпольная партийная кличка была Рикерт. Он несколько раз был оштрафован за распространение запрещенной газеты «Роте фане» («Красное знамя»). Пауль больше занимался политикой, чем наукой, что очень тревожило Дору, хотя она и была единых с ним взглядов. Пауль грезил иллюзией: Германия должна быть социалистической – так они во главе с Тельманом счита-

ли. Нацизм – это не то, что нужно Германии. Пауль был ярким антифашистом.

Окончив университет, Пауль Хальперн остался при нем готовиться к защите докторской диссертации и вскоре защитил ее. Но в это время к власти пришли фашисты. Наступил 1933 год, в университете начались аресты. Пауль уехал в Советский Союз. Предвидя долгую разлуку с другом, Дора решилась бежать за ним.

По своей специальности Пауль Эмильевич был химик-минералог, поэтому не удивительно, что место для жительства было выбрано продуманно. Он очень любил камни. Молодые люди избрали Урал с его тайнами и сказочным «каменным поясом». Пауль устроился на работу в Свердловский институт УНИХИМ младшим научным сотрудником. Ему выдали паспорт на новую фамилию Рикерт. Вскоре в Свердловск приехала Дора и взяла эту же фамилию. Начала работать в индустриальном институте (позже политехническом) химиком-лаборантом. Молодые люди были вместе и чувствовали себя счастливо, ничто не предвещало беды. Любили путешествовать, знакомились с новыми друзьями. В те времена их окружали не только жители Урала, но и такие же, как они, политические эмигранты, приехавшие в Советский Союз из Европы.

Счастье Рикертов было недолгим. Наступил 1937 год. Все средства массовой информации трубили о новых разоблачениях «врагов народа». Органы выискивали все новые жертвы. За иностранцами следили агенты – это была легкая добыча! Ах, если б Пауль и Дора заранее знали, что их ждет в Советском Союзе, вряд ли они решились бы просить здесь политического убежища. Но что страшнее: застенки гестапо или советские лагеря? Куда было уезжать, если в Германии Пауля ждала виселица? Советский Союз отнюдь не был для Пауля идеалом. Он знал, что там происходит. Еще в Германии коммунист Пауль называл Советский Союз «Великое говно» – «Die grose Scheisse» – так это звучало по-немецки. Пришлось погрузиться в него по самую шею!

Пауля арестовали как шпиона 28 сентября 1937 г. В доносе было сказано, что он не одобрял политику советского государства, что ТАСС не всю правду говорит... и был признан социально опасным элементом. Его обвинили в подготовке взрыва цехов на Верх-Исетском заводе. Пока велось следствие по делу, он отсидел в тюремных застенках два года. На допросах Пауль вел себя дерзко, оскорблял следователей. Он еще в Германии был готов к аресту, и эту ситуацию он давно продумал:

как будет себя вести при аресте. 26 января 1940 года его отправили «до-сидивать» в Онеглаг. Среди заключенных с Паулем был один немец из Германии, иностранный специалист, которому дали 10 лет. Однажды Герберт Энгхардт сказал Паулю: «Я, наверное, загнусь за эти 10 лет. А ты выйдешь через 2 недели. Вот адрес моей жены, поезжай к ней. В-первых, тебе будет где остановиться, во-вторых, расскажешь, как мы тут. Скажи ей, что вряд ли я отсюда выйду». Герберт вскоре умер. Осенью того же года Пауль освободился и навестил жену Герберта, Надю. Так уж вышло, что они полюбили друг друга.

С началом войны Пауль вместе с другими товарищами вновь оказался за колючей проволокой в г. Нижнем Тагиле. Здесь он, как специалист, работал на кирпичном заводе. В трудовую армию согнали многих немцев. Вместе с ним работали Раушенбах Б.В. – будущий академик РАН, специалист по космическим полетам, а также А. Стромберг – будущий профессор-физик, О. Бадер – будущий археолог. Окружение Пауля было ему в утешение и помощь, поскольку жили они духовно и интеллектуально насыщено. Когда Паулю разрешили жить вне зоны, он остался в Нижнем Тагиле, работал в тресте Тагилстрой. Вскоре к нему приехала из Свердловска новая жена Надя.

Дору арестовали через полгода после ареста Пауля. Они будут уверены, что никогда более не встретятся, но их встреча состоится только через 11 лет. Пауль после освобождения проживал в Нижнем Тагиле. У него появилась новая семья.

Доре повезло меньше. Ее обвинили в шпионаже и диверсионной деятельности. Дора сопротивлялась и не давала «признательных» показаний. Дело быстро сфабриковали и отправили немку в Локчимлаг. Она недоумевала: как можно считать честных немецких коммунистов, эмигрировавших в Советский Союз, шпионами и диверсантами?!

Два года в тюрьме и восемь долгих лет в лагере. Локчимлаг – лагерь в Коми АССР – встретил Дору холодом и голодом. До войны Локчимлаг, разбросанный в бассейне р. Вычегды и ее притоков Локчима и Нема, был одним из самых больших лагерей на земле Коми. В годы войны Локчимлаг реорганизовали. Оставили несколько маленьких лагунков, переданных Устьвымлагу. На базе них были организованы леспромхозы.

В войну голодуха и чувство безысходности овладевали многими, делали людей равнодушными. Но у Доры была верная подруга, с ко-

торой их свела судьба. Эмилия (Эмма) Генриховна Сильберман, эстонка из п. Юго-Камска Пермской области. Их арестовали почти в один день, только в разных местах. Личное горе и трагедия лагерей объединили этих женщин. Эмма уже лишилась двух сыновей и мужа, расстрелянного в 1938 г. Одна надежда – ее дочь Элли. Эмма по профессии была фармацевт и попала в лагерную аптеку. Так ей удалось выжить. После и Дору она взяла к себе лаборантом. Только не попав на «общие» работы, можно еще как-то было выжить в нечеловеческих условиях лагерей.

Дочь Эммы окончила институт и работала зоотехником. По распределению попала в Суксунский район Пермской области. Эмма вышла из лагеря первой и приехала в д. Морозково Суксунского района, здесь ей разрешили жить на поселении. Вскоре она соединилась со своей дочерью Элли.

Сюда же после освобождения приехала и Дора. Ей «сэкономили» 28 дней от основного срока «за примерную работу». Немного памятных вещей увезла Дора из лагеря – места горя и слез. Среди них – четыре миниатюры «Времена года», выполненных на бумаге неизвестным лагерным художником. Она сохранила их до смерти. Первоначально Дора отбывала ссылку в татарской деревне Агафонково Суксунского района, работала в аптечном пункте, после переехала в Морозково к Эмме.

Название деревни напомнило Доре о морозах, которые она страшно не любила, замерзлась достаточно. Но встретили ее здесь как родную, тепло и с деревенским участием. Местные жители помогали Эмме и Доре, чем могли. Тогда все помогали всем. (В благодарность через много-много лет Дора будет посылать посылки морозковским женщинам из Берлина. А те будут гордиться, что это – «из-за границы»!)

Дора очень полюбила дочку Эммы. Она воспитывалась без матери у чужих людей, но добилась многого в жизни. В 1949 году Элли Ивановна Сильберман вышла замуж за суксунского жителя, тоже зоотехника Мочалина Геннадия Ивановича, и сменила фамилию. Они какое-то время проживали в Суксуне.

После перенесенных испытаний нужно было продолжать жить. Но жить Доре не особо хотелось. Еще в лагере она узнала, что Пауль жив и женился на другой женщине. Она не поверила... и после освобождения съездила в Нижний Тагил, разыскала его. Очевидцы тех событий рассказывали, что Пауль и Дора, встретившись, испытали большое потрясение. Они отравились ядом...

Но их спасли. В итоге Дора не стала мешать Паулю, пути их разошлись навсегда. В его семье уже были дети. Женившись на бывшей жене своего лагерного товарища, Пауль усыновил их сына Фреда, да от брака с Надеждой родилось еще двое сыновей.

Доктор Берлинского университета Пауль Эмильевич Рикерт (Хальперн) жил и работал до самой смерти в Нижнем Тагиле. Это был талантливый химик, изобретатель, минералог, краевед. Собрал уникальную коллекцию минералов. Им была открыта стоянка древнего человека эпохи неолита и палеолита в окрестностях Нижнего Тагила. Умер он в 1971 г. в возрасте 64 лет. Его имя не забыто в Нижнем Тагиле*.

А у Доры после лагеря была очень долгая и интересная жизнь.

В 1948 году Дору приняли на работу в Суксунскую среднюю школу. Впервые после лагеря она пришла на работу не по принуждению. Одета Дора была в туфли-боты, сделанные из кирзовых сапог, в платье, сшитом из серой шинели.

Суксун предстал перед ней как заводской рабочий поселок с сохранившимися старинными домами, грязными улицами, с деревянными тротуарами, с парками, с заводским гудком по утрам и вечерам. В центре поселка располагался небольшой заводской пруд. Живописное место среди уральских возвышенностей. И странный дом, выстроенный в виде старинного замка на берегу пруда, с острым куполом и флюгером. Это была усадьба бывшего заводовладельца И.Г. Каменского, построенная в стиле «модерн», – единственное здание, которое напоминало Доре о Германии. В нем находилось педучилище.

Суксунская средняя школа располагалась в относительно новом деревянном двухэтажном помещении, с печами, которые топили дровами. На тот период в районе действовали две средние школы: в Суксуне и Ключах.

В годы войны школа пополнилась новыми учениками, из числа эвакуированных детей, и учителями из пришедших с фронта мужчин. Тогда работали фронтовики: кавалер трех орденов Славы разведчик Шерстобитов И.П., танкист Злобин Л.А., связист Василевский П.А., авиатехник Тархов И.А., участник Сталинградской битвы Чуванёв В.И. и многие другие. Классы были многонациональные. Дети шумные, и

* Интересные письменные воспоминания о Пауле Рикерте оставил его бывший товарищ по несчастью – академик РАН Борис Раушенбах.

дисциплина не была идеальной. Многие из приехавших пережили в дороге бомбежки, смерть близких. Дора, никогда не работавшая учителем, но воспитанная матерью-учительницей, начала свои первые занятия.

Как рассказывал ее бывший ученик Юрий Васильевич Матвеев, на одном из уроков их известили, что нынче немецкий язык им будет преподавать немка. И пояснили, что она была врагом народа и находилась в лагере. Это известие сыграло не в пользу Доры Николаевны. Ведь у многих отцы погибли на фронте. А тут еще и немка! Встретили ребята немку враждебно, уже заочно возненавидев, не зная ее судьбы. Началась травля учительницы. Издевались над ней по-всякому: рисовали мелом свастику на стуле, и она отпечатывалась на учительском платье. Кидали в нее спичками, наливали клей под стол, чтобы прилипла обувь. Писали на доске: «Уезжай, фашистка!» Скандировали хором: «Не хотим изучать немецкий язык, на нем разговаривал Гитлер!»

«И Гёте», – спокойно отвечала она и читала им стихи. Никогда она не позволила себе повысить голос, оскорбить кого-то. Не удалось местным «шалунам» вывести из себя Дору. Она понимала, что за ней следят органы, и малейшая ее провинность или крики в адрес ребят могут стоить ей многого.

Неприятная жизнь началась для Доры в Суксунской школе. Дрова выписывали – только сырые. Крупу – только снизу мешка и с мусором. Не раз ребята заглядывали в дом к немке через окно и видели, как Дора Николаевна руками выбирает сор от крупы. Жила она на ул. Свердлова – бывшей Петропавловской, на квартире в старинном доме, который местные называли «старообрядческий». Рядом находилась православная церковь. На этой же улице в первое время жила Элли с мужем Геннадием. В 1945 г. в Суксуне открылась закрытая православная церковь. Проходя мимо, Дора не раз слышала колокольный звон и видела толпы людей, идущих молиться за воинов, павших в борьбе с фашистами.

Органы были уверены, что «врага народа» затравят в школе, но случилось обратное. Учителя стали жалеть немку. То и дело тайно приносили ей то кусок пирога, то сухое полено под пальто, тайком (на лучину), то манник (сладкий торт из манной крупы). Правда, принесенные угощения просили съесть в учительской. Да и с детьми постепенно налаживался контакт. Тут ее «доброжелатели» решили перевести в другую школу, видя хорошее расположение учителей. Проработала она в Суксуне не более двух лет.

Следующим местом ее работы стало село Ключи, расположенное в 18 км от районного центра. В селе еще в 1920-х годах был устроен санаторий на базе местных сероводородных вод и грязей. Село стояло на Сибирском тракте и было очень большое. Одна улица длилась несколько километров. В старину по Сибирскому тракту часто вели на каторгу в Сибирь заключенных под арест. Вели политических, уголовников, невинно осужденных. «Дорога скорби» называли ее. По этой дороге передвигалась в своей ссылке и Дора.

И везде – уральская грязь непролазная, которая так удивляла немку. Приходилось в межсезонье долго ходить в сапогах. Дора жила недалеко от школы, в «учительских домах». Нужно было вновь обжиться на новом месте: топить дровами печки, колоть дрова, носить воду с ключа, знакомиться с людьми. Дора была очень любознательна и интересовалась историей. Особенно любила природу, и окрестности Ключей ей очень нравились. Ходила по селу, спрашивала, интересовалась древностями и достопримечательностями. Люди отмечали, что немка была очень простая. И тут она вызвала к себе симпатии. Одевалась как все. Из бушлата выбралась, справила себе модное платье, которое украшала брошью. У нее появились валенки, которые ей выхлопотали через районо.

Бывшая ее ключевская ученица Светлана Ивановна Некрасова (Золина, дочь Героя Советского Союза Золина Ивана Леонтьевича) рассказывала мне:

«Дора Николаевна говорила на русском, но произношение у нее было не очень правильное. Конечно, была требовательна, с нас требовала, чтобы мы правильно говорили, а мы что – ученики есть ученики. Где-нибудь напишем шпаргалочку. А она все равно обнаружит эту шпаргалочку. Ее ведь читаешь, а она сразу догадается. У нее не спишешь и не подсказешь. Она сразу как из-под земли! А если на уроке оглянешься к соседке, много спишешь? Одну букву прочитаешь, а она уже у парты, тетрадь забирает и говорит: «Золина, коль!» Ставила колы.

Я спросила у Светланы Ивановны, как она относилась к немке. Была ли неприязнь? Ведь ее, Светланы, отец в 1941 году погиб на фронте. На что она ответила, что никакой неприязни не было, и даже об этом не думала.

Зато потом, когда ключевские сельские ребята уже стали поступать в институты и сдавали немецкий язык, преподаватели вузов удивлялись

их правильному и чистому произношению. На что ребята с гордостью отвечали: «Нас учила настоящая немка!»

Учителя знали о прошлом Доры и сторонились ее, близкого знакомства не заводили, но относились хорошо. Через два дома от нее жили участник войны Сергей Николаевич Манохин с женой Анной Ефимовной. Они оба были учителя, и Дора часто ходила к ним пить парное молоко из-под коровы. Лагерная голодная жизнь сказалась на здоровье. Супруги Манохины более близко общались с Дорой. В селе говорили, что за ними тоже следят. Но Сергей Николаевич – фронтовик, гангутец – не очень-то боялся. Тем более, что его отец когда-то тоже подвергался репрессиям. Он знал, что это такое. Анна Ефимовна рассказывала: «Мы с Дорой работали вместе в школе. Бывало, заболеешь и находишься дома. Заболел учитель, никто и не интересуется. Прохворается – придет. А Дора уж всегда навестит, расспросит про здоровье. Посоветует, что пить, она в лагере работала в аптеке и разбиралась в препаратах. Очень была заботливая».

Допекали Дору всевидящие «чекисты», неусыпно следили, но она не подавала виду. Некоторых просили докладывать «про немку». Дора, зная, что была арестована незаконно, еще с лагеря подавала разные прошения в инстанции о реабилитации. И мечтала уехать домой. Но еще более 10 лет проживет она на Урале, прежде чем вступит на родную землю.

И своим освобождением из долгого уральского «плена» она была обязана Н.С. Хрущеву. Дора уехала в Берлин в 1958 году. В Германии она не забывала уральских людей, ставших ей родными, не забывала и семейство Сильберман-Мочалиных. Писала на Урал письма, высылала посылки. Фамилию Рикерт по приезду Дора поменяла на девичью – Ангрес. Она сразу же, после перерыва в 20 с лишним лет, восстановилась в университете и закончила его. Начала писать докторскую диссертацию по философии. Ей уже было за 60, когда появилась ее диссертация об отношении Луначарского к немецкой литературе. Большая работа «Die Beziehungen Lunatscharskijs zur deutschen Literatur» была издана в Берлине в 1970 г. и посвящена семье Сильберман-Мочалиных. Бывшую лагерную заключенную Дору Рикерт станут теперь называть фрау доктор Ангрес.

Не у каждого нашлись бы силы и здоровье заново начать полноценную новую жизнь. Но Дора впитывала в себя все краски мира, которых была лишена, она ценила жизнь. Вернее, научилась ценить, поскольку жизнь познается в сравнении с болезнью, тюрьмой или смертью. Она

путешествовала, знакомилась с новыми друзьями. Проживала Дора в Берлине на Wedekindstrasse 21.

Сразу же после приезда в Германию немецкие коммунисты отправили ее по курортам, восстанавливать подорванное здоровье. Жизнь налаживалась. Не обошло ее и женское счастье. Появился болгарский друг – Цветан. Но семейные отношения не сложились – на склоне жизни было страшновато что-то менять. Она любила Цветана до самой его смерти в 1993 г. Когда он заболел раком, она летала самолетом в Пловдив, ухаживала за ним в больнице. А ведь ей уже было 85! В письмах в Россию она пишет об этом:

«..Все равно тяжело на душе, и я, вообще, готова ездить любую минуту, когда требуется». После смерти Цветана сказала: «Теперь незачем жить». Но прожила еще около 10 лет, насыщенных и интересных. Правда, уже подводило здоровье, испортились глаза, и Дора часто лежала в клиниках. Она как больной одинокий человек мечтала о скорейшей смерти. Часто в ее письмах встречаются жалобы на здоровье и усталость: «Я согласна хоть завтра умереть, охотно отдала бы свои прожитые годы (если еще какие есть) кому хочет. Мне все надоело до черта...»

Дору в Берлине часто спрашивали о Советском Союзе, о ее работе в школе, о советских детях. На что она отвечала: «Советские дети так любят свою Родину! На улицах очень грязно, но они говорят, что наша улица самая лучшая!»

Дора оставалась коммунисткой. И бывала в Советском Союзе в составе разных правительственных делегаций. В 1971 году она побывала на свежей могиле Н.С. Хрущева, и встала у нее на колени – в благодарность за реабилитацию и выезд.

Посещая СССР, Дора приезжала в Кунгур, где жили Эмилия Генриховна и Элли Иогановна с семьей. Не все маршруты по стране были разрешены Доре, но она умудрялась приезжать к друзьям в Суксун и Ключи. И всегда Дора всем привозила подарки или высылала посылки.

Один раз учителя Суксунской средней школы узнали, что Дора в Кунгуре, наняли машину и привезли ее на встречу с педагогами. И... бывшими учениками. Какой стыд испытали они, после того, как вспомнили свои выходки по отношению к немке! Просили прощения. А Дора Николаевна давно простила своих жестоких учеников. Она не была злопамятна.

Посещала она и семью Манохиных в Ключах. Ходила по поселку уверенной и гордой походкой, с короткой стрижкой, в белых брюках, что было очень непривычно и необычно для деревенских жителей. Но на русском говорила она с большим акцентом. Супругам Манохиным в 1971 году подарила свою докторскую диссертацию. Книга издана в Берлине, на немецком языке. До сих пор 86-летней Анне Ефимовне хочется «прочитать» ее.

До конца своей жизни Дора писала друзьям на Урал, а когда уже не могла ездить и писать, посылала других навестить своих близких. В 1983 году умерла ее любимая подруга Эмма. Но ее переписка продолжалась уже с детьми и внуками Эммы. Некоторые ее ключевские ученики, бывая в ГДР, навещали Дору Николаевну. Она приглашала всех. Приезжала к ней и Элли Мочалина с детьми. Гостили у нее также свердловские дети бывших ее друзей Лауфер. Незадолго до смерти Дора все свои архивы подарила близким знакомым, зная, что никому потом они не будут нужны.

Мне не известно, что чувствовала Дора, когда развалился Советский Союз, рушилась Берлинская стена, когда ее кумиров сбросили с пьедестала. Делу строительства коммунизма посвятили они с Паулем свою жизнь. Может быть, до конца Дора была верна избранному пути? А может, ее жизнь была ею пересмотрена? Бог знает! Важно в этом примере одно, что человек остался человеком, пройдя все лишения, испытания, разочарования.

На встрече в Суксунской школе кто-то ее спросил: «Вы, наверное, возненавидели тех, кто был так жесток с Вами? Возненавидели нашу страну?» Она ответила: «Здесь было все: и хорошее, и плохое. Здесь была моя молодость, любовь, счастье. Нельзя ненавидеть никого и ничего. Ненависть разрушает. А я все еще хочу созидать!»

Дора умерла 8 сентября 2002 года. Прожив 94 года. Последний ее друг, Петер Тихауэр, известил близких о ее кончине. После смерти ее тело кремировали, и прах развеяли над Балтийским морем, как хотела сама Дора.

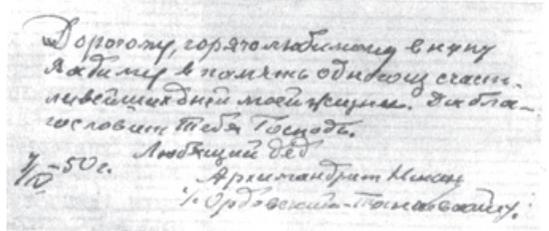
Суксун не забыл о Доре. Ее иногда вспоминают бывшие ученики и преподаватели, ведь с ней их свела война и послевоенные годы. А новое поколение, не испытавшее трагедий войны, репрессий, потери близких, с удивлением слушает рассказ о немке, недоумевая, как можно в таких условиях выжить и продолжать любить жизнь, не утратив к ней интерес.

Наталья Токарева,
сотрудник Суксунского краеведческого музея

КОГДА ИМПЕРИЯ КИПЕЛА (ПОДАРОК СУДЬБЫ)

На лютеранском кладбище Перми есть скромная могилка в семейной оградке Берггрюн. Здесь похоронена женщина, которой суждено было быть спутницей жизни двух видных пермских чиновников. По фотографиям видно, что Александра Ивановна Берггрюн была красивой женщиной, но главное – у нее было доброе сердце...

...Летом 1913 года, отправляясь в отпуск по европейским городам, управляющий Пермской казенной палатой Николай Ордовский-Танаевский

Ордовский-Танаевский Н. А. с внуком Вадимом

даже не предполагал, что полноценного отдыха у него не получится. Уже по дороге, в Берлине, в русском посольстве ему передадут пакет из одного серьезного петербургского ведомства. В пакете содержалась просьба выполнить два конфиденциальных поручения...*

Пермскому чиновнику (далее для краткости – Ордовский – ред.) предлагалось проехать вдоль границы Германия-Россия, хотя бы частично, и затем высказать в Петербурге свое мнение (как бывшего воен-

* Фамилия эта – Ордовские-Танаевские – вернется в Россию не только словом, но и, так сказать, хлебом насущным. Последний Тобольский губернатор царской России Николай Ордовский-Танаевский (1863–1950) написал свои «Воспоминания» в Германии в конце 1940-х. Издание осуществлено много позже, в 1990-е, по желанию его потомков, на средства нынешнего владельца рукописи, правнука автора, Ростислава Ордовского-Танаевского, одного из создателей сети предприятий быстрого питания «Ростик-с», сети, столь успешно пустившей корни и в Перми.

ного) готовится ли Германия к войне. Другое поручение носило также конфиденциальный характер, хотя касалось уже российского подданного: по возвращении из Европы проехать в Тобольск, побеседовать со своими бывшими сослуживцами, родственниками (там Ордовский служил около пяти лет), с целью «обследовать вопрос о Григории Распутине и его отношении к женским монастырям в самом Тобольске и Екатеринбурге». И Ордовский, по тогдашней бюрократической иерархии – третье лицо губернии (после губернатора и вице-губернатора), не смел отказаться от такой вежливо высказанной просьбы. Он выполнил это практически агентурное задание. По первому вопросу суть его доклада свелась к следующему выводу: да, Германия готовится, и при этом – к быстронаступательной войне. По поводу Распутина управляющий палатой также составит свое мнение, не очень-то лицепрятное для «святого старца», чье влияние в царском дворе все возрастало, настолько, что о простом мужике из Сибири начали писать зарубежные издания. Мнение свое Ордовский выскажет прямо, но в осторожных тонах. Тогда он даже не мог и подозревать, насколько тесно «срастется» его имя с фамилией всесильного «старца». Судьба еще не раз столкнет их друг с другом, как Понтия Пилата с Иешуа, если вспомнить роман Булгакова. Анализируя ту ситуацию межвременья, историки частенько будут связывать двух исторических деятелей. Ведь не кто иной, как Распутин поспособствует тому, что Ордовский станет в 1915 начальником его родной Тобольской губернии. Но почему-то от этой протекции, однако, высокопоставленный чиновник станет открещиваться всю жизнь, как черт от ладана. Старательно опровергает он свое близкое знакомство с Распутиным и в «Воспоминаниях». Распутин будет убит в 1916 году. Ордовский умрет в эмиграции в 1950 году, пребывая в монашеском сане. Перипетии этой странной судьбы, совсем не типичной для царского чиновника, подробно изложены в мемуарах, увидевших свет уже после его кончины.

Покаяние губернатора Кошко

В мемуарах Ордовский пишет, что в Перми ему часто приходилось замещать губернатора, а он пережил на своем ответственном посту трех начальников обширной губернии. И с каждым из них – Болотов, Лопухин, Кошко – у начальника казенной палаты сложились хорошие

отношения. В таком утверждении есть, видимо, определенная натяжка, некоторое всепрощенчество. Благозность мемуариста вполне объяснима: к этому времени он уже был рукоположен во иерея, архимандрита Никона, и пострижен в схиму с именем Никодима. Наверное, все простил своим бывшим сослуживцам и Александр Болотов, который также закончит свой земной путь монахом (вот ведь везло пермякам на губернаторов!).

Однако совсем иной настрой у одного из упомянутой троицы, Ивана Кошко, который в «Воспоминаниях губернатора» (изданы в 2007 году в Екатеринбурге) дает Ордовскому довольно сдержанные, а иногда и просто недружелюбные оценки. И понятно почему. Если устроить своеобразный перекрестный допрос двух высших бюрократов губернского ранга, сравнивая их поведение в одинаковых ситуациях, то видно, что Ордовский, временно исполняя должность начальника Пермской губернии, подчас более деятелен и энергичен, чем сам Кошко. А в контактах с Августейшей семьей Николай Александрович обходит начальника на виражах. Как выясняется, разное отношение у них и к Распутину. Иван Кошко счел нужным дать опровержение в газету, требуя указать, что он не оказывал никакого теплого приема «временщику» в Перми, вообще с ним не встречался никогда и нигде. Ордовский вел себя более осторожно и предупредительно по отношению к Распутину.

В результате в мемуарах Ордовского мы читаем потрясающую сцену его прощания с губернатором. Произошло это уже в 1914 году, когда началась Великая война, а месяца через два-три Кошко уезжал в 4-месячный отпуск и в отставку. При прощании он сказал Николаю Александровичу:

– Мучает меня совесть, должен покаяться пред вами, дорогой Николай Александрович, что лишил вас места губернатора, а земцев и население – отличного губернатора. Узнал о предположении назначить вас и в последнюю поездку в Петербург не удержался и, отдав вам должное и полную справедливость, как работнику, рассказал о ночлеге у вас Распутина, о хлопотах ваших по проследованию вагона с ним и дамами, о поездке вашей с ними до Кунгура, о пребывании в Верхотурье и следовании с ними до Перми... Да еще с Александрой Ивановной о вашей поездке, с нею же, в Покровское в 1913 году. Ваше назначение, почти что решенное, не состоялось. Еще раз простите.

Как ни странно, Ордовский не был в обиде на своего бывшего начальника. Интенсивность его контактов с Распутиным объяснялась,

Александра Берггрюн с детьми

скорее всего, одним: Николай Александрович, побывав, и не раз, на аудиенциях в царской семье, выполнял августейшую просьбу (со стороны императрицы прежде всего). Не смел отказать, а может, считал своим долгом выполнить эту просьбу, суть которой вот в чем: контролировать, «стреноживать», держать под присмотром Григория Ефимовича. «Старец» был необходим, так как умел облегчать боли, страдания наследника-царевича.

Что касается упомянутой губернатором Кошко женщины... Александра Ивановна Берггрюн – гражданская жена Ордовского – подарок судьбы, как он сам воспринял появление этой женщины в его бурной жизни.

Спустя всего год Ордовский все же станет губернатором, только не пермским, а тобольским. Уникальный случай: его назначению не мешает даже то, что в личной жизни у Николая Александровича действительно были «неправильности» (еще не дождавшись развода, он жил гражданским браком с другой женщиной). Однако он считал, что губернатор Кошко, уволенный в отставку, поступал как верноподданный правильно, считая себя обязанным довести до сведения «кого нужно» и хорошее, и худое.

Подарок судьбы

К 1913 году Ордовский находился на государственной службе уже более тридцати лет. В свое второе «пермское пришествие» (1907–1915 гг.) он ощущает усталость, переутомление. Мечтает годика через два выйти в отставку, завести «ценз имущественный» в Перми и вернуться к общественной деятельности по крестьянскому земству, а в будущем – и к политической деятельности в Государственной Думе. Ему было 53 года, но никто не давал ему больше 45 лет. Внешне он был вполне бодр, работоспособен. И главное, он находился, как вскоре выяснилось, в кадровом резерве «хозяина земли русской», или царской семьи.

Тогда он и познакомился с семьей своего подчиненного, начальника отделения казенной палаты статского советника Александра Берггрюна. Характеризует он супругов Берггрюн так:

Он: из шведов или немцев, глубоко верующий лютеранин, пожилой холостяк, бывший податной инспектор в районе золотодобывающей промышленности, в небольшом поселке... домосед, страстный рыболов.

Она: из семьи мелкого золотопромышленника, после ранней смерти главы семейства вдова осталась с тремя дочерьми. Средняя, 18 лет, Александра Ивановна, окончила школу заводскую, интересующаяся всем. Вся семья – кержаки, иначе говоря, "единоверцы", глубоковерующие люди.

Александр Алексеевич Берггрюн привязался ко всей семье, жил у них на полном содержании, приучая Александру Ивановну к чтению, развивая ее, расширяя кругозор, и девушка полюбила его. Разница в годах была большая, ей 20, ему 48 лет. Повенчались по любви. Впрочем, замечает мемуарист, Александр Алексеевич «фактически прекратил супружескую жизнь с женой по половой дряхлости еще в 1909 году, не прекращая ее любить, но уже чисто отцовской любовью». Так ли это было на самом деле, трудно сказать. По некоторым признакам, оговоркам можно предположить, что вулкан былых страстей и привычки к тому времени еще не совсем угасли.

Пермский роман крупного чиновника развивался, в основном, на лоне природы, на красивом берегу Камы, где Берггрюны предложили Николаю Александровичу половину своей дачи в Курьях (Нижняя Курья).

«Обе половины одинаковы: терраса крытая, 2 комнаты, наверху комната с балконом, – с удовольствием вспоминал обстановку и дом Ордовский. – Позади дома, при каждой квартире, кухня, кладовая и конурка для прислуги. С террасы сход в цветник и огородик. Остальной участок – хвойный лес общий, в конце леска балка и колодец с чудной водой. От пароходной пристани 10 минут ходьбы лесом, от полустанка железной дороги – 20 минут, тоже лесом. Дача на высоком песчаном берегу. Позади участков проселочная дорога и густой грибной и ягодный лес на 15-30 верст глубиной. Весь поселок – дачи в один ряд, три пристани, длиной 6 верст. Архиерейская дача с храмом. Общественное собрание. В 5 минутах от дачи проток Камы, своя лодка и купальня. Пароходы 2-6 раз в день. Поезда 4 раза в день. В праздники пароходы 8 или 9 раз в день».

«Свадебное путешествие» в Екатеринбург

В 1911 году случилось то, чего следовало ожидать и что предвидели некоторые из домочадцев, наблюдая совместную дачную жизнь: «Поразительная общность взглядов всех нас троих, – пишет Ордовский, – особенно в вопросах воспитания 3-х моих и 2-х их детей и забота об общем приемыше, Ларисе, а также явное влечение душ между нами, привели к тому, что Александр Алексеевич в одну из ночей убедил меня не ждать его кончины... И не добиваться развода с Елизаветой Павловной (супругой Ордовского, с которой они давно уже жили врозь – ред.), если она этого не потребует сама, а сойтись с Александрой Ивановной. При этом он высказал глубокую уверенность в том, что я, пока жив, не оставлю ни ее, ни их двоих детей и замену им отца в случае его кончины, а также не оставлю и его, если он тяжело захворает».

Жизнь есть жизнь, как говорится, и пути господни неисповедимы... Решающее событие для создавшегося союза произошло в соседнем уездном городе, столице горного Урала. Старшая и младшая сестры Александры Ивановны с мужьями жили в Екатеринбурге. Ордовскому предстояла поездка туда на съезд, попутно – ревизия казначейства и податной инспекции. И это на 10 дней.

По своей привычке изучать досконально все, что имело отношение к службе, хотя бы и косвенное, Ордовский ездил на все съезды горно-золото, платинопромышленников, как в Перми, так и в Екатеринбурге, и в Петербурге, чем и они стали дорожить. Дело кончилось тем, что на 3-м съезде в 1911 году в Екатеринбурге Ордовский стал инициатором создания постоянно действующего бюро Общества горно-золото-платиновой промышленности Урала, которое было бы как бы оком всего их Союза. Мысль была встречена вполне сочувственно.

Тогда они и сговорились с Александрой Ивановной поехать вместе, для свидания с сестрами и матерью.

«Мы остановились в гостинице, где я обычно проживал, в двух соседних номерах и вернулись уже связанные, казалось, на всю жизнь. Казалось! Но не долгой она была!

По возвращении в Пермь из нашей, так сказать, свадебной поездки, по уговору с Александрой Ивановной, я оставался жить и спать в своем кабинете... Приняты были все меры, чтобы в детях не возбудить подозрений в происшедшей перемене наших отношений. Для моих

детей младших она осталась тетей Шурой, для Лили – Александрой Ивановной, я – для ее детей и для Ларисы – дядей Колей. Она и муж по-прежнему имели круг своих знакомых, иначе, как с мужем, она не выезжала на вечера, концерты и в театры. Когда я, вступая в исполнение должности губернатора (такое случалось в течение года по несколько раз – ред.), пользовался его ложей в театре, то она и ее муж садились во втором ряду, а в первый я приглашал кого-либо из своих сослуживцев по другим ведомствам с их женами, и мы сидели в первом ряду».

И еще одно общее условие. Хотя оба они обожали детей, но твердо решили не иметь общего ребенка.

Работа на перспективу. Лазарет

Еще более их сблизило общее дело. В том, что выбор своей подруги, соратницы и хозяйки-распорядительницы для Николая Ордовского не был ошибочным, в полной мере подтвердилось с началом войны. Высокие нравственные и деловые качества Александры Ивановны проявились при создании лазарета.

Как только началась Великая война – так называли в царские годы 1-ю мировую войну – служащие Пермской казенной палаты решили оборудовать в своем здании на Покровской лазарет. Из ведомства в первые же недели были призваны в армию почти 70 чиновников и курьеров. Несколько сотрудников, представителей всех служащих, обратились к Ордовскому с предложением: потесниться и, освободив две комнаты, оборудовать 25 коек. Кроме того решили начать пожертвования, добровольные вычеты из содержания. Управляющий выделяет также 500 рублей как пособие на лечение, для обзаведения всем необходимым, и открывает лазарет на 20 коек для нижних чинов и 5 коек для офицеров, раненых. Служащие, чиновники, их жёны и родственницы решили пройти краткие курсы братьев и сестер милосердия. Предусмотрели и то, что чиновники особых поручений – фармацевт-аптекарь, два врача-амбуланты венериков – работают бесплатно. Все белье изготовят бесплатно жены и родные. На платной основе приняли только кухарку и судомойку.

Как вспоминает Николай Александрович, услышав этот план, он перекрестился и полностью поддержал его. За одним малым изменением: «все койки только нижним чинам, а окажутся офицеры, я отдаю свою гостиную, и можно пользоваться моей ванной».

Как видим, самоотверженность проявил весь штат во главе с управляющим. Поставили лазарет под флаг Земств и Городов. Заручившись согласием губернатора и земства, Ордовский съездил в Петербург, добыл согласие Министра финансов и привез 1000 рублей для начала дела.

«Заседания перенесли в мой служебный кабинет, – вспоминал Николай Александрович, – а зал Общего Присутствия обратили в мастерскую. Через 14 дней все было готово к приему 25 человек раненых. Отслужили торжественный молебен, освятили отремонтированные две комнаты, выставили флаг. По окончании церемонии председатель губернской земской управы Егорушка (Е. Д. Калугин – ред.) обратился с речью ко мне и служащим:

– К нам уже идут поезда, первый прошел Вологду, у нас не хватает 25 мест, примите к себе. Наши условия: мы открываем аванс. Расходы не должны превышать того, что будет стоить наша койка в нашем земском лазарете...

Служащие согласились. Общий надзор вручили мне, а на время поездов – моему помощнику».

Ордовский и семья Берггрюнов: Н. Ордовский (в центре, в темном костюме) справа от него доктор П.Н. Серебrenников и А.И. Берггрюн.

Всю хозяйственную часть единогласно возложили на Александру Ивановну. Хлопот у нее было много. К 1 ноября 1914 года весь нижний этаж освободили и оборудовали, лазарет возрос до 120 коек (для этой цели прибавились и земские деньги). Оговорили только тяжелых раненых и заразных больных в лазарет не принимать, потому что оба врача – не хирурги, а лазарет и палата – «одно тело», и место общественное. Здесь были также столовая, читальня и лекционная. В зале общего присутствия перед иконой Св. Чудотворца Николая был поставлен престол, рядом с портретом Императора иконы, жертвенник, и начались литургии. Открылась домовая церковь без иконостаса. Из-за этого духовенство сначала было против, но епископ Палладий отслужил первую Всенощную и литургию с семинарским хором, и все наладилось.

Обслуживание владыка поручил монахам Пермского подворья Белогорского мужского монастыря, чтецы, певчие – добровольцы из служащих и раненых, регент – палатский доктор. Было предположено, по окончании войны перенести церковь в ту комнату, где в 1824 году ночевал Император Александр I Благословенный.

Прислуживали за столами, по очереди, служащие палаты. Дети их спешили кончить уроки, чтобы почитать и написать письма раненым.

Лазарет получил славу лучшего во всем Казанском округе по порядку и питанию. Рассказывали, что раненые бросали жребий, кому попасть в наш лазарет. За первый год своего существования лазарет пропустил 1 200 раненых.

«От смертных случаев Бог уберег, – вспоминал Н.А. Ордовский. – Много благодарственных писем получали от ушедших. В 1917 году в Петербурге, в трамвае, уже при большевиках, меня опознали два раза красноармейцы, оба раза вскочили с мест с радостными криками:

– Ваше Превосходительство, отец родной, кормилец наш, живы, не убили? Как семья и дети?

Расцеловался оба раза и шепнул: «Выходим». На первой же остановке поспешили скрыться. Но все же, оба раза, успели отрапортовать на вопросы окружающих: «Сам содержал со служащими лазарет на 120 коек, сам, жена, дети, чиновники ухаживали, кормили и ели с нами за столами. Все век на забудем вас...»

Верной единомышленницей и помощницей оказалась А.И. Бергрюн и в других важных, государственных делах на земле уральской. Из всего того, что планировал свершить на поприще государственной

службы Николай Александрович Ордовский, несомненно способный и деятельный организатор (не зря же его включил в свой кадровый резерв сам Столыпин), у него остались неосуществленными два намерения. И, как ни странно, оба связаны с царской фамилией.

В Пермской казенной палате было помещение, в котором в 1824 году провел два дня император Александр I Благословенный. Управляющему указали и комнату, в которой император почивал. Тогда-то Ордовский и решил возбудить ходатайство об установке на внешней стене здания, на нижнем этаже, доски с соответствующей надписью. Ходатайство, по неизвестным причинам, залежалось под сукном.

Другой замысел был связан также с историей царствующего дома, и еще более древней. Ордовский возглавил движение за причисление к лику православных святых одного из первых Романовых, боярина Михаила Никитича. Тот приходился дядей первому царю, и был замучен по приказу Бориса Годунова в 1602 году в Ныробе, что на самом севере Пермской губернии.

Не получилось. А точнее – не успели, все карты смешали грозные исторические события, разразившиеся над Россией. Хотя Ордовский, будучи уже тобольским губернатором, сумел-таки, даже в военное время, победоносно провести дело о причислении к лику святых Иоанна Тобольского (Максимовича). Правда, на эти торжества никто из членов августейшего семейства в Сибирь не приехал, шел 1916 год. Во время одной из высочайших аудиенций, данных тобольскому губернатору, императрица Александра Федоровна пообещала: «Приедем, как только закончится война...»

Оба неосуществленных замысла, как выясняется теперь, имеют историческую перспективу. Получается, Николай Ордовский не промахнулся ни с идеей установки мемориальной доски в Перми, в честь пребывания Александра I, ни с прославлением боярина-мученика.

Подметные письма (вопрос императрицы)

О сложной ситуации в семье пермского кандидата в губернаторы было давно известно «наверху и даже при дворе». Донесения о гражданской жене Ордовского зафиксированы и в «особо секретном деле», в том числе и самые гнусные слухи и сплетни о супругах Берггрюнах. По просьбе Ордовского о его спутнице жизни упомянул в докладе Августейшим особам и министр МВД Макаров. В 1913 году во время аудиенции государыня Александра Федоровна вдруг спросила:

– Николай Александрович, ну а как ваши семейные дела? Может быть, вам помочь развестись с супругой и вступить в брак со вдовой Берггрюн?

Ордовский в ответ передал содержание разговора Александры Ивановны с епископом Варнавой в Тобольске... А было все так.

Когда владыка усадил Александру Ивановну рядом с собой, а губернатора по другую сторону, Александра Ивановна, совершенно спокойно и даже весело, обратилась к Варнаве:

– Ну, Владыко, никогда бы я не подумала, что Вы такой шутник. Почему это пришло Вам в голову отрекомендовать меня, как жену Николая Александровича? Я и Николай Александрович «однолюбы» и первой своей любви забыть не сможем. Развод и вторичный брак, Церковный брак, при жизни супругов совершенно отрицаем. С 1907 года Николай Александрович и его трое детей, а ныне один сын, жили в семье моей и моего покойного мужа, и мы трое, сообща, воспитывали наших пятерых детей и еще приемыша, девочку-сироту. В 1913 году скончался мой муж и на смертном одре завещал нам обоим участь и воспитание всей шестерки. Мне 42 года, Николаю Александровичу 55 лет, и если при совместной жизни, деля горе и радости и заботы о детях, мы по смерти мужа и согрешили, то не скрываем этого, но освященного церковью звания мужа и жены не присваиваем... Затем, Владыко, Вы назвали меня губернаторшей и Превосходительством, но я обычная женщина, Александра Ивановна, не стремящаяся занимать посты, даже в общественной работе, мне довольно забот по дому и воспитанию детей. У нас, на Святой Руси, пока еще, слава Богу, на ответственные посты государственной службы женщин не назначают. Не могу себе представить, что бы я стала делать, если бы меня вдруг назначили управляющей Казенной палатой, акцизными сборами, прокурором суда, – нет, нет, нет, не хочу. А кто же бы стал вести хозяйство и воспитывать детей?..

Конечно, чувствуется, что содержание беседы дается довольно эмоционально, в передаче Николая Александровича. Впрочем, дальнейшее развитие событий показало, что суть он не исказил. А претерпеть этой паре пришлось немало и на новом месте... В годы войны, когда Ордовский уже исполнял обязанности тобольского губернатора, в городе появились листовки, подметные письма, написанные как будто им самим, от первого лица начальника губернии:

«...Со мной живет немка, фамилия Берггрюн, лютеранка, выдающая себя за православную. Всюду лезет вперед, как губернаторша. Она и я мирволим к пленным и сосланным гражданским немцам. Через нас идет шпионаж...»

И прочее в том же духе. Нужно отдать должное губернатору: он не стал делать вид, что ничего не произошло, а отправил копию доноса в Петербург и добился проведения следствия. С инициаторами пасквилей, своими недоброжелателями, которых он сумел вычислить, встретился лично и известил их о принятых мерах. Черный пиар прекратился.

Курьинские откровения

Иногда воспоминания (вспомним: их пишет в своей келье монах) принимают характер, тональность исповеди. Правда, в самых сокровенных эпизодах мемуаристу не во всем веришь... Не раз возвращается Николай Александрович к памяtnому разговору с мужем своей подруги, Александром Алексеевичем Берггрюном. В частности, он пишет: «...Я спросил:

– Саша, друг и брат, ты знал, что я и Шура уже тогда лгали, ибо мы были уже в связи?

– Да, знал, но счел нужным покрыть вашу ложь. Меня ведь не спросили об этом. Я сам устроил эту связь, видя, как зреет ваша любовь. Вспомни, Коля, я уговорил Шуру ехать с тобой в Екатеринбург к ее сестре. Ночью я проводил вас на вокзал и благословил вас, был и 6-летний Авенир.

– Сказала тебе Шура, возвратясь, что случилось?

– Да, сказала. Но она не сказала тебе и, вероятно, никогда не скажет, а ты забудь навсегда, что у нее в кармане были уже ругательные письма от Елизаветы Павловны (супруги Н.А. – ред.) из Астрахани. Письма с обвинениями, что она, Шура, якобы, ловит тебя, и с угрозами рассчитаться и добиться, чтобы меня убрали из Перми.

– Ну что же, не рой другому яму, сам упадешь. Оправдалось вполне.

Обнялись и разошлись – он к Шуре в спальню, а я остался и не спал до утра...»

Сама Александра Ивановна настроена была однозначно: пока живы ее муж и жена Николая Александровича, она под венец не пойдет. Еще одна памятная беседа. Николай Александрович жил «нахлебником» у Берггрюн (то есть, столовался у них). Однажды, уходя от них после вечернего чая, он пригласил к себе в комнату Александра Алексеевича.

Ордовский: – Поговорим откровенно, как братья.

Берггрюн А.А.: – Давно жду и пора уже.

– Я уже с приезда сюда и начала нашей дружбы думаю, а теперь все больше: почему ты до сих пор сидишь здесь (в казенной палате – ред.) начальником отделения и не хлопчешь о должности управляющего или хотя бы помощника?

– Я доволен тем, что имею. Обзавелся дачкой на имя Шуры. Живем экономно. Ни она, ни я не пригодны к высокому посту и замене, хотя бы временно, губернатора. Особенно Шура, ни по образованию, ни по подготовке общественной. Я порой выпиваю, и сильно. Затем, здесь мы приглядываем и домик на зиму. Я уже статский советник, немного до пенсии. Жизнь моя застрахована в 20 000 рублей, Шура умудряется выплачивать.

Обсудив за рюмочкой-другой материальные, финансовые вопросы семейного бюджета, новоявленные приятели коснулись и вполне интимных проблем. Сан Саныч признался, что он «уже давно, как муж, не го-ден. Второй ребенок, Леша, – это последний. Шура божится, что мой. Супружеские сношения прекратились еще до твоего приезда в Пермь...»

Получается, если верить мемуаристу, Сан Саныч не верил в свое отцовство и не скрывал в откровенной вечерней беседе даже этого обстоятельства.

Сан Саныч еще сказал тогда, что ему вполне ясно и положение в семье Ордовского, в его отношениях с Елизаветой Павловной: «Надлежащей любви не было и при заключении брака. ...Тебя ждет большая карьера, вполне заслуженная, ты нужен уже государству и короне. Дальнейшая ваша совместная жизнь могла кончиться катастрофой...»

Опасения катастрофы небеспочвенны. Законная супруга Ордовского отличалась вспышками ревности (порой действительно спровоцированными мужем) и необузданным характером. Это, видимо, было у нее в крови. Сестра ее, Ольга Павловна, застрелилась в припадке неудовлетворенности семейной жизнью с чудным человеком, домоседом, оставив 3-х малолетних детей. Во время семейного совета (в отсутствие Николая Ордовского, с его братом и сыном), который длился на даче в Курье в течение четырех суток, обсудили главный вопрос: как жить дальше?

Берггрюн А.А.: «Мне поставлен был вопрос ребром: муж ли я еще? И готов ли уступить тебе права мужа и в будущем дать согласие на развод? Мой ответ был положительный. Шуру спросили, полюбила ли она тебя и согласна ли дать всю любовь 3-м младшим, если мать

бросит детей? Согласна ли на развод со мной и на брак с тобой? Ее ответы: – Да, полюбила, но любви первой не могу забыть и не забуду. Всех троих люблю, как своих родных, воспитание поведу по желанию Николая Александровича. Разводиться с мужем не буду, и, пока жива Елизавета Павловна, если она даже и согласится на развод, – венчаться не буду...»

Алексей и Лидия Берггрюны. 1931 г.

Ордовский: «Я эти строки пишу спустя много лет после событий, я стою одной ногой в могиле, через 1 месяц и 22 дня мне будет 90 лет (по документам) и 87 лет действительно. (Возраст изменили на три года, чтобы юный жених смог венчаться с Лизой Петровой – ред.). Я все это пишу, – это я каюсь публично, хотя бы и после ее смерти. Прости меня, Шура, я каюсь и за тебя».

В декабре 1913 года скончался, совершенно тихо, Александр Алексеевич Берггрюн; похоронили его с честью. Квартира была оставлена на полгода за его семьей, а потом перешла на имя Ордовского. Вдова получила 1 200 рублей в год пенсии. Жизнь стала материально тяжелее, но Александра Ивановна справлялась отлично. Жизнь Александра Алексеевича была застрахована в 20 000 рублей, и Александра Ивановна их получила. Это ей давало от 800 до 1000 рублей в год процентов, то есть, в общем, она имела 2 000 рублей в год верных, или 166 рублей в месяц, что вполне достаточно для жизни приличной с 2-мя детьми.

Николай Ордовский признавался: «Смерть Александра Алексеевича была тяжела, но все переживается. Смерть эта внесла полную ясность в нашу семью. Старший сын Саша женился и, по окончании университета, начал службу...»

Последняя встреча

Финал их совместной жизни сложился трагически. В 1918 году, возвращаясь из Петрограда, бывший тобольский губернатор был

охвачен нетерпеливым ожиданием встречи с семьей, но... Вагон «притормозили» в Тюмени. В Тобольск его, по распоряжению большевиков, попросту не пропустили, не пустили в родной дом. Губернаторский особняк готовили для семьи царственных узников. На тюменскую станцию к Николаю Александровичу приехала Александра Ивановна. Они отправились в Екатеринбург, к Галицким (родственникам по женской линии – ВГ).

Из воспоминаний Н.А. Ордовского: «... Шура заявила: «Сомневаться в моей любви ты не можешь. Что будет с тобой завтра – знает Бог, разорвать гнездо я бы не стала, но ясно сознаю, что события разворачиваются молниеносно, и, вернее всего, нас разлучит Господь навсегда. Мой долг остаться при детях. Будут средства у тебя – сможешь поднять Всеволода. Я получаю 1 200 руб. в год пенсии. Чрез год могу переехать в Курью и обратиться в крестьянку (!). Будешь жив – и у тебя будет приют, и жизнь возобновится. Раскинет Бог расстаться навечно – подниму Алексея, а если Всеволод и Авенир уедут в высшие учебные заведения, по силе возможностей буду их поддерживать. Решение зависит от тебя – решай...»

Они провели вместе 7-8 дней. Затем Николай Александрович проводил ее на станцию. Обнялись, перекрестили друг друга и – больше в жизни не встречались.

«Бог дал, Бог взял – да будет Воля Твоя».

Судя по отрывочным данным, А.И. Берггрюн до конца 1920-х находилась в Тобольске. Далее сын Всеволод переехал в Ленинград, а она сама с сыновьями – в Пермь. Оба сына погибли перед Великой Отечественной войной, один из них был летчиком-испытателем.

Переписка с Александрой Ивановной продолжалась и в 1918 году, причем ни одно письмо не пропало, Николай Александрович их все, под номерами, сохранил. Материально семья не бедствовала, временами и он посылал, что мог.

Последнее письмо получил вскоре после увоза из Тобольска наследника с тремя царевнами. Короткое и тревожное, в телеграфном стиле:

«По телефону начальник почтово-телеграфной конторы сообщил: «Скорее пришлите письмо. За дальнейшую отправку и получение писем от Николая Александровича я не ручаюсь». Слышим выстрелы орудийные. Вряд ли в жизни увидимся. Молимся. Молись за нас и ты. Целуем. Храни Господь.

Шура, Возик, Веня, Леша».

Возик – так звали самого младшего, Всеволода. После этого были еще письма, но уже тогда, когда последний тобольский губернатор оказался вне России.

По воспоминаниям Ордовского мы можем восстановить несколько эпизодов, ставших ему известными из писем родных. О жизни в Тобольске семьи Романовых.

...Как-то раз 10-летний Алексей Берггрюн прибегает домой вечером, в темноте сидит у них доктор Боткин (он жил, как известно, с царской семьей). Алексей рассказывал:

– Только что меня нагнал бывший начальник сыскного отделения и говорит: «Не знаете ли, когда приезжает Его Превосходительство?» – Да вы шутите! – «Нет, нет. В Петербурге переворот. Восстанавливается монархия. Едет Николай Александрович вывозить царскую семью. Услышал Бог молитвы верных сынов!» – Я его уверил, что все это слухи.

Боткин говорит:

– Конечно, слухи, но радостные для мучеников. Вечером расскажу за чаем. Будет приятно услышать чаяния народа. Но если бы даже допустить чудо, Государь никогда не примет власть и свое отречение за себя и за сына обратно не возьмет.

В следующее посещение семьи доктор Боткин рассказал:

– Знаете, что вышло прошлый раз? Я рассказал. Вся семья, кроме наследника, была за чаем. Государыня и дочери приняли, как я и предполагал, сообщение, как радостное чаяние народа. Государыня сказала: «Нам было известно еще в 1916 году настроение Тобольской губернии из доклада губернатора, Николая Александровича – Обернулась к Государю. – Ведь помнишь?»

Молчание. Государь, облокотившись о стол, углубился в свои мысли.

– Да, я помню, – наконец ответил он. – Да, да, да, Николай Александрович вернется, но не скоро, и не как губернатор, а глубоким старцем. Монахом. Империя будет, но нас всех не будет...

Ордовский после этого фрагмента, записанного по драгоценным весточкам от своих близких, запишет:

«Я, уже 90-летний старец, схиархимандрит, вновь говорю себе:

– Государь стал провидцем».

...Как мы теперь знаем, Ордовский свое намерение исполнил, приняв постриг, а затем став архимандритом. О конце жизненного

пути его подруги я поначалу знал только то, что в последние годы она жила в Перми, как и предположил мемуарист. Помня о том, что Александра Ивановна вышла из семьи соликамских старообрядцев-золотодобытчиков (недаром она часто называла себя «кержачкой», или единоверкой), можно было допустить, что уж она-то скорее всего обратится в монастырь, еще раньше своего гражданского мужа. Однако среди монахинь бывшего Успенского женского монастыря (хоть и закрытого советской властью, но продолжавшего существовать отдельными «кельями», в укромных квартирках) ее присутствия не обнаружилось.

Нашел я ее следы... на лютеранском (немецком) участке старинного Егошихинского кладбища. Она завещала себя похоронить рядом со своим первым мужем, А.А. Берггрюном. Правда, фамилия ее была уже другая, Греммер, она вышла замуж за врача Фридриха Францевича Греммера. Тоже немца по происхождению, как и ее первый муж. Но, как писал Ордовский, «первая любовь не забывается»? В той же семейной оградке Берггрюнов покоится и их сын Авенир, работавший врачом тюремного ведомства...

Потомки Берггрюнов

После того, как опубликовал историю любви последнего тобольского губернатора, благодаря Интернету отыскались... потомки семьи Берггрюнов. Они прислали фотографии, сведения о том, как сложилась судьба нескольких представителей. Приведу только несколько выдержек из нашей переписки.

«Уважаемый Владимир Гладышев!

К вам обращается Телли Григорьевна Попова, вдова внука Александры Ивановны Берггрюн, от себя, от правнуков и праправнуков Александры Ивановны. Я с большим интересом прочитала Вашу статью. К сожалению, семья не располагает документами о самой Александре Ивановне, ее детях и муже. Имеются лишь несколько фотографий, выложенные в нашем фотоархиве. <http://photo.qip.ru/users/olecoolwater/96244841/?page=1>

По семейным воспоминаниям, Алексей Александрович Берггрюн, сын Александры Ивановны, родился в Тобольске, примерно в 1905–1908 гг. Трагически погиб в мае-июне 1932 г. при выполнении служебного (воин-

ского) долга. На снимке он вместе с супругой Лидией Семеновной Берггрюн (впоследствии – доктор медицинских наук, профессор Смоленского медицинского института). У них родился сын Игорь (впоследствии проректор Смоленского института физкультуры). Фамилию Попов он получил в годы войны в эвакуации, после брака его матери с Михаилом Захаровичем Поповым (тоже д.м.н., профессор Смоленского медицинского института). Таким образом, дети Игоря (Олег и Алексей, правнуки Александры Ивановны) сейчас носят фамилию Поповых.

Из Ваших материалов мы узнали, что Александра Ивановна была гражданской женой Ордовского-Танаевского. Может быть, Вам известно, где и когда они познакомились, как долго пробыли вместе...

Мы были бы Вам весьма признательны, если бы Вы смогли поделиться с нами сведениями о наших предках, любой информацией, ссылками на документы и т.п.

С уважением, Телли Григорьевна Попова, Санкт-Петербург, Пушкин».

«Доброго времени суток, Владимир Федорович! С большим интересом прочитал необычную и красивую историю любви Александры Ивановны. Удивительно цельный и сильный характер. Мама именно это хотела узнать, т.к. кое о чем она догадывалась по отдельным обрывочным воспоминаниям свекрови, Лидии Семеновны Берггрюн и ее матери, Риммы Матвеевны Цауне. Высылаю Вам фрагмент семейной хроники, написанный Поповой Телли Григорьевной.

Встретил в Интернете Ваши работы, посвященные Пермскому некрополю. Особенно, заинтересовал, конечно же, раздел о немецком (лютеранском) кладбище "Фридрих". Впрочем, мама полагает, что фамилия Берггрюн имеет скорее скандинавское, чем немецкое происхождение. И ей очень интересно, как предки Берггрюнов оказались в Перми. Мы с братом планируем этим летом добраться до Перми, и, если это возможно, встретиться с Вами.... С уважением, Олег Попов».

Не на все вопросы мы пока можем найти ответ, поиск продолжается....

Владимир Гладышев

Авторы-составители В.Ф. Гладышев, Т.А. Дорош

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ НЕМЦЫ ПРИКАМЬЯ

Краткий биографический сборник
о некоторых представителях российских немцев Прикамья

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Художественное оформление обложки
Ю.В. Черемохиной

Компьютерное исполнение
Е.И. Галиевой

Корректор
Т.Н. Назукина

Подписано в печать 24.02.2014 г. Формат 60x84¹/₁₆
Усл. печ. л. 12,5. Бумага ВХИ. Гарнитура Times New Roman.
Заказ № 78, тираж 1000 экз.

Сверстано и отпечатано в ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова»,
618400, Пермский край, г. Березники, ул. Циренщикова, 9.
Тел.: (3424) 23-77-29, 26-72-88

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНИЕ!

События из жизни общества "Видергебурт"

*Делегаты Пермского края у памятника
Екатерине Великой в г. Маркс, 2013 г.*

*Клуб синьоров. Презентация книги
В.Ф. Гладышева «Чехов и Пермь», 2008 г.*

*И снова в путь! Э. Гриб (слева)
и П. Паульс с молодежью*

*Открытие памятника
доктору Гралю, 11 июня 2005 г.*

*Открытие памятника участникам
1-й мировой войны. Справа Т.А. Дорош, 2009 г.*

*Участники творческого семинара
в спектакле «Maibaut», г. Пермь, 2013 г.*

*Клуб синьоров и выставка
картин А. Калтайса, 2013 г.*

*«Мы – за Модераха!». Участники
телешоу «Имя Перми Великой»*

